

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ 1895-2005

КРИШНАМУРТИ

Комментарии к жизни

КНИГА ВТОРАЯ

LITRU.RU

«Комментарии к жизни» письменно зафиксировали встречи Кришнамурти с искателями истины, шедшими разными дорогами жизни. Здесь он дает комментарии к противоречивым вопросам, являющимся общими для всех, кто жаждет расширить границы личности и избавиться от самоограничения. Том 2 из трехтомного издания представляет собой около 50 освещающих заметок-взглядов Кришнамурти на некоторые темы, такие как: Медитация, Любовь, Усилие.

Джидду Кришнамурти
Комментарии к жизни. Книга вторая

Счастье творчества

Этот город расположился у великолепной реки. Широкие и длинные ступеньки ведут к самому краю воды, и, кажется, весь мир живет на этих ступеньках. С раннего утра до поздней ночи на них всегда толпятся и шумят. Выступающие ступеньки, на которых люди сидят и теряются в своих надеждах и тоске, в своих богах и мольбах, находились почти на одном уровне с водой. Звонили колокола храма, муэдзин зазывал для молитвы. Кто-то пел, и собралась огромная толпа, слушающая в благодарной тишине.

Вдали от всего этого, за изгибом, чуть выше по реке, виднелись высотные здания. С полосками деревьев и широкими дорогами они протянулись на несколько миль по суше. А вдоль реки, миновав узкий и грязный переулочек, можно очутиться в этом разбросанном местами царстве знаний. Здесь так много студентов со всей страны, нетерпеливых, активных и шумных. Преподаватели напыщенны и плетут интриги ради места и жалованья получше. Никто, кажется, почти не обеспокоен тем, что происходит со студентами после того, как они уезжают отсюда. Преподаватели передают определенные знания и методику, которые умные быстро схватывают, они оканчивают высшее учебное заведение, на этом все. У преподавателей есть постоянные рабочие места, они имеют семьи и гарантию безопасности; но когда студенты разъедутся, они столкнутся лицом к лицу с неразберихой и неуверенностью в жизни. Такие здания, такие преподаватели и студенты существуют по всей земле. Некоторые студенты достигают славы и положения в мире, другие размножаются, борются и умирают. Государство нуждается в компетентных специалистах и управленцах, чтобы вести и править, и всегда существует армия, церковь, и бизнес. Все во всем мире — то же самое.

Для того чтобы получить навыки, умения и иметь работу, профессию, мы проходим процесс набивания поверхностного ума фактами и знаниями, не так ли? Ясно, что в современном мире хороший специалист имеет больше шансов заработать средства к существованию, но что затем? Разве тот, кто является более лучшим специалистом, более способен выстоять перед сложными жизненными проблемами, чем тот, кто не специалист? Профессия — это только одна сфера жизни, но существуют также те сферы, которые скрыты, неуловимы и таинственны. Делать акцент на одном и отрицать или пренебрегать остальным значит неизбежно прийти к совершенно односторонней и ведущей к распаду деятельности. Вот именно то, что сегодня имеет место в мире, с сопутствующим этому вечно возрастающим конфликтом, замешательством и нищетой. Конечно, имеются несколько исключений — это творческие личности, те, счастливые, которые находятся в контакте с чем-то, что не искусственно создано человеком, которые не зависят от творений ума.

Вы и я имеем свойственную нам способность быть счастливыми, творческими, быть в контакте с чем-то, что вне тисков времени. Счастье творчества — не дар, припасенный для немногих, так почему же подавляющее большинство не знает этого счастья? Почему некоторые поддерживают связь с чем-то глубоким вопреки материальному положению и несчастным случаям, в то время как другие подвергаются разрушению из-за них? Почему некоторые эластичны, гибки, в то время как другие остаются упорными и погибают? Вопреки знаниям, некоторые держат дверь приоткрытой для того, что никакой человек и никакая книга не могут заменить, в то время как другие душат себя техническими приемами и полномочиями. Почему? Совершенно ясно, что ум хочет, чтобы его поймали и сделали уверенным благодаря определенной деятельности, игнорируя более важные и глубокие вопросы, поскольку тогда он окажется на более безопасной почве. Поэтому его образование, его упражнения, его действия поощряются и поддерживаются на том же уровне, и находятся оправдания для того, чтобы не

продвинуться за пределы этого.

Прежде, до того, как так называемое образование окажет свое пагубное воздействие на детей, многие из них находятся в контакте с неизвестным, что проявляется разными способами. Но окружающая среда скоро начинает сжиматься вокруг них, и после определенного возраста они теряют тот свет, ту красоту, которых не найти ни в какой книге или школе. Почему? Не говорите, что для них жизнь — это слишком много, что они должны выстоять перед суровыми фактами, что это их карма, или грехи отцов — все это чушь. Счастье творчества — оно для всех, а не только для избранных. Вы можете выразить его одним способом, а я другим, но оно — для всех. Счастье творчества не имеет никакой рыночной стоимости, оно — не товар, который можно продать лицу, предлагающему самую высокую цену, это то единственное, что может быть для всех.

Действительно ли творческое счастье осуществимо? То есть, может ли ум находиться в контакте с тем, что является источником всего счастья? Может ли открытость быть поддержана, несмотря на знания, умения и навыки, несмотря на образование и давление в нашей жизни? Она может быть, но только тогда, когда обучающий обучается этой реальности, только когда тот, кто преподаёт, сам находится в контакте с источником творческого счастья. Так что наша проблема — не в ученике, ребенке, а в преподавателе и родителе. Образование — порочный круг, но только когда мы не видим важность, существенную необходимость за всем этим наивысшего счастья. В конце концов, быть открытым для источника всего счастья — это самая искусная религия, но чтобы понимать это счастье, вы должны направить особое внимание на него, как вы делаете это по отношению к бизнесу. Профессия учителя — это не просто обычная работа, а выражение красоты и радости, которое нельзя измерить в понятиях достижений и успехов.

Свет настоящей реальности и ее благодать разрушаются, когда ум, который является местом нахождения «я», берет на себя бразды управления. Самопознание — вот начало мудрости, без самопознания учение ведет к невежеству, борьбе и горю.

Создание условий

Он был очень озабочен помощью человечеству, выполнением благих дел, и для этого активно трудился в различных организациях социального обеспечения. Он сказал, что буквально никогда не брал длительного отпуска и что, начиная с окончания колледжа, постоянно работал ради улучшения человечества. Естественного никаких денег за работу, которую делал, он не брал. Его труд всегда был очень значим для него, и он был глубоко привязан к тому, чем занимался. Он стал первоклассным общественным работником, и ему это нравилось. Но он услышал в одном из разговоров кое-что относительно различных видов бегства от реальности, которые делают ум зависимым от условий, и хотел поговорить об этом.

«Вы думаете, что быть социальным работником означает поставить себя в определенные условия? Разве только это вызывает дальнейший конфликт?»

Давайте выясним, что мы подразумеваем под созданием условий. Когда мы осознаем, что находимся под влиянием условий? Разве мы когда-либо осознаем это? Разве вы осознаете, что вы под влиянием условий, или вы просто осознаете конфликт, борьбу на различных уровнях вашего бытия? Конечно, мы осознаем, но не созданные нами условия, а только лишь конфликт, боль и удовольствия.

«Что вы подразумеваете под конфликтом?»

Любой вид конфликта: конфликт между нациями, различными социальными группами, индивидуумами и конфликт внутри нас самих. Ведь конфликт неизбежен, пока нет объединения между действующим и его действием, между вызовом жизни и откликом на него? Конфликт — это наша проблема, не так ли? Не какой-то специфический конфликт, но всякий конфликт: борьба между идеями, верами, идеологиями, между противоположностями.

Если бы не было конфликта, не было бы никаких проблем.

«Вы предлагаете нам всем стремиться к жизни в изоляции, к простому созерцанию ее?»

Просто созерцать — это трудно, это одна из наиболее труднопонимаемых вещей. Изоляция, хотя каждый сознательно или подсознательно стремится к ней своим собственным путем, не решает наши проблемы, напротив, она усиливает их. Мы пытаемся понять, что это факторы создания условностей, которые порождают дальнейший конфликт. Мы только знаем конфликт, боль и удовольствие, но не осознаем, как создаем для них условия. Что же вызывает появление тех условий?

«Социальные влияния или влияния окружающей среды: общество, в котором мы были рождены, культура, в которой мы выросли, экономическое и политическое давление и так далее».

Это так, но все ли это? Такие влияния — наше собственное детище, разве не так? Общество — это результат отношений человека с человеком, что совершенно очевидно. Данные взаимоотношения — это отношения использования, потребности, комфорта, удовлетворения, и они создают влияния, ценности, которые сковывают нас. Это сковывание и есть создание нами же условий. Мы связаны нашими собственными мыслями и действиями, но мы не осознаем, что связаны, нам только ведом конфликт из-за удовольствия или боли. И, кажется, мы никогда не выходим за его пределы, а если и движемся куда-то, то только к дальнейшему конфликту. Мы не осознаем то, как сами создаем условия, и, пока это так, мы можем только лишь порождать дальнейший конфликт и смятение.

«Как же осознать, как мы создаем условия?»

Это возможно только при понимании другого процесса — процесса возникновения привязанности. Если мы сможем понять, почему привязываемся, то, возможно, сможем

осознать, как создаем условия для себя.

«Разве это не слишком длинный обходной путь, чтобы прийти к прямому вопросу?»

Разве? Просто попробуйте осознать, как вы порождаете условия. Вы сможете осознать это только косвенно, относительно чего-то еще. Вы не сможете осознать, как порождаете условия, как абстракцию, поскольку тогда это просто на словах, без особой значимости. Мы осознаем только конфликт. Конфликт существует, когда нет никакой интеграции между вызовом и откликом. Такой конфликт — результат создания нами условий. Создание условий — это возникновение привязанности: к работе, к традиции, к собственности, к людям, к идеям и так далее. Если бы не имелось никакой привязанности, возникали бы тогда условия? Конечно, нет. Так зачем мы привязываемся? Я привязываюсь к своей стране, потому что через отождествление с ней я становлюсь кем-то. Я отождествляю себя с моей работой, и работа становится важной для меня. Я — это моя семья, моя собственность, и я привязан к ним. Объект привязанности предлагает мне средство бегства от моей собственной пустоты. Привязанность — это бегство, которое усиливает порождение условий. Если я привязан к вам, то потому, что вы стали средством бегства от меня самого, таким образом вы чрезвычайно важны для меня, и я должен обладать вами, держаться за вас. Вы становитесь фактором возникновения условий, а бегство — это создание условий. Если мы сможем осознать наше бегство, то тогда сможем уловить факторы, влияния, которые приводят к возникновению условий.

«Неужели я убегаю от самого себя благодаря социальной работе?»

Вы привязаны к ней, связаны ею? Вы бы ощутили себя потерянным, опустошенным, тоскующим, если бы не занимались социальной работой?

«Я уверен, что было бы так».

Привязанность к вашему делу — это ваше бегство. Существуют бегства на всех уровнях нашего бытия. Вы убегаете через работу, другой через спиртные напитки, третий через религиозные обряды, четвертый через знания, пятый через бога, а еще кто-то зависим от развлечений. Любое бегство похоже одно на другое, нет никакого высшего или низшего бегства. Бог и выпивка находятся на одном и том же уровне, пока они являются бегством от того, кто мы есть. Только когда мы осознаем наше бегство, тогда мы сможем осознать, как создаем условия.

«Что же я буду делать, если я прекращу убегать через социальную работу? Могу ли я делать что-нибудь, при этом не убегая? Разве не всякое мое действие — форма бегства от того, кто я?»

Этот вопрос просто на словах, или он отражает действительность, реальность, которую вы переживаете? Если бы вы не убегали, что случилось бы? Вы когда-либо пробовали это?

«То, что вы говорите, настолько негативно, если я могу так выразиться. Вы не можете предложить какую-либо замену работе».

Разве не всякая замена — это лишь иная форма бегства? Когда одна специфическая форма деятельности не удовлетворительна или порождает дальнейшее противоречие, мы прибегаем к другой. Заменять одну деятельность другой без понимания самого факта бегства довольно-таки бесполезно, вам не кажется? Именно это бегство и наша привязанность к ним приводят к созданию условий. Создание условий порождает проблемы и конфликты. Именно создание условий мешает нашему пониманию вызова жизни, будучи обусловленным, наш отклик должен неизбежно создать конфликт.

«Как же можно освободиться от создания условий?»

Только благодаря пониманию, осознанию нашего бегства от реальности. Наша привязанность к человеку, к работе, к идеологии является фактором создания условий, это явление мы должны понять, а не искать лучшего или более интеллектуального бегства. Всякое бегство невежественно, поскольку оно неизбежно вызывает конфликт, привязанность к абстракции, к идеалу, называемому беспристрастностью. Идеал — это фантазия, созданная

вашим эго, и становление идеалом — бегство от того, что есть. Понимание того, что есть, адекватное действие по отношению к тому, что есть, возникает только тогда, когда ум больше не ищет никакого бегства. Само размышление относительно того, что есть, — бегство от того, что есть. Размышление относительно проблемы — бегство от проблемы, поскольку размышление и есть проблема, причем единственная. Ум, не желая быть таким, каков он есть, боясь того, что есть, стремится к этим различным видам бегств, а путь бегства — это мысль. Пока есть размышление, будет и бегство, привязанности, которые только усиливают порождение условий.

Свобода от создания условий приходит со свободой от мышления. Когда ум совершенно спокоен, только тогда есть свобода для того, чтобы возникло реальное.

Страх внутреннего одиночества

Насколько это необходимо — умирать каждый день, умирать каждую минуту по отношению ко всему, ко всем прошедшим дням и по отношению к моменту, который только что прошел! Без смерти нет никакого возрождения, без смерти нет никакого творения. Бремя прошлого порождает его собственное продолжение, и тревога дня вчерашнего дает новую жизнь тревоге дня сегодняшнего. «Вчера» увековечивает «сегодня», а «завтра» — все еще остается «вчера». Нет никакого освобождения от этой непрерывности, кроме в смерти. В смерти есть радость. Это новое утро, свежее и ясное, свободно от света и темноты вчера, песню той птицы слышат впервые, а шум тех детей — не такой, как вчера. Мы несем память о вчерашнем дне, и она затемняет наше бытие. Пока ум является механическим устройством памяти, он не знает никакого отдыха, никакого спокойствия, никакой тишины, он вечно истощает себя. И тот, который все еще может повторно возродиться, является бесполезной вещью, которая в постоянной деятельности изнашивает себя. Источник начала находится в окончании, а смерть так же близка, как и жизнь.

Она сказала, что училась долгие годы с одним из известных психологов и он исследовал ее, что заняло значительное время. Хотя ее воспитывали как христианку, и она также изучала индуистскую философию и ее преподавателей, она никогда не присоединилась к какой-либо специфической группе и не связала себя с какой-либо системой мышления. Как всегда, ее все еще что-то не удовлетворяло, и она даже отказалась от психоанализа. А теперь ее вовлекли в некую благотворительную деятельность. Она была замужем и познала все горести, а также радости семейной жизни. Она находила убежище различными способами: через престиж в обществе, работу, деньги, трогательное восхищение этой страной у синего моря. Печали умножились, что она еще могла перенести, но она никогда не была способна выйти за пределы некоторой глубины, и все это оказывалось не очень глубоким.

Почти все имеет поверхностный характер и вскоре заканчивается, только чтобы начаться снова с последующей поверхностности. Неистощимое нельзя обнаружить через какую-либо деятельность ума.

«Я перешла от одной деятельности на другую, от одной неудачи к другой, всегда ведомая и всегда преследующая. Теперь, когда я достигла конца одного убеждения, и прежде, чем я последую за другим, который будет вести меня в течение множества лет, на меня подействовал более сильный импульс, и вот здесь я. Моя жизнь хороша, весела и богата. Я заинтересовалась многими вещами и изучала некоторые предметы довольно-таки глубоко. Но так или иначе, спустя годы я все еще на поверхности явлений и кажусь неспособной проникнуть за пределы определенной точки. Но я хочу идти глубже, а не могу. Люди хорошо отзываются о том, что я делала, и именно это совершенство связывает меня. Моя зависимость от условия имеет вид благотворительности: делаю добро другим, помогая нуждающимся, внимание, великодушие и так далее. Но это обязывает, подобно любому другому возникшему условию. Моя проблема состоит в том, чтобы освободиться не только от этого условия, но и всех созданных мною условий и выйти за их пределы. Это стало необходимой потребностью не только из-за того, что я услышала из разговора, но также из-за моего собственного наблюдения и опыта. Я в настоящее время отложила свою благотворительную деятельность, и вернусь к ней или нет, будет решено позже».

Почему вы раньше спрашивали себя о причине всех этих видов деятельности?

«Мне прежде никогда и в голову не приходило спросить себя, почему я занимаюсь социальной работой. Я всегда хотела помогать, делать добро, и это не было лишь пустой сентиментальностью. Я обнаружила, что люди, с которыми живу, не реальны — они лишь

маски, только нуждающиеся в помощи являются реальными. Жить с масками бессмысленно и глупо, а жить с другими — это борьба, боль».

Почему вы занимаетесь благотворительностью или любым другим видом деятельности?

«Считаю, чтобы держаться на плаву. Нужно жить и действовать, и созданным мной условием было действовать настолько порядочно, насколько возможно. Я никогда не спрашивала себя, почему я поступаю именно так, а теперь хочу выяснить это. Но прежде, чем мы пойдем дальше, позвольте мне признаться, что мне нравится уединение, и, хотя я встречаюсь со многими людьми, я одинока, и мне это нравится. Есть что-то приятно возбуждающее в том, чтобы быть одной».

Быть одной, в наивысшем смысле, является необходимостью, но одиночество ухода в себя придает ощущение власти, силы, неуязвимости. Такое одиночество — изоляция, бегство, убежище. Но разве не важно выяснить, почему вы никогда не спрашивали себя о причине всех ваших возможно и хороших поступков? Разве вам не следует расследовать это?

«Да, давайте сделаем это. Я думаю, что именно страх внутреннего одиночества заставил меня делать все это».

Почему вы используете слово «страх» по отношению к внутреннему одиночеству? Внешне вы не возражаете быть одинокой, но от внутреннего одиночества вы отворачиваетесь. Почему? Страх — это не абстракция, он существует только по отношению к чему-то. Страх не существует отдельно, он существует как слово, но его чувствуют только в контакте с чем-то другим. Чего же вы боитесь?

«Внутреннего одиночества».

Страх внутреннего одиночества существует только относительно чего-то еще. Вы не можете бояться внутреннего одиночества, потому что никогда не всматривались в него, вы измеряете его теми мерками, которые уже знаете. Вы знаете вашу ценность, если можно так выразиться, как общественного работника, как матери, как способного и продуктивного человека и так далее. Вы знаете цену вашего внешнего одиночества. Таким образом, именно относительно всего этого вы измеряете или имеете подход ко внутреннему одиночеству. Вы знаете то, что было, но вы не знаете то, что есть. Когда известное смотрит на неизвестное, это порождает страх, именно это вызывает в вас опасение.

«Да, совершенно верно. Я сравниваю внутреннее одиночество с понятиями, которые я знаю из опыта. Именно данный опыт вызывает опасение чего-то, что я в действительности вообще не испытала».

Так что ваш страх на самом деле не из-за внутреннего одиночества, но прошлое боится чего-то, что оно не знает, или не испытало. Прошлое хочет поглотить новое, сделать из него опыт. Но может ли прошлое, которое и есть вы, пережить новое, неизвестное? Известное может пережить только то, что принадлежит ему, оно никогда не сможет переживать новое, неизвестное. Давая неизвестному название, назвав его внутренним одиночеством, вы только опознали его словесно, и слово занимает место переживания, так как слова — это внешнее выражение страха. Понятие «внутреннее одиночество» прикрывает факт того, что есть, и само слово создает страх.

«Но я как-то, не способна взглянуть на этот факт».

Давайте сначала поймем, почему мы не способны взглянуть на факт, и что мешает нам пассивно наблюдать за ним. Не пытайтесь смотреть на него сейчас, а, пожалуйста, спокойно послушайте то, о чем говорится.

Известное, прошлый опыт, пытается поглотить то, что оно называет внутренним одиночеством. Но оно не может пережить это, поскольку не знает, чем является, оно знает термин, но не то, что скрывается за термином. Нельзя испытать неизвестное. Вы можете думать

или размышлять над неизвестным, или бояться его, но мысли не дано постичь его, поскольку мысль — это результат известного, опыта. Поскольку мысль не может познать неизвестное, она боится его. Страх останется, пока мысль желает переживать, понять неизвестное.

«Тогда что?..»

Пожалуйста, послушайте. Если вы услышите правильно, истина всего этого будет понятна, и потом истина будет единственным действием. Что бы мысль не делала по отношению ко внутреннему одиночеству — это бегство, уклонение от того, что есть. Уклоняясь от того, что есть, мысль создает свои собственные условия, которые предотвращают переживание нового, неизвестного. Страх — это единственный отклик мысли на неизвестное, мысль может называть его различными терминами, но, тем не менее, это — страх. Просто поймите, что мысль не может справиться с неизвестным, с тем, что есть, что скрывается за термином «внутреннее одиночество». Только тогда по-настоящему то, что есть, раскрывает себя, и оно неиссякаемо.

Теперь, если можно, оставьте этот вопрос в покое. Вы услышали, и пусть это работает, как сможет. Быть спокойным после пахоты и посева означает дать жизнь творению.

Развитие ненависти

Она была учительницей или, скорее всего, всегда была ею. Она была нежна и любезна, и это почти стало установившейся практикой. Она сказала, что преподавала в течение более чем двадцати пяти лет и была счастлива на этом поприще. И хотя в конце она хотела уйти от всего этого, она привыкла. Недавно она начала осознавать то, что было глубоко захоронено в ее природе. Она внезапно обнаружила это во время одного из обсуждений, и случившееся по-настоящему удивило и потрясло ее. Это было и не было простым самообвинением, и хотя оглядываясь вслед прошедшим годам, она могла теперь видеть, что это всегда было с ней. Она действительно ненавидела. Это не было ненавистью к кому-то в частности, а чувством всеобщей ненависти, подавленная вражда к каждому и ко всему. Когда она впервые обнаружила ее, она подумала, что это было что-то очень поверхностное, которое она могла легко побороть. Но когда проходили дни, она обнаружила, что это не было всего лишь досадным недоразумением, но закоренелой ненавистью, которая продолжалась всю ее жизнь. Что ее потрясло, было то, что она всегда считала себя нежной и доброй.

Любовь — странная вещь, но пока она пронизана мыслью, это не любовь. Когда вы думаете о ком-то, кого вы любите, тот человек становится символом приятных ощущений, воспоминаний, образов, но это — не любовь. Мысль — это ощущения, а ощущения — это не любовь. Сам процесс размышления — это опровержение любви. Любовь — это огонь без дыма мысли, ревности, противостояния, использования, которые принадлежат уму. Пока сердце обременено объектами мышления, ненависть неизбежна, поскольку ум — это вместительница ненависти, антагонизма, противостояния и конфликта. Мысль — это реакция, а реакция — всегда, так или иначе, источник вражды. Мысль — это противостояние, ненависть, мысль — всегда соперничает, всегда ищет результат, успех. Ее удовлетворенность проявляется в удовольствии, а ее расстройство — в ненависти. Конфликт — это мысль, пойманная в ловушку противоположностей, и синтез противоположностей — это все еще ненависть, антагонизм.

«Вы понимаете, я всегда думала, что любила детей, и даже, когда они выросли, то приходили ко мне за утешением, когда у них были неприятности. Я принимала свою любовь к ним как должное, особенно любовь к тем, кто был моими любимчиками вдали от классной комнаты. Но теперь я понимаю, что у меня всегда имелось затаенное чувство ненависти, закоренелое неприятие. Что же мне делать с этим открытием? Вы и понятия не имеете, как я потрясена, и хотя вы говорите, что мы не должны осуждать, это открытие оказалось очень полезным».

Обнаружили ли вы также возникновение ненависти? Понять причину, узнать, почему вы ненавидите, является сравнительно легкой задачей, но осознаете ли вы пути ненависти? Вы наблюдаете за ней, как если бы вы наблюдали за незнакомым новым животным?

«Это все столь ново для меня, и я никогда до настоящего момента не наблюдала за возникновением ненависти».

Давайте сделаем это теперь и посмотрим на то, что случится, давайте пассивно понаблюдаем за ненавистью, посмотрим, как она раскрывает себя. Не удивляйтесь, не осуждайте, не находите оправдания, просто пассивно наблюдайте за ней. Ненависть — это вид расстройства, так? Полное удовлетворение и расстройство всегда идут бок о бок. В чем вы заинтересованы, не профессионально, но где-то глубоко в душе?

«Я всегда хотела рисовать».

Почему вы не делали этого?

«Раньше мой отец настаивал, чтобы я не занималась чем-то, что не приносило дохода. Он был очень агрессивным человеком, и деньги были для него вершиной всего. Он никогда не сделал бы что-либо, если это не сулило ему денег, или он не получил бы за это больше престижа, больше власти. „Больше“ — вот что было его богом, и мы все являлись его детьми. Хотя я любила его, я была настроена во многом против по отношению к нему. Эта идея относительно важности денег отложилась где-то в глубине меня, и мне нравилось учить, вероятно, потому что это давало мне возможность быть боссом. Во время отпуска я, бывало, рисовала, но это не приносило удовлетворения; мне хотелось посвятить этому свою жизнь, а фактически я уделяла рисованию только пару месяцев в году. Наконец я вообще прекратила рисовать, но внутри все горело. Теперь-то я понимаю, как все это порождало неприятие во мне».

Вы когда-либо были замужем? Есть ли у вас собственные дети?

«Я влюбилась в женатого мужчину, и мы тайно жили вместе. Я ужасно ревновала его к жене и детям, и мне было страшно заводить детей, хотя я очень хотелось. Все естественные вещи, каждодневные товарищеские отношения и так далее я отвергала, а ревность превратилась во всеохватывающую ярость. Ему пришлось переехать в другой город, но моя ревность никогда не уменьшалась. Это было невыносимо. Чтобы забыть обо всем, я более интенсивно принялась за обучение. Но теперь я понимаю, что все еще ревную, не его, потому что он умер, а счастливых людей, женатых, успешных, почти любого. А мы могли быть вместе, но это было не дано нам!»

Ревность — это и есть ненависть, не так ли? Если вы любите, то уже нет места чему-нибудь другому. Но мы не любим на самом деле, дым душит нашу жизнь, и огонь затухает.

«Я могу теперь понять, что и в школе, и с моими замужними сестрами, и почти во всех моих взаимоотношениях шла война, но только она было скрытой. Я становилась идеальным учителем. Стать идеальным учителем было моей целью, и вскоре меня именно так и признали».

Чем сильнее идеал, тем глубже подавленность, конфликт и неприятие.

«Да, теперь я понимаю все это, и, удивительно, когда я наблюдаю за собой, я не возражаю быть такой, какая я есть реально».

Вы не возражаете против этого, потому что в вас есть своего рода грубое одобрение, не так ли? Это самое одобрение приносит некоторое удовольствие, оно придает живучесть, ощущение уверенности в знании себя самой, силы этого знания. Как ревность дает удовлетворяющие, хотя и болезненные ощущения, так теперь знание вашего прошлого дает вам ощущение превосходства, которое также удовлетворяет. Теперь вы нашли новое определение для ревности, для расстройств, для вашей покинутости: это ненависть и знание о ней. При знании возникает гордость, которая является иной формой неприятия. Мы переходим от одной замены к другой; но, по существу, все замены похожи, хотя словесно они, возможно, и отличаются. Так что вы поймались в сети вашей собственной мысли, не так ли?

«Да, но что еще можно сделать?»

Не спрашивайте, а лишь наблюдайте за процессом вашего собственного размышления. Как хитро оно, и как вводит вас в заблуждение! Оно обещает облегчение, но порождает только еще один кризис, еще одно неприятие. Только пассивно наблюдайте за этим и позвольте сути этого быть.

«Наступит ли освобождение от ревности, от ненависти, от непрекращающейся и подавляемой борьбы?»

Когда вы надеетесь на что-то, активно или пассивно, вы проецируете ваше собственное желание. Вы добьетесь успеха в вашем желании, но это только другая подмена, и поэтому борьба снова продолжается. Желание извлекать пользу или избегать находится все еще в пределах сферы противостояния, не так ли? Поймите ложное как ложное, и тогда возникнет истина. Вам ненужно искать ее. То, что вы ищете, вы найдете, но это не будет истиной. Это

подобно тому, как подозревающий человек находит то, о чем он подозревает, что сравнительно легко и глупо. Просто пассивно осознайте весь этот целостный процесс мышления, и также желание быть свободной от этого.

«Все это было необычным открытием для меня, и я начинаю понимать суть того, что вы говорите. Я надеюсь, что не потребуются больше лет, чтобы проникнуть за пределы этого конфликта. Ну, вот я снова надеюсь! Я буду тихо наблюдать и осознавать то, что будет происходить».

Прогресс и революция

В храме пели. Это был чистый храм, высеченный из камня, массивный и нерушимый. Там находилось более тридцати священников, голых до пояса. Их произношение на санскрите было точным и четким, и они понимали значение песнопения. Глубина и звучание слов заставляли почти дрожать стены и столбы, и инстинктивно группа людей, находящихся там, затихла. Воспевалось творение, начало мира, и то, как появился человек. Люди закрыли глаза, и песнопение приводило всех в приятное волнение: ностальгические воспоминания их детства, мысли о продвижении вперед, которое они сделали, начиная с тех юных лет, необычное впечатление от слов на санскрите, восхищение от вновь слышаемого песнопения. Некоторые повторяли песнопение про себя, и их губы шевелились. Атмосфера заряжалась от сильных эмоций, но священники продолжали песнопение, и боги оставались молчаливыми. Как мы восторгаемся внутри себя мыслью о прогрессе. Нам нравится думать, что мы достигнем лучшего положения, станем более милосердными, мирными и добродетельными. Мы обожаем цепляться за эту иллюзию, и лишь немногие глубоко осознают, что стать кем-то — просто отговорка, удовлетворяющий миф. Мы любим думать, что когда-нибудь мы будем лучше, но тем временем продолжаем все как прежде. Прогресс — это такое успокаивающее, такое многообещающее, слово, с помощью которого мы гипнотизируем себя. То, что есть, не может стать чем-то иным, жадность никогда не сможет стать нежадностью, насилие не сможет стать ненасилием. Вам удастся сделать из чугуна в чушке изумительный, сложный механизм, но прогресс — это иллюзия, когда дело касается самостановления. Идея относительно «я», становящегося кем-то великолепным, — просто обман жажды стать кем-то большим. Мы поклоняемся успеху государства, идеологии, «я» и обманываем себя с помощью утешающей иллюзии прогресса. Мысль может прогрессировать, становиться чем-то большим, продвигаться к более совершенному результату или заставить себя замолчать, но пока мысль является движением жадности или отказа, она всегда остается простой реакцией. Реакция вечно порождает конфликт, а прогресс в конфликте — это дальнейшее замешательство, дальнейший антагонизм.

Он сказал, что был революционером, готовым убивать или быть убитым ради этой цели, ради своей идеологии. Он был готов убивать ради лучшего мира. Уничтожить существующий социальный строй означало бы конечно произвести еще больше хаоса, но этот беспорядок можно было бы использовать, чтобы построить бесклассовое общество. Ну какое бы это имело значение, если бы вы уничтожили нескольких или многих в процессе создания совершенного социального устройства? Что по-настоящему имело значение, так это не существующее человечество, а человек будущего. В новый мир, который они собирались построить, не будет никакого неравенства, там нашлась бы работа для всех, и счастье было бы тоже для всех.

Как вы можете быть настолько уверенными в будущем? Почему вы так уверены в нем? Религиозные личности обещают рай, а вы обещаете лучший мир в будущем. У вас свои книги и священники, а у них свои, так что между вами в действительности не много различия. Но что делает вас настолько уверенными, что вы проницательны относительно будущего?

«Логически, если мы следуем какому-то курсу, цель определена. Кроме того, имеются много исторических свидетельств, подтверждающих нашу позицию».

Все мы интерпретируем прошлое согласно нашим специфическим, придуманным нами условиями и толкуем его, чтобы оно удовлетворяло наши предубеждения. Вы столь же неуверенны в завтрашнем дне, как и все остальные, и слава богу, что это так! Но жертвовать настоящим ради иллюзорного будущего — совершенно нелогично.

«Вы верите в перемены или вы лишь инструмент капиталистической буржуазии?»

Перемена — это видоизмененное продолжение, которое вы можете называть революцией, но фундаментальная революция — это совершенно иной процесс, она не имеет никакого отношения к логическому подтверждению или историческим свидетельствам. Фундаментальная революция возникает только при понимании целостного процесса действия не на каком-либо специфическом уровне, экономическом или идеологическом, а действия как объединенного целого. Такое действие — это не реакция. Вам знакома только реакция, реакция противопоставления, и дальнейшая реакция, которую вы вызываете синтезом. Объединение — это не интеллектуальный синтез, не словесный довод, основанный на изучении истории. Объединение может возникнуть только с пониманием реакции. Ум — это последовательность реакций, и революция, основанная на реакциях, на идеях, не является революцией вообще, а лишь видоизмененным продолжением того, что было. Вы можете называть это революцией, но фактически это не так.

«Что же для вас революция?»

Перемена, основанная на идее, — это не революция, поскольку идея — это отклик памяти, который опять же является реакцией. Фундаментальная революция возможна только, когда идеи становятся не важны и прекращают свое существование. Революция, рожденная в неприятии, прекращает быть тем, чем ее считают, она — это всего лишь сопротивление, а сопротивление никогда не сможет быть творческим.

«Тот вид революции, который вы описываете, — полнейшая абстракция, она не имеет никакого отношения к действительности в современном мире. Вы — неопределенный идеалист, и крайне непрактичный».

Напротив, идеалист — это человек с идеей, и именно он не является революционером. Идеи разделяют, а разделение — это распад, это совсем не революция. Человек с идеологией заинтересован в идеях, словах, а не в прямом действии, он избегает прямого действия. Идеология — это помеха для прямого действия.

«Разве вы не считаете, что через революцию может возникнуть равенство?»

Революция, основанная на идее, как бы ни была она логична и соответствовала историческим свидетельствам, не может породить равенство. Сама функция идеи в том, чтобы разделять людей. Вера, религиозная или политическая, настраивает человека против человека. Так называемые религии разделили людей и все еще продолжают делать это. Организованное верование, которое называется религией, подобно любой другой идеологии, — это продукт ума и поэтому имеет свойство разделять. Вы с вашей идеологией делаете то же самое, не так ли? Вы также формируете ядро или группу вокруг идеи, вам хочется включить каждого в вашу группу также, как делает верующий. Вы хотите по вашему методу спасти мир, так же как он по своему. Вы убиваете и уничтожаете друг друга, и все ради улучшения мира. Ни один из вас не заинтересован в улучшении мира, а лишь в формировании мира согласно вашей идее. Как может идея привести к равенству?

«В истоках идеи мы все равны, хотя у нас могут быть различные функции. Мы в первую очередь то, что представляет из себя идея, и только потом мы — это индивидуально функционирующие сущности. По функциям у нас есть определенные градации, но не как у представителей идеологии».

Это именно то, что каждое другое организованное верование провозглашает. В глазах бога мы все равны, но различия имеются в способностях. Жизнь одна, но социальные разногласия неизбежны. Заменяя одну идеологию на другую, вы не изменили фундаментальный факт того, что одна группа или индивидуум обращается с другим как низшим. В действительности, неравенство существует на всех уровнях жизни. У одного есть способность, у другого нет, один ведет, а другой следует, один глуп, а другой восприимчив, внимателен, способен

приспосабливаться, один рисует или пишет, другой копает, один — ученый, а другой — дворник. Неравенство — это факт, и никакая революция не сможет покончить с ним. Что делает так называемая революция, это заменяет одну группу людей на другую, и новая группа тогда принимает на себя политическую и экономическую власть. Она становится новым высшим классом, который продолжает укреплять себя с помощью привилегий и тому подобного. Ему знакомы все уловки другого класса, который был свергнут. Он ведь не отменил неравенство, не так ли?

«В конечном он отменит. Когда весь мир будет мыслить, как мы, наступит идеологическое равенство».

Которое вообще не равенство, а просто идея, теория, мечта о другом мире, подобно таким же, как и у религиозного приверженца. Как же близки вы друг к другу! Идеи делят, они имеют свойство разделять, противопоставлять, порождать противоречия. Идея никогда не сможет дать равенство, даже в ее собственном мире. Если бы все мы верили в одно и то же, одновременно, на одинаковом уровне, получилось бы некое равенство, но это невозможно, это простое предположение, которое может привести только к иллюзии.

«Неужели вы пренебрегаете всяким равенством? Неужели вы так циничны и осуждаете все усилия ради возникновения равных возможностей для всех?»

Я не циничен, а просто констатирую очевидные факты, и я не против равных возможностей. Конечно, это является возможным — выйти за пределы и может быть обнаружить эффективный подход к проблеме неравенства, только, когда мы поймем фактическое, то, что есть. Приближаться к тому, что есть, с идеей, умозаключением, мечтой, не означает понимать то, что есть. Предрассудочное наблюдение — это никакое не наблюдение вообще. Имеется факт, что существует неравенство на всех уровнях сознания и жизни, и что хотите делайте, но мы не можем изменять этот факт.

Теперь, возможно ли приблизиться к факту неравенства без того, чтобы не породить дальнейший антагонизм, дальнейшее разделение? Революция использовала человека как средство для результата. Был важен результат, но не человек. Религии постоянно настаивали, по крайней мере на словах, что важен человек, но они также использовали человека для построения веры, догмы. Использование человека ради цели должно неизбежно породить в нем чувство превосходящего и низшего, того, кто рядом, и того, кто далек, того, кто знает, и того, кто не знает. Такое разделение — это психологическое неравенство, и это фактор распада в обществе. В настоящее время мы понимаем под взаимоотношениями только использование, общество использует индивидуума, также, как индивидуумы используют друг друга, чтобы различными способами извлечь выгоду. Такое использование другого — вот фундаментальная причина психологического настроения человека против человека.

Мы прекращаем использовать друг друга только, когда идея перестает быть фактором мотивации во взаимоотношениях. С идеей приходит эксплуатация, а антагонизм — это порождение эксплуатации.

«Тогда, что же это за фактор, который возникает, когда идея прекращает быть?»

Это любовь, единственный фактор, который может вызвать фундаментальную революцию. Любовь — это единственная истинная революция. Но любовь — это не идея, это когда нет мысли. Любовь — это не инструмент для пропаганды, это не то, что искусственно взращивают и о чем кричат с крыш домов. Только когда флаг, вера, лидер, идея как запланированное действие, отходят в сторону, тогда может быть любовь, и любовь — это единственная творческая и постоянная революция.

«Но любовь не станет управлять машинами, не так ли?»

Дожди прекратились, дороги были чистыми, и с деревьев смыло пыль. Земля была посвежевшей, и в водоеме было слышно лягушек. Они были крупными, и их глотки раздувались от удовольствия. Трава искрилась от крошечных капелек воды, и на земле воцарился покой после сильного ливня. Домашние животные насквозь промокли, но во время дождя они никуда не укрылись от него, и теперь довольно паслись. Несколько мальчишек играло в небольшом ручье, который образовался у обочины дороги из-за дождя. Они были голыми, и было приятно видеть их блестящие тела и сверкающие глаза. Они проводили лучшее время в их жизни, и как счастливы они были! Ничто другое не имело, казалось, значения, и они улыбнулись, полные радости, когда кто-то сказал им что-то, хотя они не поняли ни слова. Солнце поднималось, и тени становились сильнее.

Насколько важно для ума очищать себя от всяких мыслей, быть постоянно пустым, не заставляя себя быть пустым, а просто быть пустым, умереть для всякой мысли, для всех вчерашних воспоминаний и для грядущего часа! Умереть просто, а продолжать трудно, поскольку продолжение — это усилие быть или не быть. Усилие — это желание, а желание может умереть лишь тогда, когда ум прекращает приобретать знания. Как это легко — просто жить! Но это не остановка в развитии. Есть великое счастье в не желании, в не бытии кем-то, в не продвижении куда-нибудь. Когда ум очищает себя от всякой мысли, только тогда наступает тишина творения. Ум не спокоен, пока он путешествует, чтобы прибыть куда-то. Для ума прибыть означает достичь успеха, а успех вечно одинаков, в начале ли он или в конце. Никакого очищения ума не происходит, если ум плетет для себя образец своего собственного становления.

Она сказала, что всегда принимала активное участие в той или иной деятельности, касалось ли это ее детей или общественных дел, или спортивных состязаний. Но за этой деятельностью всегда скрывалась скука, давящая и постоянная. Ей надоели установившееся течение жизни, удовольствия, боль, лень и все остальное. Скука была подобна облаку, которое висело над ее жизнью так долго, как она могла помнить. Она пробовала убежать от этого, но каждое новое увлечение скоро становилось дальнейшей скукой, смертельной усталостью. Она много читала, и у нее были обычные заботы семейной жизни, но все это насквозь пронизывала утомляющая скука. Она не имела никакого отношения к ее здоровью, так как она прекрасно себя чувствовала.

Почему, как вы думаете, вам скучно? Является ли это результатом какого-то расстройства, какого-то сильного желания, исполнению которого помешали?

«Вряд ли. Были какие-то незначительные преграды, но они никогда не беспокоили меня, а если беспокоили, я справлялась с ними довольно-таки разумно и никогда не оказывалась в тупике из-за них. Я не думаю, что мое беспокойство из-за расстройства, поскольку я всегда была способна получить то, что хочу. Я не выла на луну и была разумна в своих запросах. Но, тем не менее, чувство скуки присутствовало во всем по отношению к моей семье и моей работе».

Что вы подразумеваете под скукой? Вы подразумеваете неудовлетворенность? Не из-за того ли она, что ничто не дало вам полное удовлетворение?

«Это не совсем так. Я столь же неудовлетворена как и любой нормальный человек, но я смогла примириться с неизбежностью неудовлетворенности».

Что вас интересует? Имеется ли в вашей жизни какая-либо глубокая заинтересованность?

«Вроде бы нет. Если бы у меня была глубокая заинтересованность, мне бы не было скучно. Я по натуре энтузиаст, и ручаюсь, если бы у меня была заинтересованность, она бы так просто не исчезла. У меня было много непостоянных интересов, но они все покрывались в конце концов облаком скуки».

Что вы подразумеваете под интересом? Почему происходит изменение от интереса до скуки? Что означает интерес? Вы заинтересованы в том, что нравится вам, удовлетворяет вас, не так ли? Разве интерес — это не процесс приобретения? Вы бы не были заинтересованы в чем-нибудь, если бы не приобретали что-то за это, не так ли? Интерес поддерживается, пока вы что-то приобретаете, приобретение — вот что значит интерес, разве нет? Вы пробовали получать удовлетворение от всего, с чем вы соприкасались, и когда вы полностью использовали это, естественно, вам это надоедало. Любое приобретение — это вид скуки, утомления. Мы хотим замену игрушек, как только мы теряем интерес к одной, мы беремся за другую, и всегда есть новая игрушка, которой можно заняться. Мы беремся за что-то, чтобы приобрести, приобретение присуще удовольствию, знанию, известности, власти, эффективности, наличию семьи и так далее. Когда уже нечего приобретать в одной религии, в одном спасителе, мы теряем интерес и поворачиваемся к другому. Некоторые усыпляются в таких организациях и никогда не пробуждаются, а те, кто пробуждается, снова засыпают, присоединяясь к другой организации. Это жадно впитывающее продвижение называют расширением мысли, прогрессом.

«Является ли интерес всегда приобретением?»

Фактически, заинтересованы ли вы в чем-то, что не дает вам что-либо, будь то пьеса, будь то игра, беседа, книга или человек? Если живопись не дает вам что-то, вы обходите ее стороной. Если человек не стимулирует или не тревожит вас определенным способом, если нет удовольствия или боли в каких-то взаимоотношениях, вы теряете интерес, вам они надоедают. Разве вы не заметили этого?

«Да, но я никогда прежде не смотрела на это все вот так».

Вы не пришли бы сюда, если бы вам не было что-то нужно. Вы хотите освободиться от скуки. Поскольку я не смогу дать вам это освобождение, вам снова будет скучно. Но если мы вместе сможем понять появление желания приобретения, интереса, скуки, тогда возможно появиться освобождение. Освобождение нельзя приобрести. Если вы приобретете его, оно вам вскоре надоест. Разве приобретение не оупляет ум? Приобретение, активное или пассивное, — это бремя. Как только вы приобретаете, вы теряете интерес. Стремясь обладать, вы настороженны, заинтересованы, но обладание — это скука. Вы можете хотеть обладать большим, но преследование большего — это только продвижение к скуке. Вы пробуете различные виды приобретения, и пока существует усилие приобрести, существует и интерес, но у приобретения всегда есть конец, и поэтому всегда наступает скука. Разве это не то, что случается?

«Мне кажется, что это так, но я не уловила полное значение этого».

Сейчас поймете.

Обладание утомляет ум. Приобретение, знания ли, собственности, достоинства приводит к нечувствительности. Природа ума в приобретении, поглощении, разве нет? Или, скорее, образец, который он создал для себя — один из способов абсорбирования, и в этой самой деятельности ум готовит себе собственную усталость и скуку. Интерес, любопытство являются началом приобретения, которое вскоре превращается в скуку, и побуждение освободиться от скуки — это другая форма обладания. Так что ум переходит от скуки к интересу и опять к скуке, пока он совершенно не вымотается. И последовательные колебания от интереса к усталости расцениваются как существование.

«Но как же освободиться от приобретения, не приобретая в дальнейшем?»

Только позволив себе пережить суть целостного процесса приобретения, а не пытаясь не приобретать, отделяться. Не приобретать ничего — это другая форма приобретения, которая

вскоре также утомляет. Трудность, если можно употребить данное слово, скрывается не в словесном понимании того, о чем говорится, а в переживании ложного как ложного. Увидеть суть в ложном — вот начало мудрости. Трудность для ума состоит в том, чтобы быть спокойным, поскольку ум всегда тревожится, всегда в поисках чего-то, приобретая или отрицая, ища и находя. Ум никогда не спокоен, он находится в непрерывном движении. Прошлое, затемняя настоящее, создает свое собственное будущее. Это движение во времени, и едва когда-либо возникают перерывы между мыслями. Одна мысль следует за другой без промедления, ум вечно заостряет свое внимание и таким образом изнашивается. Если карандаш все время затачивается, вскоре от него ничего не останется. Точно так же ум постоянно использует себя и истощается. Ум всегда боится прийти к окончанию. Но проживание — это окончание изо дня в день, это — смерть всему приобретенному, воспоминаниям, опытам, прошлому. Как можно проживать, если имеется опыт? Опыт — это знание, память, а разве память — это состояние переживания? Есть ли состояние переживания, есть ли воспоминания у переживающего? Очищение ума — это проживание, творчество. Красота скрыта в переживании, а не болезненном опыте, поскольку опыт вечно принадлежит прошлому, а прошлое — это не переживание, это не проживание. Очищение ума — вот в чем спокойствие сердца.

Мы пробирались сквозь бурное уличное движение, и теперь мы свернули с главной дороги в отдаленный переулок. Оставив автомобиль, мы отправились по дороге, которая петляла через пальмовые рощи и вдоль поля с зеленым созревающим рисом. Как прекрасно было то длинное, изгибающееся рисовое поле, огороженное высокими пальмами! Это был прохладный вечер, и ветер шумел среди густой листвы деревьев. Неожиданно за поворотом оказалось озеро. Оно было длинным, узким и глубоким, а с обеих его сторон пальмы стояли так близко друг к другу, сквозь них почти ничего не было видно. Ветер играл с водой, и у берега стоял шелест. Несколько мальчишек купались, голые, не стеснявшиеся и свободные. Их тела были блестящими и красивыми, с правильными формами, стройными и гибкими. Они, было, плыли до середины озера, затем возвращались и начинали снова. Дорога пролегла дальше мимо деревни, и на обратном пути полная луна отбрасывала таинственные тени. Мальчишек не было, лунный свет падал на водную гладь, а пальмы были словно белые колонны в тенистой мгле.

Он прибыл откуда-то издалека и жаждал выяснить, как подчинить ум. Он сказал, что специально удалился от мирской жизни и жил очень просто с несколькими родственниками, посвящая свое время одолению ума. Он занимался в некотором роде самодисциплиной в течение множества лет, но его ум все еще не был под контролем: он всегда был готов забрести куда-нибудь, подобно животному на привязи. Он морил себя голодом, но это не помогало, он экспериментировал с диетой, и это немного помогло, но покоя никогда не наступало. Его ум вечно подбрасывал ему какие-то образы, вызывал сцены, ощущения и происшествия из прошлого. Или он начинал думать о том, каким спокойным он будет завтра. Но «завтра» никогда не настаивало, и все развитие событий становилось весьма кошмарным. В очень редких случаях ум успокаивался, но спокойствие скоро сменялось воспоминаниями, событиями прошлого. То, что преодолено, нужно побеждать снова и снова. Подавление — это вид преодоления, так же как и подмена и возвеличивание. Желать одолеть означает породить дальнейшее противоречие. Почему вы хотите одолеть, успокоить ум?

«Я всегда интересовался религиозными вопросами, я изучил разные религии, и они все говорят о том, что, чтобы познать бога, необходимо усмирить ум. С тех пор, как я помню, я всегда хотел найти бога, ту проникновенную красоту мира, красоту рисового поля и грязной деревни. Впереди меня ждала очень многообещающая карьера, я побывал за границей и все такое, но однажды утром я просто ушел пешком, чтобы найти это спокойствие. Я слышал то, что вы рассказывали на днях об этом, и поэтому пришел».

Чтобы найти бога, вы пытаетесь подчинить ум. Но действительно ли спокойствие ума — это путь к богу? Разве спокойствие — монета, с помощью которой откроются врата рая? Вы хотите купить ваш путь к богу, к истине, или назовите это как пожелаете. Можете ли вы купить вечное за добродетель, за отречение, за смирение? Мы считаем, что если мы делаем определенные вещи, практикуем добродетель, стремимся к целомудрию, отходим от мира, мы окажемся способными измерить неизмеримое, так что это всего лишь сделка, не так ли? Ваша «добродетель» является средством достижения цели.

«Но дисциплина необходима, чтобы обуздать ум, иначе не видать покоя. Просто я недостаточно контролирую ум, это моя вина, и дело тут не в дисциплине».

Дисциплина — это средство достижения цели. Но цель — это неизвестное. Истина — неизвестное, она не может быть известным. Если она — это известное, то это не истина. Если вы сможете измерить неизмеримое, то его не существует. Наша мера — это слово, а слово — это не реальность. Дисциплина — это средство, но цель и средства — не два разных явления, не так

ли? Конечно, цель и средства едины, средство — и есть цель, единственная цель. Нет никакой другой цели кроме средства. Насилие как средство достижения мира — всего лишь укоренение насилия. Средство — вот что важно, а не цель, цель определяется средствами, цель не отделена, не вдали от средства.

«Я послушаю и попробую понять то, что вы говорите. Если не получится, я спрошу вас».

Вы применяете контроль, самодисциплину как средство обретения спокойствия, разве не так? Дисциплина подразумевает соответствие образцу, вы управляете собой, чтобы быть кем-то. Разве дисциплина, в самой ее сути, это не насилие? Возможно, вам доставляет удовольствие контролировать себя, но разве само такое удовольствие — не форма сопротивления, которая лишь порождает дальнейший конфликт? Разве применение дисциплины — не искусственное создание защиты? А то, что защищается, всегда подвергается атаке. Разве дисциплина не подразумевает подавление того, что есть, для того, чтобы достичь желаемого результата? Подавление, подмена и возвеличивание только лишь увеличивают напряжение и приводят к дальнейшему конфликту. Вам, может, и удастся подавить болезнь, но она будет продолжать проявляться в иных формах, пока ее не искоренят. Дисциплина — это подавление, преодоление того, что есть. Дисциплина — это форма насилия, поскольку с помощью «неправильного» средства мы надеемся получить «правильный» результат. Через сопротивление как может возникнуть свободное, истинное? Свобода находится в начале, а не в конце, цель — это первый шаг, средства — результат. Первый шаг должен осуществляться в свободе, а не последний. Дисциплина подразумевает принуждение, скрытое или явное, направленное наружу или по отношению к себе, а там, где имеется принуждение, существует страх. Страх, принуждение, используются как средства достижения цели, а результатом является любовь. Может ли быть любовь через страх? Любовь — это, когда нет никакого страха на любом уровне.

«Но без определенного вида принуждения, определенного соответствия нормам, как вообще может ум функционировать?»

Сама деятельность ума — это барьер для его собственного понимания. Неужели вы никогда не замечали, что понимание приходит только тогда, когда ум как мысль не функционирует? Понимание наступает с окончанием мыслительного процесса, в промежутке между двумя мыслями. Вы говорите, что ум должен молчать, и все же вы желаете, чтобы он работал. Если мы станем просты в нашем наблюдении, тогда мы будем понимать. Но наш подход настолько сложен, что он предотвращает понимание. Конечно, мы не заинтересованы в дисциплине, контроле, подавлении, сопротивлении, а в протекании и окончании самой мысли. Что мы имеем в виду, когда говорим, что ум блуждает? Просто то, что мысль постоянно переманивается от одной приманки к другой, от одной ассоциации к другой, и все время находится в постоянном волнении. Действительно ли это возможно, чтобы мысль прекратилась?

«Вот в этом точно моя проблема. Я хочу прекратить мыслить. Я теперь понимаю тщетность дисциплины, я по-настоящему вижу ее ошибочность, глупость, и я больше не пойду тем путем. Но как мне прекратить мыслить?»

Опять же, послушайте без какого-либо предубеждения, без того, чтобы вставлять какие-либо умозаключения, ваши ли собственные или чужие. Послушайте, чтобы понять, а не просто, чтобы опровергнуть или принять. Вы спрашиваете, как вам положить конец мыслям. А теперь, являетесь ли вы, думающий, сущностью, отделенной от ваших мыслей? Разве вы и ваши мысли не схожи? Разве вы — это не ваши собственные мысли? Мысль может поместить думающего на очень высокий уровень, дать ему имя и отделить его от себя, и все же думающий — все еще в пределах процесса мысли, разве нет? Есть только мысль, и мысль создает думающего, придает форму думающему как постоянной, отдельной сущности. Мысль осознает себя как что-то неустойчивое, находящееся в непрерывном изменении, поэтому она порождает думающего как

постоянную сущность, обособленную и не схожую с ней самой. Тогда уже думающий работает над мыслью. Думающий говорит: «Я должен положить конец мысли». Но существует только процесс размышления, никакого думающего отдельно от мысли нет. Переживание этой истины жизненно важно, это не просто повторение фраз. Существуют только мысли, а не думающий, который думает мысли.

«Но как же первоначально возникает мысль?»

Через восприятие, соприкосновение, ощущение, желание и отождествление: «я хочу», «я не хочу» и так далее. Это довольно-таки просто, не так ли? Наша проблема в том, как же покончить с мыслью? Любая форма принуждения, сознательного или подсознательного, является совершенно бесполезной, поскольку она подразумевает наличие контролера, того, кто дисциплинирует, а такая сущность, как мы видим, не существует. Дисциплина — это процесс осуждения, сравнения или оправдания, и когда это четко понимается, что нет такой отделенной сущности как думающий, того, кто дисциплинирует, тогда останутся только мысли, процесс размышления. Размышление всего лишь отклик памяти, опыта, прошлого. Это снова нужно воспринимать не на словесном уровне, а необходимо пережить это. Тогда только возникнет пассивная наблюдательность, в которой нет думающего, осознание, в котором мысль полностью отсутствует. Ум, всецелый опыт, самосознание, которое вечно принадлежит прошлому, умолкает только тогда, когда оно не проецирует себя, и такое проецирование — есть желание стать кем-то.

Ум пуст, только когда мысли нет. Мысль не может закончиться кроме как благодаря пассивной наблюдательности за каждой мыслью. При таком осознании нет никакого наблюдателя и никакого надзирателя, переживание возникает только без надзирателя. При переживании нет ни переживающего, ни переживаемого. Переживаемое — это мысль, которая порождает думающего. Только когда ум переживает, возникает покой, тишина, которая не искусственно придумана, наиграна. И только в таком спокойствии реальное может возникнуть. Действительность не принадлежит времени и неизмерима.

Конфликт — освобождение — взаимоотношения

«Конфликт между утверждением и противопоставлением неизбежен и необходим, он приводит к синтезу, из которого вновь возникает утверждение с соответствующим ему противопоставлением, и так далее. И нет конца противоречию, и только через конфликт может быть любой рост, любое продвижение вперед».

Разве конфликт дает понимание наших проблем? Неужели он приведет к росту, продвижению? Он может вызвать побочные усовершенствования, но разве конфликт в самой его сути — это не фактор распада? Почему вы упорно утверждаете, что конфликт необходим?

«Все мы знаем, что противоречия имеются на каждом уровне нашего существования, так зачем же отрицать это или закрывать на это глаза?»

Любой не остается слеп по отношению к постоянной борьбе внутри и снаружи, но позвольте все-таки спросить, почему вы настаиваете, что он необходим?

«Конфликт нельзя отрицать, он часть человеческой структуры. Мы используем его как средство для достижения цели, а целью является правильная окружающая среда для индивидуума. Мы работаем для этой цели и используем любое средство, чтобы достичь ее. Амбиция, конфликт являются способами существования человека, и их можно использовать либо против него, либо для него. Благодаря конфликту мы двигаемся к более значительным вещам».

Что вы подразумеваете под конфликтом? Конфликт между чем?

«Между тем, что было, и тем, что будет». «То, что будет» является последующим откликом на то, что было и то, что есть. Под конфликтом мы подразумеваем борьбу между двумя противостоящими идеями. Но в самом ли деле оппозиция в любой ее форме способствует пониманию? Когда наступает понимание любой проблемы?

«Существует классовый, национальный и идеологический конфликт. Конфликт — это противостояние, сопротивление из-за незнания некоторых важных исторических фактов. Через противостояние возникает рост, возникает прогресс, и весь этот процесс является жизнью».

Мы знаем, что существует конфликт на всех различных уровнях жизни, и было бы глупо отрицать это. Но действительно ли так уж необходим конфликт? Пока мы только предположили, что это так, или оправдали его с помощью коварной причины. В природе значение конфликта может быть весьма различно: среди животных конфликт, как мы знаем, вообще может не существовать. Но для нас конфликт стал фактором огромной важности. Почему он стал настолько существенен в наших жизнях? Конкуренция, амбиция, усилие быть или не быть, воля к достижению и так далее — все это часть конфликта. Почему мы принимаем конфликт как что-то существенно важное для существования? С другой стороны, это не означает, что мы должны принять праздность. Но почему мы допускаем конфликт в пределах себя и вне? Действительно ли конфликт необходим для понимания, для решения проблемы? Разве нам не лучше исследовать, чем утверждать или отрицать? Разве не лучше попытаться найти суть вопроса, чем придерживаться наших умозаключений и мнений?

«Как же может быть тогда переход от одной формы общества к другой без конфликта? Имущие никогда добровольно не откажутся от их богатства, их нужно будет заставить, и этот конфликт к новому общественному порядку, новому жизненному пути. Это нельзя сделать мирно. Может, нам и не хотелось применять насилие, но нам приходится стоять лицом к лицу перед фактом».

Вы предполагаете, что знаете, каким должно быть новое общество, а что другие товарищи не знают. Вы один обладаете этим уникальным знанием, и вы желаете ликвидировать тех, кто

стоит на вашем пути. Этим методом, который вы считаете необходимым, вы только лишь порождаете противостояние и ненависть. То, что вы знаете, — просто другая форма предубеждения, иной вид создания определенных условий. Ваши исторические исследования, либо таковые ваших лидеров, интерпретируются согласно специфической скрытой установке, которая определяет ваш отклик, и этот отклик вы называете новым подходом, новой идеологией. Всякий отклик мысли обусловлен, и устроить революцию, основанную на мысли, или идее, означает увековечить видоизмененную форму того, что было. Вы, по существу, реформаторы, а не реальные революционеры. Преобразование и революция, имеющие в своей основе идею, — это регрессирующие факторы в обществе.

Вы ведь говорили, что конфликт между утверждением и противопоставлением необходим, и что этот конфликт противоположностей приводит к синтезу?

«Конфликт между существующим обществом и его противоположностью из-за давления исторических событий и прочего, в конечном счете, вызовет новый социальный порядок».

Разве противоположность отличается или несходна с тем, что есть? Как возникает противоположность? Разве это не видоизмененное проецирование того, что есть? Не имеются ли в противопоставлении элементы его собственного утверждения? Одно не полностью непохоже или отличается от другого, а синтез — это все же видоизмененное утверждение. Хотя он периодически окрашивается в различные цвета, хотя видоизменяется, преобразовывается, меняет форму согласно обстоятельствам и давлению, утверждение всегда является утверждением. Конфликт между противоположностями крайне бесполезен и глуп. На мысленном или словесном уровне вы можете доказать или опровергнуть что угодно, но это не сможет изменить некоторые очевидные факты. Существующее общество основано на индивидуальном стяжательстве, а его противоположность, с полученным в результате синтезом, это то, что вы называете новым обществом. В вашем новом обществе индивидуальное стяжательство противопоставлено государственному стяжательству, а государство — это правители. Теперь государство становится наиболее важным, а не индивидуум. Исходя от этого противопоставления, вы говорите, что в конечном счете возникнет синтез, при котором все индивидуумы станут важны. Такое будущее нереально, это идеал, проекция мысли, а мысль — это всегда отклик памяти, создание определенных условий. Это в действительности порочный круг без какого-нибудь выхода из него. Это конфликт, борьба в пределах клетки мысли, — вот то, что вы называете прогрессом.

«Вы говорите, что тогда нам надо все оставить вот так, как есть, со всей эксплуатацией и коррупцией существующего общества?»

Ничего подобного. Но ваша революция — это не революция вовсе, это — только переход власти от одной группы людей к другой, замена одного класса на другой. Ваша революция — просто иная структура, построенная из того же самого материала и согласно тому же самому основному образцу. Существует радикальная революция, которая не является конфликтом, которая не основана на мысли с ее придуманными эго проекциями, идеалами, догмами, утопиями, но пока мы мыслим понятиями изменения этого на то, становления большим или становления меньшим, достижения результата, не может возникнуть фундаментальной революции.

«Такая революция невозможна. Неужели вы серьезно предлагаете ее?»

Это единственно настоящая революция, единственно фундаментальное преобразование.

«Как вы предлагаете совершить ее?»

Пониманием ложного как ложного, пониманием истины в ложном. Очевидно, должна произойти фундаментальная революция во взаимоотношениях человека с человеком. Все мы знаем, что все существующее не может продолжаться так, как оно есть, без усиления горечи и

бедствий. Но все реформаторы, подобно так называемым революционерам, имеют в поле зрения результат, цель, которую нужно достичь, и оба используют человека как средство для достижения их собственных результатов. Использование человека с какой-то целью — вот реальная проблема, а не достижение специфического результата. Нельзя отделить цель от средств, поскольку они — единый, неделимый процесс. Средства — это цель. Бесклассовое общество не может родиться благодаря конфликту классов в качестве средства. Результаты использования неправильного средства ради так называемой правильной цели вполне очевидны. Не может быть никакого мира с помощью войны или благодаря подготовке к войне. Все противоположности самоспроецированы, идеал — это реакция на то, что есть, и конфликт, чтобы достичь идеала, — это тщетная и иллюзорная борьба в пределах клетки мысли. Благодаря такому конфликту нет никакого освобождения, никакой свободы для человека. Без свободы не может быть никакого счастья, а свобода — это не идеал. Свобода — вот единственное средство для свободы.

Пока человека используют психологически или физически, неважно от имени ли бога или государства, будет существовать общество, основанное на насилии. Использование человека с какой-то целью — это уловка, применяемая политическим деятелем и священником, и это не допускает настоящих взаимоотношений.

«Что вы подразумеваете под этим?»

Когда мы используем друг друга ради нашего взаимного удовлетворения, могут ли между нами быть какие-либо взаимоотношения? Когда вы используете кого-то для вашего комфорта, подобно тому, как вы используете предмет мебели, вы породняетесь с тем человеком? Вы породняетесь с мебелью? Вы можете называть их вашими собственными, и на этом все, но у вас нет никаких взаимоотношений с ними. Точно так же, когда вы используете другого ради вашей психологической или физиологической выгоды, вы обычно называете этого человека вашим, вы обладаете им или ею, а разве взаимоотношения — это обладание? Государство использует индивидуума и называет его своим гражданином, но оно не имеет никаких взаимоотношений с индивидуумом, оно просто использует его как инструмент. Инструмент — это мертвая вещь, и никаких взаимоотношений не может быть с тем, что является мертвым. Когда мы используем человека с определенной целью, какой бы благородной она не была, мы хотим его в качестве инструмента, мертвой вещи. Мы не можем использовать живое существо, отсюда наша потребность в мертвых вещах, и наше общество основано на использовании мертвых вещей. Использование кого-то другого делает того человека мертвым инструментом ради нашего удовлетворения. Взаимоотношения могут существовать только между живыми, и использование — это процесс изоляции. Именно этот процесс изоляции порождает конфликт, антагонизм между человеком и человеком.

«Почему вы делаете такой большой акцент на взаимоотношениях?»

Существование — это взаимоотношения, быть — значит иметь взаимоотношения. Взаимоотношения — это общество. Структура нашего нынешнего общества, основанная на взаимном использовании, порождает насилие, разрушение и нищету, и если так называемое революционное государство существенно не изменит такое использование, оно сможет только привести, опять же, к дальнейшему конфликту, беспорядку и антагонизму, возможно, на ином уровне. Пока мы в психологическом отношении нуждаемся и используем друг друга, не может возникнуть никаких взаимоотношений. Взаимоотношения — это общность, и как может быть общность, если существует эксплуатация? Эксплуатация подразумевает страх, а страх неизбежно приводит ко всякого рода иллюзиям и страданиям. Конфликт существует только в эксплуатации, а не во взаимоотношениях. Конфликт, оппозиция, вражда, существуют между нами, когда есть использование кого-то другого как средства для удовольствия, достижения чего-то. Очевидно,

что конфликт не может быть разрешен, если его используют в качестве средства для самоспроецированной цели, а все идеалы, все утопии самоспроецированы. Чтобы понять, существенно важно, поскольку тогда мы переживаем истину, что конфликт в любом его проявлении уничтожает взаимоотношения, уничтожает понимание. Понимание есть только тогда, когда ум затихает, А ум не спокоен, когда он опутан какой-либо идеологией, догмой или верой, или когда он привязан к образу из его собственного опыта, воспоминаний. Ум не спокоен, когда оно приобретает или находится в процессе становления. Всякое приобретение — это конфликт; всякое становление — процесс изоляции. Ум не спокоен, когда его дисциплинируют, контролируют и проверяют, такой ум — это мертвый ум, он изолирует себя через различные формы сопротивления, и таким образом он неизбежно создает несчастья для себя и для других.

Ум спокоен только тогда, когда он не опутан мыслью, которая является ловушкой его собственной деятельности. Когда ум молчит, а не его заставляют замолчать, возникает истинная движущая сила, возникает любовь.

Дождь начался достаточно тихо, но внезапно, как будто бы небеса разверзлись, и пошел сильный ливень. На улице вода была почти по колени, и ее было полно на тротуарах. Среди листьев не слышалось порхания птиц, и они сами также стихли в своем удивлении. Автомобиль проехал мимо, а затем остановился — вода попала в его движущие механизмы. Люди пробирались вброд через улицы, насквозь промокшие, но они наслаждались этим ливнем. Садовые клумбы были смыты, а лужайку покрыло несколькими дюймами грязной воды. Темно-синяя птица с желтовато-коричневыми крыльями пыталась укрыться среди густой листвы, но она все больше и больше промокала и постоянно встряхивалась. Ливень продолжался в течение некоторого времени, и затем прекратился так же внезапно, как и начался. Все было вымыто начисто.

Насколько просто быть чистым! Без чистоты невозможно быть счастливым. Удовольствие от ощущений — это не счастье чистоты. Чистота — это свобода от бремени опыта. Именно воспоминания об опыте искажают, а не само переживание. Знания, бремя прошлого, являются искажением. Сила накопления, усилие стать кем-то уничтожает чистоту, а без чистоты как может быть мудрость? Просто любопытствующие никогда не смогут познать мудрость, они найдут, но то, что они найдут, не будет истиной. Подозрительные никогда не смогут познать счастье, поскольку подозрение — это тревога по поводу их собственного существования, а страх порождает искажение. Отсутствие страха — не храбрость, а освобождение от накопления.

«Я не щадил своих сил и усилий, чтобы пробиться куда-нибудь в этом мире, и стал очень успешным бизнесменом. Мои усилия в том направлении привели к результатам, которых я хотел. Я также старательно пытался сделать мою семейную жизнь счастливой, но вы знаете, как это получилось. Семейная жизнь — не то же самое, что бизнес или управление промышленностью. Можно ладить с людьми в бизнесе, но это другая сфера. Дома существует много трений, из-за чего не достичь никаких результатов, и усилия в этой сфере только, кажется, увеличивают неразбериху. Я не жалею, так как это не в моем характере, но вся система брака неправильна. Мы женимся, чтобы удовлетворить наши сексуальные потребности, по-настоящему не зная что-нибудь друг о друге. И хотя мы живем в одном доме и случайно или специально заводим ребенка, мы — словно чужие друг другу, и напряжение, о котором известно только женатым людям, всегда присутствует. Я сделал то, что, как я считаю, является моими обязанностями, но это не дало лучшего результата, мягко говоря. Мы оба властные и агрессивные люди, поэтому все не так просто. Наши усилия по взаимодействию не привели к глубоким товарищеским взаимоотношениям между нами. Хотя я и очень заинтересован психологическими вопросами, это не оказало большой помощи, и я хочу вникнуть в данную проблему намного глубже».

Солнце взошло, птицы запели, и небо стало ясным и голубым после шторма.

Что вы подразумеваете под усилием?

«Борьбу за что-либо. Я боролся за деньги и положение, и я получил и то, и то. Я также боролся за счастливую семейную жизнь, но она оказалась не совсем удачной, поэтому теперь я стремлюсь к чему-то более глубокому».

Мы боремся, представляя себе результат, мы сражаемся ради достижения, мы постоянно прилагаем усилия, чтобы стать кем-то, активно или пассивно. Борьба всегда направлена на то, чтобы обезопасить себя некоторым образом, она всегда, чтобы получить что-то или уйти от чего-то. Усилие — это в действительности бесконечное сражение, чтобы обрести что-то, разве нет?

«Обрести что-то — разве это неправильно?»

Сейчас мы вникнем в это, но то, что мы называем усилием — это постоянный процесс путешествия и прибытия, обретения чего-то в различных направлениях. Мы утомляемся одним видом приобретения и переходим к другому, и когда и этим мы овладели, мы снова переходим к чему-то еще. Усилие — это процесс обретения знаний, опыта, продуктивности, достоинства, имущества, власти и тому подобного. Это бесконечное становление кем-то, расширение, рост. Усилие ради результата, стоящего или нет, неизбежно всегда приводит к конфликту, а конфликт — это антагонизм, оппозиция, сопротивление. Неужели это нужно?

«Нужно для чего?»

Давайте выясним. Усилие на физическом уровне может быть необходимо, усилие, чтобы построить мост, чтобы добывать нефть, уголь, и так далее, является выгодным или может принести прибыль. Но то, как работу делают, как что-то производят и распределяют, как делят прибыль, вот это совсем другой вопрос. Если в физическом плане человека используют для достижения результата, достижения идеала, в личных интересах или государственных, усилие только создает большее количество беспорядка и страдания. Усилие, чтобы обрести что-то для индивидуума, для государства или для религиозной организации, просто вынуждено породить оппозицию.

Без понимания этой борьбы за приобретение усилие на физическом уровне будет неизбежно оказывать катастрофическое влияние на общество. Является ли усилие на психологическом уровне — усилие быть, достигать, преуспевать — необходимым или выгодным?

«Если бы мы не прилагали никаких подобных усилий, разве бы мы не просто сгнили бы, разложились?»

Разве? Ну раз так, что же мы добились благодаря усилиям на психологическом уровне?

«Я признаю, что не очень многого. Усилия прилагались в неправильном направлении. Направление оказывает влияние, и правильно направленное усилие имеет самое большое значение. Именно из-за нехватки правильно направленных усилий мы оказались в такой неразберихе».

Итак, вы утверждаете, что существует правильное усилие и неправильное усилие, это так? Давайте не будем играть словами, но как вы различаете правильные и неправильные усилия? Согласно какому критерию вы судите? Каков ваш стандарт? Это традиция или это идеал будущего, то, что «должно быть»?

«Мой критерий основывается на том, что приносит результаты. Именно результат является важным, а без искушения целью мы бы не стали делать никаких усилий».

Если результат — это ваша мера, то, естественно, вас не волнуют средства его достижения, не так ли?

«Я буду использовать средства в зависимости от результата. Если результат — это счастье, то нужно найти средство счастья».

Разве средство счастья не означают счастливый результат? Результат скрывается в средствах, разве нет? Поэтому есть только средства. Сами средства — это исход, результат.

«Я никогда прежде не рассматривал это с такой позиции, но я понимаю, что это — так».

Мы расследуем то, что является средством для счастья. Если усилие приводит к конфликту, оппозиция внутри и снаружи, может ли усилие когда-либо привести к счастью? Если цель находится в средствах, как может тогда быть счастье через конфликт и антагонизм? Если усилия порождают еще большее количество проблем, больше конфликтов, они явно разрушительны и ведут к распаду. Так зачем мы прилагаем усилие? Разве мы не нацелены на большее в одном направлении и на меньшее в другом. Усилие подразумевает приобретение для себя или для

группы, разве это не так?

«Да, так. Приобретение для себя — это в другом понимании приобретение государства или церкви».

Усилие — это приобретение, активное или пассивное. Что же это тогда, то, что мы приобретаем? На одном уровне мы приобретаем физически необходимые вещи, а на другом мы используем их как средства самовозвеличивания, или, удовлетворившись несколькими физически необходимыми вещами, мы приобретаем власть, положение, известность. Правители, представители государства могут вести внешне простую жизнь и обладать всего несколькими вещами, но они обрели власть и поэтому сопротивляются и доминируют.

«Вы думаете, что всякое приобретение губительно?»

Давайте посмотрим. Стремление к безопасности, которая состоит в обладании существенно необходимым для физических нужд, это одно, а стремление приобретать — это другое. Именно стремление к приобретению во имя расы или страны, во имя бога или во имя личности, вот что уничтожает разумную и эффективную организацию удовлетворения физических потребностей для благосостояния человека. Мы должны все иметь соответствующее питание, одежду и кров, это просто и ясно. Теперь же, помимо этих вещей, что является тем, что мы стремимся приобрести?

Каждый приобретает деньги в качестве средства для власти, для определенного социального и психологического удовлетворения, в качестве средства свободно делать то, что каждый хочет делать. Кто-то борется, чтобы достичь богатства и положения, чтобы быть сильным любыми способами, и, преуспев во внешних делах, он теперь хочет добиться успеха, как вы говорите, по отношению к внутреннему миру.

Что мы подразумеваем под властью? Быть властным означает доминировать, преодолевать, подавлять, чувствовать свое превосходство, быть продуктивным и тому подобное. Сознательно или подсознательно отшельник также, как и мирской человек, чувствует и борется за эту власть. Власть — это одно из самых полных выражений своего «я», неважно власть ли это благодаря знаниям, власть над собой, или общественная власть, или власть воздержания. Чувство власти, доминирования приносит необычайное удовлетворение. Вы можете искать удовлетворение с помощью власти, другой с помощью спиртных напитков, третий с помощью поклонения, четвертый с помощью знаний, а еще кто-то с помощью попытки быть добродетельным. У каждого может иметься свое собственное особое социологическое и психологическое влияние, но всякое приобретение — это удовлетворение. Удовлетворение на любом уровне — это ощущения, не так ли? Мы прикладываем усилия, чтобы получить большее количество или более изощренные ощущения, которые в одном случае мы называем опытом, в другом знаниями, в третьем любовью, в четвертом поиском бога или истины. И существуют ощущения быть справедливым или быть эффективным агентом идеологии. Усилие — в том, чтобы обрести удовлетворение, которое является ощущением. Вы нашли удовлетворение на одном уровне, а теперь вы ищете его в другом, и, когда вы его там обретете, вы перейдете на другой уровень, и так будете продолжать идти. Это постоянное желание удовлетворения, желание все более утонченных видов ощущений, называется прогрессом, но это — всего лишь непрерывный конфликт. Вечный поиск после более глубокого удовлетворения не имеет конца, и поэтому нет конца конфликту, антагонизму, и, следовательно, нет никакого счастья.

«Я понимаю вашу точку зрения. Вы говорите о том, что поиск удовлетворения в любой форме — это в действительности поиск страдания. Усилие, направленное на достижение удовлетворения, — это постоянная боль. Но что же делать? Отказаться от поиска удовлетворения и просто застыть в развитии?»

Если не искать удовлетворения, действительно ли застой в развитии неизбежен? Является

ли состояние без агрессии обязательно безжизненным состоянием? Конечно, удовлетворение на любом уровне — это ощущение. Изысканность ощущения — это только изысканность слова. Слово, определение, символ, образ, играют необычайно важную роль в наших жизнях, не так ли? Мы можем больше не стремиться к прикосновениям, удовлетворению от физического контакта, но слово, образ становятся очень необходимыми. На одном уровне мы получаем удовлетворение с помощью грубых средств, а на другом с помощью средств, что более изящны и изощренны, но удовлетворение от слов делается с той же самой целью, что и удовлетворение от вещей, не так ли? Почему мы ищем удовлетворения?

«Ну, я предполагаю, это потому, что мы так недовольны, так сильно утомлены от самих себя, так что мы готовы сделать все, что угодно, чтобы уйти от нашей собственной пустоты. Это действительно так, и мне только что пришло в голову, что я нахожусь точно в таком же положении. Это совершенно удивительно!»

Наши приобретения — это средства, прикрывающие нашу собственную пустоту. Наши умы подобны полым барабанам, по которым бьет рукой каждый мимо проходящий, и которые создают много шума. Это есть наша жизнь, конфликт из-за никогда не приносящих удовлетворение бегств и нарастающего страдания. Удивительно, но мы никогда не остаемся одни, совершенно одни. Мы всегда с чем-то, с проблемой, с книгой, с человеком, а когда мы одни, с нами наши мысли. Быть одним, без ничего, является важным. Всякое бегство, всякое приобретение, всякое усилие быть или не быть, должны прекратиться, и только тогда возникает то уединение, которое можно достичь в одиночестве, то неизмеримое.

«Как прекратить бегство?»

Поняв истину, что любое бегство только ведет к иллюзии и страданию. Истина освобождает, вам ничего не поделать с этим. Само ваше действие, чтобы прекратить убежать, — это лишь иное бегство. Наивысшее состояние бездействия — это истинное действие.

Преданность и поклонение

Мать была своего ребенка, и слышались крики боли. Мать была очень сердита, и в то время, как она была, она с ним грубо разговаривала. Теперь же, когда мы возвратились, она ласкала ребенка, обнимая, как будто бы выжимала из него жизнь. В ее глазах были слезы. Ребенок был немного сбит с толку, но улыбался матери.

Любовь — странная вещь, и как легко мы теряем тепло ее огня! Огонь гаснет, и остается дым. Дым заполняет наши сердца и умы, и мы тратим наши дни в слезах и горечи. Песня забыта, и слова потеряли свое значение, запах исчез, и наши руки пусты. Мы никогда не знаем, как поддерживать огонь без дыма, и дым всегда душит огонь. Но любовь не принадлежит уму, ее не поймать в сети мысли, ее нельзя отыскать, искусственно взрастить, взлелеять. Она там, где ум спокоен, а сердце свободно от вещей ума.

Комната выходила окнами на реку, и солнце поблескивало на ее воде.

Он не был ни в коем случае глупцом, но был полон эмоций, изобилующих чувств, от которых он, должно быть, приходил в восторг, поскольку это, казалось, приносило ему огромное удовольствие. Он говорил охотно, и когда ему показали золотисто-зеленую птицу, он включил свою сентиментальность и излил свои чувства по этому поводу. Тогда он заговорил о красоте реки и спел об этом песню. У него был приятный голос, но комната была слишком мала. К золотисто-зеленой птице присоединилась еще одна, и они обе сидели рядышком друг с другом, чистя клювом перья.

«Разве преданность богу — это не путь к богу? Разве жертва из-за преданности — это не очищение сердца? Разве не преданность — это не необходимая часть нашей жизни?»

Что вы подразумеваете под преданностью?

«Любовь к самому высокому, возложение цветка перед изображением, образом бога. Преданность — это полное поглощение, это любовь, которая превосходит любовь к плоти. Я однажды просидел в течение многих часов, полностью забылся в любви к богу. В том состоянии я есть ничто, и я ничего не знаю. В том состоянии вся жизнь — это единство, дворник и король едины. Это восхитительное состояние. Наверняка вы знаете его».

Является ли любовь преданностью? Является ли она чем-то отделенным от нашего повседневного существования? Разве это акт жертвы — быть преданным объекту, знанию, службе или к действию? Является ли это самопожертвованием, когда вы погружены в вашу преданность? Когда вы полностью отождествили себя с объектом вашей преданности, разве это самопожертвование? Неужели самоотверженность состоит в том, чтобы забыть себя в книге, в песнопении, в идее? Является ли преданность поклонением образу, человеку, символу? Есть ли у окружающей действительности какой-либо символ? Может ли символ когда-либо передать истину? Разве символ не статичен, а может ли статический предмет когда-либо передать то, что живет? Разве ваша фотография — это вы?

Давайте разберемся, что же мы подразумеваем под преданностью. Вы тратите несколько часов в день на то, что вы называете любовью, созерцанием бога. Является ли это преданностью? Человек, кто посвящает свою жизнь социальному улучшению, предан своей работе, и генерал, чей работой является спланировать разгром, также предан своей работе. Является ли это преданностью? Если так можно сказать, вы тратите ваше время, опьяняясь образом или идеей бога, а другие делают то же самое, но иным способом. Существует ли существенное различие между ими двумя? Является ли преданностью то, что имеет цель?

«Но поклонение богу охватывает всю мою жизнь. Я не осознаю ничего, кроме бога. Он наполняет мое сердце».

И человек, который поклоняется своей работе, своему лидеру, своей идеологии, также охвачен тем, чем он занят. Вы наполняете ваше сердце словом «бог», а другой деятельностью, и что, это преданность? Вы счастливы вашим образом, вашим символом, а другой его книгами или музыкой, и это преданность? Разве это преданность — забываться в чем-то? Человек предан своей жене по различным удовлетворяющим его причинам, и разве такое удовлетворение есть преданность? Отождествлять себя со страной очень опьяняет, и что такое отождествление — это преданность?

«Но то, что я отдаю себя богу, не причиняет никому вреда. Напротив, я держусь в стороне от пагубного воздействия и не причиняю вреда другим».

Это по крайней мере — уже что-то, но хотя внешне вы, может, и не причиняете никакого вреда, разве иллюзия не вредна на более глубоком уровне как для вас, так и для общества?

«Меня не интересует общество. Мои потребности очень малы, я справился со своими страстями, и я провожу свои дни в тени бога».

Не важно ли выяснить, не скрывается ли за этой тенью какая-либо сущность? Поклоняться иллюзии означает цепляться за собственное удовлетворение, уступать своим аппетитам на любом уровне — означает быть похотливым.

«Вы очень тревожите меня, и я совсем не уверен, что хочу продолжать эту беседу. Поймите, я пришел, чтобы поклониться тому же самому алтарю, как и вы. Но я вижу, что ваше поклонение совершенно иное, и то, о чем вы говорите, за пределами моего понимания. Но я хотел бы узнать, в чем же красота вашего поклонения. У вас нет никакого изображения, никаких образов и никаких ритуалов, но вы, должно быть, поклоняетесь. Каково по характеру ваше поклонение?»

Поклоняющийся и есть то, чему он поклоняется. Поклоняться другому — значит поклоняться себе. Образ, символ являются собственными проекциями. В конце концов, ваш идол, ваша книга, ваша молитва является отражением вашего внутреннего состояния, это ваше творение, хотя оно может быть создано другим. Вы выбираете согласно вашему удовлетворению от этого, ваш выбор — это ваше предубеждение. Ваш образ — это ваш наркотик, и он высечен из ваших собственных воспоминаний, вы поклоняетесь себе через этот образ, созданный вашей собственной мыслью. Ваша преданность — это любовь к вам самим, прикрытая песнопением вашего ума. Это изображение — вы сами, оно — отражение вашего ума. Такая преданность — это форма самообмана, что только ведет к горю и к изоляции, что означает смерть. Является ли поиск преданностью? Исследовать что-то не означает искать, стремиться к истине не означает найти ее. Мы убегаем от самих себя через поиск, который является иллюзией; мы пробуем любым способом обратиться в бегство от того, что мы есть. Внутри себя мы настолько мелочны, так ничтожны, по существу, и поклонение чему-то более значимому, чем мы сами, столь же мелко и глупо, как сами мы. Отождествление с великим — это все еще проекция незначительного. «Больше» — это расширение «меньше». Малое в поисках большого найдет только то, что оно способно обнаружить. Бегств существует множество, и они различны, но, убежав, ум все еще напуган, узок и несведущ.

Понимание бегства — вот освобождение от того, что есть. То, что есть, можно понять только, когда ум уже не в поисках ответа. Поиск ответа — это бегство от того, что есть. Этому поиску дают различные названия, одно из которых — это преданность. Но чтобы понять то, что есть, ум должен успокоиться.

«Что вы подразумеваете под тем, «что есть»?»

То, что есть, это то, что происходит от мгновения до мгновения. Понимание целостного процесса возникновения вашего поклонения, вашей преданности тому, что вы вызываете богом, и означает осознание того, что есть. Но вы не желаете понять то, что есть, поскольку ваше бегство от того, что есть, который вы зовете преданностью, является источником большего

удовольствия, и, таким образом, иллюзия приобретает большее значение, чем действительность. Понимание того, что есть, не зависит от мысли, поскольку сама мысль — это бегство. Думать о проблеме — не значит понять ее. Только, когда ум затихает, суть того, что есть, раскрывает себя.

«Я доволен тем, что имею. Я счастлив благодаря моему господу, благодаря моим молитвам и моей преданности. Преданность богу — это песнь моего сердца, и мое счастье — в той песне. Ваша песнь может быть более чистой и открытой, но, когда я пою, мое сердце наполняется до краев. Чего большего еще желать человеку, чем иметь полноту в сердце? Мы — братья в моей песне, и ваша песнь меня не тревожит».

Когда песнь настоящая, не существует ни вас, ни меня, но только лишь молчание вечности. Песнь — это не звук, а молчание. Не позволяйте звукам вашей песни заполнять ваше сердце.

Он был директором школы, и у него было несколькими ученых степеней. Он очень остро интересовался образованием и к тому же упорно трудился на благо разного рода социальных реформ. Но теперь, сказал он, хотя он был все еще весьма молод, он потерял интерес к жизни. Он почти механически продолжал выполнять свои обязанности, проходя всю эту ежедневную рутину с утомляющей скукой. Больше не было никакой «изюминки» в том, что он делал, и восторг, который он однажды чувствовал, полностью прошел. Он был склонен к религии и боролся, чтобы в своей религии провести некоторые реформы, но все это также угасло. Он не видел абсолютно никакой ценности в каком-либо действии.

Почему?

«Всякое действие ведет к беспорядку, создавая большее количество проблем, нанося больше вреда. Я пробовал действовать осмысленно и продуманно, но это неизменно приводит к какой-то неразберихе. Некоторые виды деятельности, которыми я занимался, заставили меня чувствовать себя угнетенным, обеспокоенным и утомленным, и все они вели в никуда. Теперь я боюсь действовать, и страх причинения большего вреда, чем пользы, заставил меня отойти от всего, кроме минимума необходимых действий».

Что является причиной этого страха? Этот страх из-за причинения вреда? Вы отдаляетесь от жизни из-за страха вызвать больше замешательства? Вы боитесь замешательства, которое вы могли бы создать, или замешательства внутри вас самих? Если бы вы были ясны для самого себя, и из этой ясности возникало бы действие, были бы вы тогда напуганы каким-либо внешним замешательством, которое могло бы создать ваше действие? Вы боитесь замешательства внутри или снаружи?

«Я никогда прежде не рассматривал это подобным образом, и мне нужно поразмыслить над тем, что вы говорите».

Вы бы возражали против порождения еще большего количества проблем, если бы были ясны самому себе? Нам нравится убегать от собственных проблем любыми путями, но таким образом мы только увеличиваем их количество. Выставляя напоказ наши проблемы может казаться постыдным, но способность встретиться с проблемой зависит от ясности подхода. Если бы вы были ясны самому себе, были бы ваши действия запутывающими?

«Мне не ясно. Я не знаю, что хочу делать. Я мог бы присоединиться к какому-то учению левых или правых, но это не вызовет ясности действий. Можно закрывать глаза на нелепость определенного учения и работать на него, но факт остается фактом: действия всяких учений приносят, по существу, больше вреда, чем пользы. Если бы я был совершенно понятен самому себе, я бы встречался лицом к лицу с проблемами и пытался бы выяснить их. Но мне самому непонятно. Я потерял всякий стимул к действию».

Почему вы потеряли стимул? Вы потеряли его из-за перерасхода ограниченной энергии? Вы истощили себя выполнением определенных вещей, которые не имеют для вас никакого особого интереса? Или это оттого, что вы еще не выяснили, в чем вы искренне заинтересованы?

«Понимаете, после колледжа я очень сильно жаждал социальной реформы, и я с пылом бросил это и взялся за образование. Я действительно в течение множества лет упорно трудился над образованием, не заботясь еще о чем-нибудь. Но я также в конце концов оставил это, потому что все более и более запутывался. Я был амбициозен, не по отношению к самому себе, а по отношению к работе, к успеху, но люди, с которыми я работал, всегда ссорились, они были завистливы и амбициозны ради собственной выгоды».

Амбиция — странная вещь. Вы говорите, что не были амбициозны ради собственной выгоды, а ради работы, ради успеха. Есть ли какое-либо различие между личной и так называемой безличной амбицией? Вы не считали бы это личным или мелочным — отождествлять себя с идеологией и работать с амбицией ради нее, вы бы назвали это нужной амбицией, не так ли? Но разве это так? Конечно, вы всего лишь заменили один термин на другой, «безличный» на «личный». Но побуждение, мотив — все еще тот же самый. Вы хотите успеха в работе, с которой вы отождествили себя. Термин «я» вы заменили на термин «работа», «система», «страна», «бог», но важны все-таки именно вы. Амбиция все еще работает, безжалостно, ревниво, испуганно. Разве это оттого, что работа не была успешной, вы бросили ее? Вы бы продолжили ее, если бы она принесла успех?

«Я так не думаю. Работа была довольно успешной, как и любая работа, если уделять ей время, энергию и прилагать к ней свой интеллект. Я отказался от нее, потому что она вела в никуда, она вызвала некоторое временное облегчение, но никакого основательного и длительного изменения не возникло».

У вас был задор, когда вы работали, что же случилось с ним? Что случилось с вашим побуждением, огнем? В этом ли проблема?

«Да, проблема в этом. Когда-то внутри меня горел огонь, а теперь он потух».

Он не горит, или он сожжен из-за неправильного использования так, что только пепел остался? Возможно, вы просто не нашли ваш настоящий интерес. Вы расстроены? Вы женаты?

«Нет, я не считаю себя расстроенным и при этом я не чувствую потребности в семье или во взаимоотношениях с каким-нибудь человеком. В материальном плане я довольствуюсь малым. Я всегда тянулся к религии в глубоком смысле этого слова, но мне кажется, что мне хотелось быть „успешным“ также и на этом поприще».

Если вы не расстроены, почему же вы не довольны, что просто живете?

«Я не становлюсь моложе, и мне не хочется сгнивать, прозябать»

Давайте подойдем к проблеме по-другому. В чем вы заинтересованы? Не чем бы вам следует быть заинтересованным, а фактически?

«Я действительно не знаю».

Разве вы не заинтересованы в выяснении этого?

«Но как мне это выяснить?»

Неужели вы на самом деле думаете, что есть метод, способ выяснить то, в чем вы заинтересованы? В действительности важно вам самим обнаружить, в каком направлении находится ваш интерес. Пока вы попробовали некоторые вещи, вы отдали им свою энергию и интеллект, но они не дали вам глубокое удовлетворение. Или же вы сожгли себя из-за выполнения вещей, которые не имели подлинного интереса для вас, или ваш реальный интерес все еще не проявил себя, ожидая, когда его пробудят. Теперь, который из этих ваш случай?

«Снова, я не знаю. Может, вы поможете мне выяснить?»

Разве вы не хотите сами узнать суть вопроса? Если вы сожгли себя, тогда проблема требует одного подхода. Но если ваш огонь все еще дремлет, то важно пробудить его. Ну, теперь, что это? Разве вам не хочется обнаружить суть этого самим, без моей подсказки? Суть того, что есть, находится в его собственном действии. Если вы сожжены, то это вопрос заживления, выздоровления, творческого отдыха от пахоты. Этот творческий отдых от пахоты следует за движением культивирования и сеяния, это бездействие ради полноты будущего действия. Или, может быть, ваш настоящий интерес еще не пробужден. Пожалуйста, прислушайтесь и выясните. Если есть намерение выяснить, то вы выясните, не благодаря постоянному вопрошанию, а благодаря ясности и искренности в вашем намерении. Тогда вы увидите, что в течение часов бодрствования есть внимательное наблюдение, при котором вы улавливаете каждый намек того

скрытого интереса, и что сны также играют в этом свою роль. Другими словами, намерение запускает механизм открытия.

«Но как узнать, который интерес является настоящим? У меня было несколько интересов, но все они иссякли. Как я узнаю, что тот настоящий интерес, который я могу обнаружить, также не иссякнет?»

Никакой гарантии нет, конечно же. Но так как вы осознаете, что он способен иссякнуть, в вас будет присутствовать внимательная наблюдательность для того, чтобы обнаружить настоящее. Если позволите мне сказать, вы не ищете ваш реальный интерес, но, находясь в пассивно наблюдающем состоянии, настоящий интерес проявит себя. Если вы попытаетесь выяснить, каков ваш настоящий интерес, снова вы будете выбирать один по сравнению с другим, вы будете взвешивать, вычислять, судить. Этот процесс только возвращает сопротивление, вы тратите свою энергию, задаваясь вопросом, правильно ли вы выбрали, и так далее. Но когда есть пассивное осознание, а не активное усилие с вашей стороны найти, тогда в это осознание проникает движение интереса. Поэкспериментируйте с этим и вы увидите.

«Если я не слишком спешу, мне кажется, что я начинаю ощущать свой подлинный интерес. Возникает жизненно важное оживление, новая стремительность».

Образование и цельность

Это был дивный вечер. Солнце садилось за огромными, черными облаками, а перед ними стояла группа высоких, стройных пальм. Река отливала золотом, а отдаленные холмы сверкали от садящегося солнца. Гремел гром, но ближе к горам небо было ясным и синим. Домашние животные возвращались с пастбища, и маленький мальчик вел их домой. Ему не было больше, чем десять или двенадцать лет, и хотя он провел один целый день, он что-то напевал и иногда стегал животных, которые отбивались от стада или были медлительны. Он улыбнулся, и его темное лицо засветилось. Остановившись из-за любопытства и слегка из-за любознательности, он начал задавать вопросы. Он был деревенским мальчишкой и не получил никакого образования. Он никогда не научится читать и писать, но ему уже было известно, что значит быть наедине с собой. Он не осознавал, что был один на один с собой, это, вероятно, никогда даже в голову ему не приходило, и к тому же ничуть не угнетало. Он был просто один и был доволен. Он не был доволен чем-то, он был просто доволен. Быть довольным чем-то значит быть недовольным. Искать удовлетворенность через взаимоотношения значит быть в страхе. Удовлетворенность, которая зависит от взаимоотношений, — это всего лишь удовлетворение. Удовлетворенность — это состояние независимости. Зависимость всегда приносит конфликт и неприятие. Должна возникнуть свобода, чтобы быть довольным. Свобода есть и должна всегда быть в начале, это не результат, не цель, которую нужно достичь. Никогда нельзя быть свободным в будущем. Будущая свобода не имеет никакого отношения к настоящему, это всего лишь идея. Настоящее — это то, что есть, а пассивное осознание того, что есть, является удовлетворенностью.

Профессор сказал, что он преподавал в течение многих лет, с тех пор, как он закончил колледж, у него в подчинении было большое количество парней в одном из правительственных учреждений. Он выпускал студентов, которые могли сдать экзамены, что являлось именно тем, чего хотели правительство и родители. Конечно, и исключительные юноши попадались, которым предоставлялись специальные возможности, давались ученые степени и тому подобное, но подавляющее большинство были безразличны, глупы, ленивы и несколько разбалованы. Были и те, кто кое-чего добивался в любой области, какой бы они не занимались, но только в очень немногих горел огонь творчества. На протяжении всех лет, пока он преподавал, исключительные юноши были большой редкостью. Время от времени появлялся тот, кто, возможно, обладал качествами гения, но обычно случалось так, что он тоже вскоре был задушен своим окружением. Как преподаватель он посетил много частей света, чтобы изучить этот вопрос исключительности юношей, и всюду было то же самое. Он теперь отходил от профессии преподавателя, поскольку после стольких лет его все это сильно опечалило. Как бы хорошо мальчики не были образованы, в целом они оказывались глупцами. Некоторые были умными или положительными и занимали высокие посты, но за призмой их престижа и влияния, они были столь же мелочны и скупаемы беспокойством, как и остальные.

«Современная система образования — это провал, поскольку она породила две разрушительные войны и ужасную нищету. Умение читать и писать и приобретение различных навыков, что является тренировкой памяти, явно недостаточно, так как это привело к неслыханному горю. Что вы считаете конечной целью образования?»

Разве оно не должно воспитать цельную натуру, личность? Если это — «цель» образования, то нам должно быть понятно, то ли личность существует для общества, то ли общество существует для личности. Если общество нуждается и использует индивидуума для его собственных целей, тогда оно не заинтересовано в пестовании цельного человека.

То, что оно хочет, это продуктивную машину, приспособляющегося и уважаемого гражданина, и это требует лишь очень поверхностного объединения. Пока индивидуум повинуется и желает полностью соответствовать условиям, общество будет считать его полезным и будет тратить на него время и деньги. Но если общество существует для индивидуума, то это должно помочь в освобождении его от влияния созданных им же, обществом, условий. Оно должно обучить его быть цельной личностью.

«Что вы подразумеваете под цельной личностью?»

Чтобы ответить на этот вопрос, надо приблизиться к нему пассивно, косвенно, нельзя рассматривать его активно.

«Я не понимаю, что вы имеете в виду».

Активно заявлять, что значит цельная личность, значит только создавать образец, некую форму, пример, которому мы пробуем подражать. И разве имитация образца — это не признак распада? Когда мы пробуем копировать пример, разве может возникнуть объединение? Несомненно, имитация — это процесс распада, и разве это не то, что происходит в мире? Мы все превращаемся в отличные грампластинки: мы повторяем то, чему нас учили так называемые религии, или то, что сказал самый последний политик, экономист или религиозный лидер. Мы твердо придерживаемся идеологий и посещаем политические массовые митинги. Существует массовое увлечение спортом, массовое поклонение, массовый гипноз. Разве это признак объединения? Соответствие — это ведь не объединение, не так ли?

«Это ведет к самому фундаментальному вопросу дисциплины. Вы против дисциплины?»

Что вы подразумеваете под дисциплиной?

«Существует много видов дисциплины: дисциплина в школе, дисциплина гражданства, партийная дисциплина, общественная и религиозная дисциплина и самодисциплина. Дисциплина может быть по внутреннему или внешнему авторитету».

По сути, дисциплина подразумевает некоторое соответствие чему-то, не так ли? Это соответствие идеалу, авторитету, это культивирование сопротивления, которое вынужденно порождает неприятие. Сопротивление — это неприятие. Дисциплина — это процесс изолирования, неважно, это изоляция обособленной группой, или изоляция при индивидуальном сопротивлении. Имитация — это форма сопротивления, разве не так?

«Вы имеете в виду, что дисциплина уничтожает объединение в целом? Что случилось бы, если у вас в школе не было бы дисциплины?»

Неужели не важно понять суть значения дисциплины, а не перескакивать к умозаключениям или приводить примеры? Мы пробуем увидеть, каковы факторы распада, или что препятствует объединению. Разве дисциплина в смысле соответствия, сопротивления, противостояния, противоречия, это не один из факторов распада? Зачем нам соответствовать чему-то? Не только для физической безопасности, но также и для психологического комфорта, безопасности. Сознательно или подсознательно, страх оказаться в опасности приводит к соответствию, и внешне, и внутренне. Нам всем нужна определенная физическая безопасность, но именно страх психологической опасности делает физическую безопасность невозможной, кроме как для немногих. Страх — вот основа всякой дисциплины: страх не быть успешным, страх наказания, страх не получить что-то и так далее. Дисциплина — это уподобление чему-то, подавление, сопротивление, и либо сознательно, либо подсознательно она — это результат страха. Разве не страх — один из факторов распада?

«Чем бы вы заменили дисциплину? Без дисциплины возник бы даже больший хаос, чем теперь. Разве некая форма дисциплины не необходима для действия?»

Понимание ложного как ложного, видение истинного в ложном и видение истинного как истинного — вот что начало интеллектуального развития. Это не вопрос замены. Вы не можете

чем-то заменить страх. Если вы так поступаете, страх все еще есть. Вы можете успешно прикрывать его или убегать от него, но страх остается. Именно устранение страха, а не нахождение его замены является важным. Дисциплина в любом виде вообще никогда не может привести освобождению от страха. Страх нужно наблюдать, изучать, понимать. Страх — это не абстракция, он возникает только по отношению к чему-то, и именно это отношение необходимо понять. Понимать не означает сопротивляться или противопоставлять. Разве тогда дисциплина, в более широком и более глубоком ее смысле, не фактор распада? Не является ли страх со следующим за ним подражанием и подавлением, силой распада?

«Но как освободиться от страха? В классе, где много студентов, если не будет какой-то дисциплины или, если вы предпочитаете, страха, как может быть там порядок?»

С помощью наличия небольшого количества студентов и правильной формы образования. Это, конечно, невозможно, пока государство заинтересовано в массово производимых гражданах. Государство предпочитает массовое образование, правители не хотят поддержки недовольства, поскольку их положение оказалось бы вскоре ненадежным. Государство контролирует образование, оно вмешивается и создает условия для человеческого развития ради собственных нужд. И самый легкий способ сделать это — через устрашение, через дисциплину, через наказание и награду. Свобода от страха — это другой вопрос, страх нужно понять, а не отвергать, подавлять или возвеличивать.

Проблема распада довольно-таки сложна, подобно любой другой человеческой проблеме. Разве противоречие — это не другой фактор распада?

«Но противоречие необходимо, иначе мы деградировали бы. Без борьбы не было бы никакого прогресса, никакого продвижения, никакой культуры. Без усилия, без конфликта мы были бы все еще дикарями».

Возможно, мы все еще и есть. Почему мы всегда перепрыгиваем к умозаключениям или противимся, когда что-то новое предлагается? Мы явно являемся дикарями, когда мы убиваем тысячи по одной или другой причине, ради нашей страны. Убийство другого человека — вот наивысшая дикость. Но давайте продолжим то, о чем мы говорили. Действительно ли конфликт — это не признак распада?

«Что вы подразумеваете под конфликтом?»

Конфликт в любой его форме: между мужем и женой, между двумя группами людей с противоречивыми идеями, между тем, что есть, и традицией, между тем, что есть, и идеалом, тем, что должно быть, будущим. Конфликт — это внутренняя и внешняя борьба. В настоящее время конфликт имеется на всех разных уровнях нашего существования, сознательный, также как неосознанный. Наша жизнь — это ряд конфликтов, поле битвы, и ради чего? Мы понимаем с помощью борьбы? Могут ли я понять вас, если я конфликтую с вами? Чтобы понимать, должен возникнуть некий мир. Творчество может происходить только в мире, в счастье, а не когда есть конфликт, борьба. Наша постоянная борьба происходит между тем, что есть, и тем, что должно быть, между утверждением и противопоставлением. Мы принимали такой конфликт как неизбежное, а неизбежное превратилось в норму, в истинное, хотя, возможно, оно ложно. Неужели с помощью конфликта можно преобразовать то, что есть, в его противоположность? Я есть это, и, борясь, чтобы быть тем, которое является противоположностью, изменил ли я это? Разве противоположность, противопоставление, это не видоизмененное проецирование того, что есть? Не имеет ли всегда противоположность элементы ее собственной противоположности? Через сравнение возникает ли понимание того, что есть? Разве не любое умозаключение относительно того, что есть, является помехой для понимания того, что есть? Если бы вы поняли что-то, не должны ли вы были наблюдать за этим, изучать его? Можете ли вы свободно изучать его, если вы предвзято за или против этого? Если вы поняли бы вашего

сына, вам бы не пришлось изучать его, не отождествляя его с собой, не осуждая его? Наверняка, если вы конфликтуете с вашим сыном, то нет никакого понимания его. Итак, является ли конфликт необходимым для понимания?

«Разве нет другого вида конфликта, конфликта обучения, как делать что-либо, приобретения навыков? У кого-то может быть интуитивное видение чего-либо, но это необходимо доказать, и претворение его в жизнь — это борьба, она влечет за собой много беспокойства и боли».

В некотором роде, это так. Но разве само создание не есть средство? Средства неотделимы от цели, цель соответствует средствам. Выражение соответствует творчеству, стиль соответствует тому, что вам нужно сказать. Если вам есть что сказать, то само это «что-то» создает свой собственный стиль. Но если кто-то просто человек, знающий свое дело, то нет никакой жизненно важной проблемы.

Действительно ли конфликт в любой сфере полезен для понимания? Нет ли непрерывной цепи конфликтов в усилении, желании быть, стать, активно или пассивно? Разве причина конфликта не становится следствием, которое в свою очередь становится причиной? И нет никакого освобождения от конфликта, пока нет понимания того, что есть. То, что есть, никогда не может быть понято через призму идеи, к нему нужно приблизиться с чистого листа. Поскольку то, что есть, никогда не находится в статике, ум не должен быть привязан к знанию, к идеологии, к вере, к умозаключению. По своей сути, сам конфликт имеет свойство разделять, как и всякое возражение, и разве исключение, разделение не фактор распада? Любая форма власти, неважно, индивидуума или государства, любое усилие стать большим или стать меньшим, является процессом распада. Все идеи, веры, системы мышления являются разделяющими, исключаящими. Усилие, конфликт не может ни при каких обстоятельствах привнести понимание, и так что это фактор вырождения как для личности, также как и для общества.

«Что же тогда является объединением в целое? Я более или менее понимаю, что является факторами распада, но это только отрицание. Через отрицание нельзя прийти к объединению. Я могу знать, что есть неправильное, но это не означает, что я знаю, что есть правильное».

Конечно, когда ложное рассматривается как ложное, истинное просто есть. Когда каждый осознает факторы вырождения не просто на словах, но глубоко, тогда разве это не объединение? Находится ли объединение в статике, это что-то, что можно получить и чем можно завершить? Объединение не может быть достигнуто, достижение — это смерть. Оно — не цель, результат, а состояние бытия, оно живое, а как может быть целью, результатом живое существо? Желание быть объединенным не отличается от любого другого желания, а всякое желание — это причина конфликта. Когда нет конфликта, есть объединение. Объединение — это состояние полного внимания. Не может быть полного внимания, если присутствует усилие, конфликт, сопротивление, концентрация. Концентрация — это фиксация, концентрация — процесс разделения, исключения, а полное внимание невозможно, когда существует исключение. Исключать означает сужать, а узкое никогда не сможет познать полное. Полное, всеобъемлющее внимание невозможно, когда присутствует осуждение, оправдание или отождествление с чем-то, или когда ум омрачен умозаключениями, предположениями, теориями. Когда мы поймем эти помехи, тогда только возникнет свобода. Свобода — это абстракция для человека в тюрьме, но пассивная наблюдательность разоблачает эти помехи, и со свободой от них, возникает объединение.

Рис созрел, зеленый с золотистым оттенком, и вечернее солнце освещало его. Стояли длинные, узкие канавы, заполненные водой, и вода ловила блекнувший свет. Пальмовые деревья раскинулись над рисовыми полями, все вдоль их краев, а среди пальм стояли маленькие дома, темные и уединенные. Переулок лениво блуждал через пальмовые рощи и рисовые поля. Это был очень музыкальный переулок. Мальчик играл на флейте, а перед ним раскинулось рисовое поле. У него было чистое, здоровое тело, хорошо сложенное и хрупкое, и на нем была только чистая белая ткань вокруг его поясицы. Садящееся солнце только что осветило его лицо, и его глаза улыбнулись. Он играл гаммы, и, когда он утомлялся от этого, он наигрывал песню. Он по-настоящему наслаждался этим, и его радость заражала. Хотя я и сел всего лишь на небольшом расстоянии от него, он никогда не прекращал играть. Вечерний свет, зелено-золотистое море поля, солнце среди пальм и этот мальчик, играющий на флейте, казалось, придавали вечеру очарование, которое редко почувствуешь. Затем он прекратил играть, подошел и сел около меня. Ни один из нас не говорил ни слова, но он улыбался, и это, казалось, радовало небеса. Его мать позвала из какого-то дома, скрытого среди пальм. Он отвечал не сразу же, но на третьем окрике он встал, улыбнулся и ушел. Дальше по дорожке под какой-то струнный инструмент пела девочка, и у нее был довольно-таки хороший голос. Через поле кто-то подхватил песню и пел с непринужденностью во все горло, и девочка остановилась и слушала, пока мужской голос не закончил петь. Сейчас уже темно. Вечерняя звезда показалась над полем, и лягушки начали квакать.

Как же мы хотим обладать орехом какао, женщиной и раем! Мы хотим монополии, и вещи, кажется, приобретают большую ценность через обладание. Когда мы говорим «это мое», картина, кажется, становится более красивой, более ценной, она, кажется, приобретает большее изящество, большую глубину и полноту. Существует странное качество насилия в обладании. В тот миг, когда кто-то говорит «это мое», оно превращается в вещь, о которой нужно заботиться, защищать, и в самом этом действе есть сопротивление, которое порождает насилие. Насилие вечно ищет успеха, насилие — это самоудовлетворение. Преуспеть всегда означает потерпеть неудачу. Прибытие смертельно, а путешествие вечно. Извлекать выгоду, быть победителем в этом мире значит потерять жизнь. С каким нетерпением мы преследуем цель! Но цель существует постоянно, и также как и конфликт ее преследования. Конфликт — это постоянное преодоление, и то, что завоевано, нужно завоевывать снова и снова. Победитель вечно находится в страхе, а обладание для него это мрак. Победенный, жаждущий победы, теряет то, что завоевано, и поэтому он такой же, как и победитель. Иметь пустую чашу значит иметь жизнь, которая бессмертна.

Они только лишь недавно поженились, и ребенка все еще у них не было. Они казались так молоды, так далеки от соперничества, так робки. Они хотели спокойно обсудить некоторые вещи, без спешки и без чувства, что они заставляют других ждать. Они были красивой парой, но в их глазах было напряжение, их улыбки были непринужденными, но за улыбками скрывалось некоторое беспокойство. Они были чисты и молоды, но слышался шепот внутренней борьбы. Любовь — странная вещь, и как быстро она увядает, как быстро дым душит огонь! Огонь не принадлежит ни вам, ни мне, он просто огонь, ясный и самодостаточный, он ни личный, ни безличный. Он не принадлежит ни вчера, ни завтра. Он обладает целительной теплотой и ароматом, который всегда изменчив. Им нельзя обладать, монополизировать или подержать в руке. Если его взять в руки, он сжигает и уничтожает, и дым заполняет наше бытие, и тогда огню нет места.

Он рассказывал, что они были женаты в течение двух лет и сейчас спокойно жили недалеко от крупного города. У них была маленькая ферма, двадцать или тридцать акров риса и фруктов и немного рогатого скота. Он занимался улучшением породы, а она работала в какой-то местной больнице. Их дни были насыщенными, но это не было насыщением из-за бегства от действительности. Они никогда не пытались убежать подальше от чего бы то ни было, кроме их собственных родственников, которые были очень традиционны и довольно утомительны. Они поженились несмотря на возражение со стороны семей, и жили в одиночестве, получая небольшую помощь. Прежде, чем они поженились, они обговорили все и решили не заводить детей.

Почему?

«Мы оба поняли, в каком ужасном беспорядке находится мир, и еще заводить мальшей кажется своего рода преступлением. Дети почти неизбежно стали бы простыми бюрократическими служащими или рабами какой-либо религиозно-экономической системы. Окружающая среда делала бы их глупыми или умными, но циничными. Кроме того, у нас недостаточно денег, чтобы обучить детей должным образом».

Что вы подразумеваете под «должным образом»?

«Чтобы обучить детей должным образом, нам бы пришлось отправить в школу не здесь, а за границу. Нам бы пришлось культивировать в них интеллект, чувство ценности и красоты и помогать им воспринимать жизнь как насыщенную и счастливую так, чтобы у них в душе был мир. И, конечно же, их нужно было бы научить определенным умениям, которые не разрушили бы их души. Помимо всего этого, подумав, насколько сами мы глупы, мы оба почувствовали, что мы не должны передавать наши собственные восприятия и условности нашим детям. Нам бы не хотелось размножать видоизмененные копии нас самих».

Вы хотите сказать, что вы вдвоем выдумали все это так логически и жестко до того, как поженились? Вы составили хороший брачный контракт, сложнее, чем устный контракт, не так ли?

«Именно это мы и выясняем. Ни один из нас не говорил обо всем этом кому-либо до или после нашей свадьбы, и это стало одной из наших трудностей. Мы не знали никого, с кем мы могли бы свободно поговорить, так как большинству людей постарше доставляет такое высокомерное удовольствие не одобрять нас или выразить нам свое одобрение. Мы услышали один из ваших разговоров, и нам захотелось прийти и обсудить с вами нашу проблему. Еще одна проблема состоит в том, что перед нашим браком мы поклялись никогда не иметь каких-либо сексуальных отношений друг с другом».

И снова, зачем?

«Оба мы очень набожны, и мы хотим вести духовную жизнь. С тех пор, как я был еще мальчишкой, я стремился отдалиться от мирского, прожить жизнь саньясина. Я имел обыкновение читать очень много религиозной литературы, что только усилило мое желание. Фактически, я проходил в одежде шафранового цвета почти целый год».

А вы тоже?

«Я не столь умна и образованна, как он, но у меня есть сильные религиозные корни. Мой дедушка имел довольно-таки хорошую работу, но он оставил свою жену и детей, чтобы стать саньясином, и теперь мой отец хочет поступить так же. До сих пор моей матери удавалось не допустить этого, но однажды он точно так же может исчезать, и во мне присутствует тот же самый импульс вести религиозную жизнь».

Тогда, если можно спросить, зачем вы женились?

«Нам хотелось дружеских взаимоотношений друг с другом, — ответил он. Мы полюбили

друг друга и у нас было что-то общее. Мы чувствовали это с наших совместных совсем юных лет, и мы не видели какой-либо причины, почему нам официально не пожениться. Мы подумывали о том, чтоб не жениться, совместно проживать без секса, но это создало бы ненужные проблемы. После нашей свадьбы все шло хорошо в течение примерно года, но наша страсть друг к другу было почти невыносимой. Наконец она стала настолько невыносимой, что я, бывало, уходил прочь. Я не мог выполнять свою работу, я не мог думать о чем-нибудь другом, и бывало мне снились дикие сны. Я стал капризным и раздражительным, хотя ни единого резкого слова между нами не проскользнуло. Мы любили и не могли причинить боль друг другу словом или поступком. Но мы пылали друг от друга подобно солнцу в полдень, и мы решили наконец прийти и обсудить это с вами. Я буквально не могу соблюдать ту клятву, которую она и я дали. Вы понятия не имеете, на что это было похоже».

А как насчет вас?

«Какая женщина не хочет ребенка от человека, которого она любит? Я не знала, что способна на такую любовь, и у меня также были дни мучений и ночи в агониях. Я стала истеричной и начинаю рыдать из-за мелочей, и несколько раз в месяц это превращается в кошмар. Я надеялась, что что-то произойдет, но даже при том, что мы разговаривали об этом, это не приносило облегчения. К тому времени поблизости открыли больницу и меня попросили о помощи, и я с радостью убежала от всего этого. Но это все еще не приносило облегчения. Видеть его так близко каждый день...» Теперь она расплакалась от всей души. «Поэтому мы и пришли, чтобы поговорить обо всем этом. Что вы скажете?»

Действительно ли это религиозная жизнь — наказывать себя? Является ли умерщвление тела или ума признаком понимания? Разве самоистязание — это путь к реальности? Является ли отрицание целомудрием? Вы действительно считаете, что сможете продвинуться далеко с помощью отречения? Неужели вы думаете, что может возникнуть мир с помощью конфликта? Разве не средства имеют бесконечно большее значение, чем цель? Цель может быть, но средства уже есть. Фактическое, то, что есть, необходимо понимать, а не удушать намерениями, идеалами и умными нововведениями. Печаль — это не путь к счастью. Явление, названное страстью, нужно понять, а не подавлять или возвеличивать, и найти замену этому не принесет облегчения. Независимо от того, что бы вы ни делали, любая уловка, которую вы изобретете, только усилит то, что не любили и не поняли. Чтобы полюбить то, что мы называем страстью, необходимо понять ее. Любить означает находиться в непосредственной общности. Но вы не можете любить что-то, если вы отвергаете это, если у вас есть идеи, умозаключения относительно этого. Как можете вы любить и понимать страсть, если вы дали клятву против нее? Клятва — это форма сопротивления, и то, чему вы сопротивляетесь, в конечном счете побеждает вас. Истину нельзя завоевать, вы не можете штурмовать ее, она ускользнет из ваших рук, если вы попытаетесь схватить ее. Истина приходит потихоньку, когда вы не знаете об этом. То, что вы знаете — это не истина, это всего лишь идея, символ, а призрак — это не реальность.

Конечно, наша проблема состоит в том, чтобы понять себя, а не уничтожать себя. Уничтожать сравнительно легко. Вы имеете образец для действия, которое, как вы надеетесь, приведет к истине. Образец всегда — это ваше собственное создание, он соответствует вашим собственным, придуманным вами же условиям, точно так же как и цель. Вы создаете образец, а затем даете клятву, чтобы исполнить ее. Это — в высшей степени бегство от самих себя. Вы — это не тот самоспроецированный образец и все, связанное с ним. Вы — это то, что вы есть фактически, желание, жажда. Если вы действительно хотите возвыситься и освободиться от жажды, вы должны понять это полностью, не осуждая, не принимая. Но это — мастерство, которое приходит только через наблюдательность, удерживаемую в глубокой пассивности.

«Я прочел некоторые из ваших диалогов и могу следовать тому, о чем вы говорите. Но что

по существу нам нужно делать?»

Это ваша жизнь, ваше страдание, ваше счастье, и разве осмелится кто-то другой сказать вам, что вы должны или что не должны делать? Разве другие уже не говорили вам? Другие — это прошлое, традиция, созданные условия, часть которых также и вы. Вы послушались других, самих себя, и вы находитесь в этом затруднительном положении. И неужели вы опять-таки будете искать того совета у других, который находится внутри вас? Вы будете слушать, но вы примете то, что приятно, и отклоните то, что болезненно, но и то, и то связывает. То, что вы дали клятву против страсти, является началом несчастья, так же, как увлечение страстью. Но что на самом деле важно, это понять весь этот целостный процесс возникновения идеала, давания клятвы, дисциплины, боли, любое из которых есть глубокое бегство от внутренней бедности, от боли внутренней недостаточности, от одиночества. Весь этот общий процесс — это вы сами.

«Но что насчет детей?»

Снова — нет никакого ни «да», ни «нет». Поиск ответа с помощью ума ведет в никуда. Мы используем детей как заложников в игре нашего самомнения, и мы накапливаем страдание. Мы используем их как другие средства бегства от самих себя. Когда дети не используются в качестве средства, они приобретают значение, которое не является значением, которое вы, общество или государство можете придавать им. Целомудрие не исходит от ума, целомудрие — это сама природа любви. Без любви, сделайте, что пожелаете, но никакого целомудрия не может быть. Если есть любовь, ваш вопрос сам найдет истинный ответ.

Они оставались в этой комнате в совершенном молчании в течение длительного времени. Слово и жест достигли своего результата.

Страх смерти

На красной земле перед домом росло множество подобных трубам цветов с золотыми сердцевинами. У них были большие сиреневые лепестки и тонкий аромат. Их бы вырвали в дневное время, но в темноте ночи они покрыли красную землю. Ползучее растение, с зазубренными листьями, которые блестели на утреннем солнце, было полно сил. Несколько детей небрежно ходили по цветам, а человек, поспешно шагнувший в свой автомобиль, ни разу даже не взглянул на них. Прохожий сорвал один цветок, понюхал его и унес с собой, чтобы тут же бросить. Женщина, которая, вероятно, была служанкой, вышла из дома, сорвала цветок и вдела его в свои волосы. Как красивы были те цветы, и как быстро они увядали на солнце!

«Меня всегда преследовал какой-то страх. Когда я был ребенком, я был очень робок, застенчив и чувствителен, а теперь я боюсь старости и смерти. Я знаю, что мы все умрем, но никакие разумные доводы, кажется, не успокаивают этот страх. Я присоединился к „Психическому исследовательскому обществу“, посетил несколько сеансов и прочел, что великие учителя сказали по поводу смерти. Но страх ее все еще во мне. Я даже пробовал психоанализ, но это также не помогло. Этот страх стал для меня настоящей проблемой. Среди ночи я пробуждаюсь от ужасных снов, и все из них так или иначе касаются смерти. Я странно напуган насилием и смертью. Война была для меня непрекращающимся кошмаром, и теперь я по-настоящему очень тревожусь. Это не невроз, но я понимаю, что все, возможно, в него превратится. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы контролировать страх, я пробовал убежать от него, но в результате моего бегства я не был способен стряхнуть его с себя. Мне довелось послушать несколько довольно глупых лекций про перевоплощения и изучать хинди и буддистскую литературу касательно этого. Но всего этого было недостаточно, по крайней мере, для меня. Я только с виду не боюсь смерти, но внутри сидит очень глубокой страх ее».

Какой подход у вас к будущему, к завтра, к смерти? Вы пытаетесь найти суть проблемы или же вы ищете, поддержки, удовлетворяющего подтверждения продолжения жизни или окончательной смерти?

Вы хотите правды или успокаивающего ответа?

«Когда вы ставите вопрос таким образом, я действительно не знаю, чего я боюсь. Но страх остается, причем требует срочного ответа».

В чем ваша проблема? Вы хотите освободиться от страха или вы ищете правду от смерти?

«Что вы подразумеваете под правдой о смерти?»

Смерть — это неизбежный факт, что хотите, делайте, но ее не отменить, она окончательна и истинна. Но хотите ли вы знать правду о том, что после смерти?

«Отталкиваюсь от всего, что я изучил, и от немногих материализаций, которые я видел на сеансах, очевидно существует некоторое продолжение после смерти. Мысль в некой форме продолжается, что сами вы утверждали. Также, как и трансляция песен, слов и изображений требует воспринимающего на другом конце, так и мысль, которая продолжается после смерти, нуждается в инструменте, через который она может выразить себя. Инструментом может быть медиум, или мысль может воплощать себя другим способом. Это все совершенно ясно и может быть проэкспериментированно и понято. Но даже при том, что я проник в этот вопрос довольно глубоко, во мне присутствует все еще непостижимое опасение, которое, я думаю, определенно связано со смертью».

Смерть неизбежна. Продолжение может закончиться, или же его можно лелеять и поддерживать. То, что имеет продолжение, никогда не сможет обновлять себя, оно никогда не сможет быть новым, оно никогда не сможет понять неизвестное. Продолжение — это

продление, а то, что длится вечно, не бесконечно. Из-за времени нет продолжительности, нет бесконечного. Должно быть окончание для того, чтобы возникло новое. Новое находится не в пределах продолжения мысли. Мысль — это непрерывное движение во времени, такое движение не может заключать в себя состояние бытия, которому не свойственно время. Мысль основана на прошлом, самому ее бытию свойственно время. Время не только хронологическое, но и это мысль как движение прошлого через настоящее к будущему. Это движение памяти, слова, это изображение, символ, запись, повторение. Мысль, память является непрерывной благодаря слову и повторению. Окончание мысли — начало нового, смерть мысли — вечная жизнь. Должно быть постоянное окончание для того, чтобы возникало новое. То, что является новым, не имеет продолжения, новое никогда не может быть в пределах области времени. Новое пребывает только в смерти от мгновения до мгновения. Смерть должна быть каждый день для того, чтобы проявляло себя неизвестное. Окончание — вот начало, но страх мешает окончанию.

«Я знаю, что у меня есть страх, но я не знаю то, что скрывается за этим».

Что мы подразумеваем под страхом? Что такое страх? Страх — это не абстракция, он не существует независимо, в изоляции. Он возникает только по отношению к чему-то. В процессе этих отношений страх проявляет себя, нет никакого страха безотносительно чего-то. Ну же, что является тем, чего вы боитесь? Вы говорите, что боитесь смерти. Что мы подразумеваем под смертью? Хотя у нас есть теории, предположения и некоторые очевидные факты, смерть все еще неизвестна. Независимо от того, что мы знаем о ней, саму смерть нельзя включить в область известного. Мы протягиваем руку, чтобы схватить ее, но это не она. Ассоциация — это известное, а неизвестное нельзя сделать знакомым. Привычное не может уловить ее, поэтому возникает страх.

Может ли известное, ум когда-либо постичь или объять неизвестное? Рука, которая протягивается, может получить только узнаваемое, она не может взять непостижимое. Желать получить опыт — означает придать мысли продолжение, желать получить опыт — означает придать силу прошлому, желать получить опыт — означает продлить известное. Вы хотите пережить смерть, не так ли? Хотя вы живете, вам хочется знать, что такое смерть. Но знаете ли вы, что такое жизнь? Вам известна жизнь только как конфликт, беспорядок, антагонизм, мимолетная радость и боль. Это ли жизнь? Разве борьба и печаль это жизнь? В этом состоянии, которое мы называем жизнью, мы хотим пережить что-то, чего нет в нашей собственной области сознания. Эта боль, борьба, ненависть, которая следует за радостью, вот то, что мы называем жизнью. И нам хочется испытать то, что является противоположностью того, что мы называем жизнью. Противоположность — это продолжение того, что есть, возможно, видоизмененное. Но смерть — не противоположность. Это неизвестное. Узнанное жаждет испытать смерть, неизвестное, но как бы оно ни старалось, оно не сможет испытать смерть, поэтому оно напугано. Так ли это?

«Вы понятно изложили. Если бы я мог познать или пережить, что значит смерть, пока я живу, то, конечно, страх прекратился бы».

Из-за того, что вы не можете испытать смерть, вы ее боитесь. Может ли сознательное испытывать то состояние, которое не может быть привнесено в бытие через сознательное? То, что может быть испытано, — проекция сознательного, известного. Известное может переживать только известное, опыт всегда в пределах области известного, известное не может испытывать то, что вне его области. Переживание совершенно отличается от опыта. Переживание вне пределов области переживающего, но, как только переживание исчезает, возникают переживший и опыт, и затем переживание переносится к области известного. Знающий, переживший жаждет состояния переживания, неизвестного, и так как переживший, знающий, не может вступать в состояние переживания, он боится. Он есть страх, он не отделен от него.

Переживающий страх не наблюдающий за ним, он — это сам страх, само орудие страха.

«А что вы подразумеваете под страхом? Я знаю, что боюсь смерти. Я не чувствую, что я есть страх, просто я напуган чем-то. Я боюсь, но я отдельно от страха. Страх — это ощущение, отличное от «я», которое смотрит на него, анализирует его. Я — наблюдатель, а страх наблюдаемое. Как может наблюдатель и наблюдаемое быть единым?»

Вы говорите, что вы — наблюдатель, а страх — это наблюдаемое. Но так ли это? Действительно ли вы сущность, отделенная от ваших же качеств? Действительно ли вы не идентичны с вашими качествами? Разве вы — это не ваши мысли, эмоции и так далее? Вы неотделимы от ваших качеств, мыслей. Вы и есть ваши мысли. Мысль создает «ты», как предполагается, отделенную сущность, без мысли нет думающего. Видя свою собственную мимолетность, мысль создает мыслителя как постоянную, делящуюся сущность, и тогда мыслитель становится переживающим, анализирующим, наблюдателем, отделенным от мимолетного процесса. Все мы жаждем некоторого постоянства, и, наблюдая внутри нас непостоянство, мысль создает думающего, который, как предполагается, является постоянным. Затем думающий продолжает создавать другие, более высокие состояния постоянства: душа, атман. Нас волнует страх. Что такое страх? Давайте же посмотрим, что это.

Вы говорите, что боитесь смерти. Так как вы не можете испытывать ее, вы боитесь ее. Смерть — неизвестное, и вы боитесь неизвестного. Так ли это? Теперь же, можете ли вы бояться того, что вы не знаете? Если вам что-то неизвестно, как вы можете бояться этого? На самом деле вы боитесь, не неизвестного, смерти, а потерять известное, потому что это бы причинило вам боль или отняло у вас ваше удовольствие, ваше удовлетворение. Именно известное вызывает страх, а не неизвестное. Как может неизвестное вызвать страх? Его не измерить понятиями удовольствия и боли: это неизвестное.

Страх не может существовать сам по себе, он возникает из-за отношения к чему-то. Вы на самом деле боитесь известного в его отношении к смерти, не так ли? Из-за того, что вы цепляетесь за известное, за опыт, вы напуганы тем, каким могло бы быть будущее. Но то, «что могло бы быть», будущее, является просто реакцией, предположением, противоположностью того, что есть. Ведь это так, правда?

«Да, кажется, что это правда».

А знаете ли вы то, что есть? Вы понимаете его? Открыли ли вы шкафчик с известным и изучили его? Разве вы к тому же не напуганы тем, что вы могли бы обнаружить там? Вы когда-либо исследовали известное, то, чем вы обладаете?

«Нет, никогда. Я всегда принимал известное как должное. Я принимал прошлое, как любой принимает солнечный свет или дождь. Я никогда не раздумывал над ним. Каждый почти не осознает это, так же как каждый не задумывается над собственной тенью. Теперь же, когда вы упомянули об этом, мне кажется, что я также боюсь выяснять то, что могло бы быть там».

Разве не большинство из нас боятся заглянуть в самих себя? Мы могли бы обнаружить неприятные вещи, так что мы предпочли бы не смотреть, мы предпочитаем не знать о том, что есть. Мы не только боимся того, что могло бы быть в будущем, но также и того, что могло бы быть в настоящем. Мы боимся познать нас, какие мы есть, и это увливание от того, что есть, заставляет нас бояться того, что могло бы быть. Мы приближаемся к так называемому известному с опасением, также как и к неизвестному, к смерти. Уход от того, что есть, является желанием удовлетворения. Мы ищем безопасности, постоянно требуя, чтобы нас не беспокоили, и именно это желание не быть потревоженным заставляет нас избегать того, что есть, и страха того, что могло бы быть. Страх — это незнание того, что есть, и наша жизнь проводится в постоянном состоянии страха.

«Но как же избавиться от этого страха?»

Чтобы избавиться от чего-либо, вы должны понять это. Есть ли страх, или только лишь желание не видеть? Это желание не видеть того, что порождает страх, и, когда вы не хотите понять полное значение того, что есть, страх выступает в качестве предупреждения. Вы можете вести удовлетворяющую вас жизнь, преднамеренно избегая всякого исследования того, что есть, и многие так и поступают, но они не счастливы, точно как и те, кто развлекает себя поверхностным изучением того, что есть. Только те, кто искренен в своем исследовании, могут познать счастье. Для них одних есть свобода от страха.

«Тогда, как же понять то, что есть?»

То, что есть, должно быть рассмотрено в зеркале взаимоотношений, во взаимоотношении со всеми вещами. То, что есть, не может быть понято в отдалении от мирского, в изоляции, его нельзя понять, если есть интерпретатор, переводчик, который отвергает или принимает. То, что есть, может быть понято только, когда ум совершенно пассивен, когда он не работает над тем, что есть.

«Не очень ли это трудно — пассивно осознавать?»

Это так, пока есть мысль.

Слияние думающего и его мыслей

Это был маленький пруд, но очень красивый. Трава покрывала его берега, и несколько ступеней вели к нему вниз. В одном конце стоял маленький, белый храм, и всюду вокруг него росли высокие, стройные пальмы. Храм был превосходно выстроен, и о нем хорошо заботились. Он был безупречно чист, и в тот час, когда солнце было далеко за пальмовыми рощами, там не было никого, даже священника, который обращался с храмом и его содержимым с большим почитанием. Этот маленький, словно игрушечный, храм придавал пруду атмосферу умиротворения. Это место было таким тихим, что даже птицы умолкли. Небольшой ветерок, который шелестел в пальмах, утихал, и по небу проплывало несколько облаков, сияющих в вечернем солнце. Змея плыла через пруд, ныряя и выныривая среди листьев лотоса. Вода была очень чистой, и на ней покачивались розовые и фиолетовые лотосы. Их тонкий аромат стелился ближе к воде и к зеленым берегам. В этот миг ничто не шевелилось, и очарование этого места, казалось, наполняло землю. Но красота тех цветов! Они были совсем неподвижными, но один или два уже начинали закрываться на ночь, скрываясь от темноты. Змея пересекла пруд, подплыла к берегу и поплыла близко-близко к нему. Ее глаза были подобны ярким, черным бусинкам, а ее разветвленный язык играл, словно маленькое пламя, указывая путь, которым нужно змее ползти.

Предположение и воображение — это помеха для истины. Ум, который предполагает, никогда не сможет познать красоту того, что есть. Он пойман в сети его собственных образов и слов. Как бы далеко он ни блуждал в своем воображении, это все еще под тенью его собственной структуры и никогда не может увидеть то, что вне его. Чувствительный ум — это не образный ум. Способность создавать картинку ограничивает ум, такой ум привязан к прошлому, к воспоминанию, которые отупляют его. Только спокойный ум чувствителен. Накопление в любой его форме — это бремя, и как ум может быть свободным, когда он обременен? Только свободный ум чувствителен. Открытое — это неуловимое, непостижимое, неизвестное. Воображение и предположение препятствуют открытости, чувствительности.

Он говорил, что потратил много лет на поиски истины. Побывал в кругу многих учителей, многих гуру, и, находясь все еще в своем паломничестве, остановился здесь, чтобы разузнать кое-что. Бронзовый от солнца и исхудавший из-за своих блужданий, он был отшельником, который отказался от мирского и оставил свою собственную далекую страну. С помощью практики определенных дисциплин он с большим трудом научился концентрироваться и подавил свои потребности. Ученый, с заготовленными цитатами, он был хорош в спорах и быстр в свои умозаключениях. Он научился санскриту, и его резонансные фразы были легки для него. Все это придало некоторую остроту его уму, но ум, который отточили, не гибок, не свободен.

Чтобы понимать, делать открытия, должен ли ум быть свободным с самого начала? Может ли когда-либо ум, который дисциплинирован, подавлен, быть свободным? Свобода — это не финальная цель, она должна быть в самом начале, не так ли? Ум, который дисциплинируется, контролируется, является свободным в пределах его собственного образца, это не свобода. Результат дисциплины — это соответствие, его путь ведет к известному, а известное никогда не является свободным. Дисциплина с ее страхом — это жажда достижения.

«Я начинаю осознавать, что кое-что существенно неправильно во всех этих дисциплинах. Хотя я провел множество лет в попытке сформировать мои мысли по желаемому образцу, я нахожу, что я нисколечко не продвинулся».

Если средства искусственные, то цель получается копией. Средства создают цель, разве не

так? Если уму с самого начала придали нужную форму, в конце он также должен соответствовать условиям, и как обусловленный ум может когда-либо быть свободным? Средства — это цель, они — это не два отдельных процесса. Это заблуждение — считать, что с помощью неправильных средств можно достичь истинного. Когда средства являются подавлением, цель также должна быть продуктом страха.

«У меня неопределенное чувство несоответствия дисциплин, даже когда я занимаюсь ими, так как я все еще делаю это, теперь они все для меня не более, чем неосознанная привычка. С детства мое образование было процессом соответствия, и дисциплина во мне присутствовала почти инстинктивно с тех пор, как я впервые надел эту робу. Большинство книг, которые я читал, и все гуру, у кого я побывал, предписывают контроль в одной или другой форме, и вы представления не имеете, как энергично я принимался за него. Так что то, что вы говорите, кажется почти богохульством, это — настоящее потрясение для меня, но, очевидно, это истина. Так мои годы были потрачены впустую?»

Они были бы потрачены впустую, если бы ваши практики сейчас помешали пониманию, восприимчивости к истине, то есть, если бы эти препятствия не наблюдались с мудростью и не были бы глубоко осознаны. Мы так укреплены в наших собственных фантазиях, что большинство из нас не осмеливается взглянуть на это или за пределы этого. Само побуждение понимать — вот начало свободы. Так в чем же наша проблема?

«Я ищу истину, и я превратил разного рода дисциплины и практики в средства для этой цели. Мой самый глубокий инстинкт торопит меня искать и находить, и мне не интересно что-либо другое».

Давайте начнем с ближайшего, чтобы перейти к далекому. Что вы подразумеваете под поиском? Вы ищете истину? А можно ли ее найти с помощью поиска? Чтобы стремиться к истине, вы должны знать, что она из себя представляет. Поиск подразумевает предвидение, что-то уже прочувствованное или известное, не так ли? Неужели истина — это что-то, что нужно разузнать, приобрести и удержать? Разве указание на нее — не проекция прошлого и, следовательно, не истина вообще, а лишь воспоминание? Поиск представляет собой внешне направленный или внутренний процесс, не так ли? А не должен ли ум умолкнуть для того, чтобы действительности быть? Поиск — это усилие, чтобы получить больше или меньше, это активное или пассивное стяжательство, и пока ум — концентрация, центр усилия, конфликта, может ли он когда-либо быть спокойным? Может ли ум быть спокойным через усилие? Его можно заставить успокоиться через принуждение, но то, что искусственно сделано, может быть разрушено.

«Но разве усилие в некотором роде не существенно?»

Мы увидим. Давайте исследуем суть поиска. Чтобы искать, необходим ищущий, сущность, независимая от того, что он ищет. А есть ли такая независимая сущность? Является ли думающий, переживающий отличным или не зависимым от своих мыслей и опытов? Без исследования этой целостной проблемы медитация не имеет никакого значения. Так что нам надо понять ум, процесс в «я». Каков ум, который ищет, который выбирает, который боится, который отрицает и оправдывает? Что такое мысль?

«Я никогда таким образом не подходил к этой проблеме, и я теперь довольно-таки смущен, но, пожалуйста, продолжайте».

Мысль — это ощущение, не так ли? Через восприятие и контакт возникает ощущение, от этого возникает желание, желание этого, а не того. Желание — это начало отождествления: «мое» и «не мое». Мысль — это ощущение в словах, мысль — отклик памяти, слова, опыта, образа. Мысль преходяща, изменчива, непостоянна, а ищет-то она постоянство. Поэтому мысль создает мыслителя, который затем становится постоянным. Он принимает на себя роль цензора,

руководителя, контролера, формирователя мысли. Такая иллюзорно постоянная сущность — это продукт мысли, преходящего процесса. Эта сущность есть мысль, без мысли его нет. Думающий состоит из качеств, его качества неотделимы от него самого. Контролер есть контролируемое, он просто играет во вводящую в заблуждение игру с самим собой. Пока ложное не осознано как ложное, истины нет.

«Тогда, кто является понимающим, переживающим, сущностью, которая говорит „я понимаю?“»

Пока есть переживающий, помнящий об опыте, истины нет. Истину нельзя запомнить, сохранить, записать и затем выпустить наружу. Что накоплено — не истина. Желание испытать порождает переживающего, который затем сохраняет все и помнит. Желание приводит к отделению думающего от его же мыслей. Желание стать кем-то, испытать, быть большим или быть меньшим приводит к разделению между переживающим и опытом. Понимание сути желания — это самопознание. Самопознание — это начало медитации.

«Как может возникнуть слияние думающего с его мыслями?»

Не через волевое действие, не через дисциплину, не через любую форму усилия, контроля или концентрации, не через любые другие средства. Использование средств подразумевает субъекта, который действует, не так ли? Пока есть действующий, будет существовать разделение. Слияние происходит только тогда, когда ум совершенно спокоен, не пытаясь быть спокойным. Такое спокойствие возникает, не когда думающий умолкает, а только когда сама мысль умолкает. Должна быть свобода от отклика на созданные условия, что является мыслью. Каждая проблема решается только, когда нет идеи, умозаключения. Умозаключение, идея, мысль — это волнение ума. Как может быть понимание, когда ум взволнован? Горячность должна быть умерена быстрой игрой спонтанности. Вы обнаружите, если вы слышали все сказанное, что истина приходит в те моменты, когда вы ее не ожидаете. Если можно так сказать, будьте открыты, чувствительны, полностью осознавайте то, что есть, от мгновения до мгновения. Не стройте вокруг вас стену неприступной мысли. Блаженство истины приходит, когда ум не поглощен собственными действиями и борьбой.

Стремление к власти

Корова мучилась из-за родов, и двое или трое людей, которые регулярно ее доили, кормили и чистили, было сейчас рядом с нею. Она наблюдала за ними, и если, бы кто-то из них ушел по какой-либо причине, она потихоньку замычала бы. В этот критический момент ей хотелось, чтобы все ее друзья были поблизости. Они пришли, и она была довольна, но ей было тяжело разрешаться. На свет появился маленький теленок, и это оказалась красавица-телка. Мать встала и ходила вокруг да около своего нового малыша, мягко подталкивая его время от времени. Она была настолько радостна, что, бывало, отталкивала нас. Так продолжалось с нею в течение долгого времени, пока она наконец-то не утомилась. Мы поднесли малыша, чтобы покормить грудью, но мать была слишком возбуждена. Наконец она успокоилась, и все равно не позволила нам уйти. Одна из леди присела на землю, и новоиспеченная мамаша улеглась и положила свою голову ей на колени. Внезапно она потеряла интерес к своему теленку, и ее друзья значили для нее теперь больше. Было очень холодно, но наконец солнце показалось за холмами, и становилось теплее.

Он был членом правительства и застенчиво осознавал свою важность. Он говорил о своей ответственности перед людьми. Он объяснил, как его партия превосходила другие и могла исполнять гораздо лучше, чем оппозиция, как они пробовали положить конец коррупции и черному рынку, но насколько трудно было найти неподкупных и все же эффективных людей, и насколько легко было посторонним критиковать и обвинять правительство в невыполнении. Он продолжал рассказывать, что когда люди достигают его возраста, им следует относиться к вещам проще, но большинство людей было жадно до власти, даже неэффективные. Глубоко в душе мы все были несчастны и недовольны собой, хотя некоторым из нас удавалось скрыть наше несчастье и нашу жажду власти. Отчего было это побуждение к власти?

Что мы подразумеваем под властью? Каждый индивидуум и группа хочет власти: власти для себя, для партии или идеологии. Партия и идеология — это продление себя. Отшельник ищет власть через отречение, и мать тоже через ее ребенка. Существует власть эффективности с ее жестокостью и властью машины в руках нескольких. Существует доминирование одного индивидуума над другим, эксплуатация глупых умными, власть денег, власть имени и слова и власть ума над проблемой. Все мы хотим некой власти, либо над нами непосредственно, либо над другими. Это стремление к власти приносит своего рода счастье, удовлетворение, которое не слишком преходяще. Власть отречения такая же, как власть богатства. Именно жажда удовлетворения, счастья заставляет нас искать власть. И как легко нас удовлетворить! Легкость достижения некоего вида удовлетворения ослепляет нас. Всякое удовлетворение ослепляет. Почему же мы ищем эту власть?

«Я предполагаю, прежде всего потому, что она дает нам физический комфорт, социальное положение и уважение по признанным каналам».

Разве стремление к власти происходит только на одном уровне нашего бытия? Не ищем ли мы ее внутри также, как снаружи? Почему? Почему мы поклоняемся авторитету, неважно, книга ли это или человек, государство или вера? Почему есть побуждение уцепиться за человека или идею? Однажды мы были под властью священника, которая удерживала нас, а теперь это авторитет эксперта, специалиста. Вы не заметили, как вы обращаетесь к человеку со званием, человеку с положением, исполнителю власти? Власть в некоторой степени, кажется, довлеет над нашими жизнями: власть одного над многими, использование одного другим или взаимное использование.

«Что вы подразумеваете под использованием кого-то?»

Это же совершенно просто, не так ли? Мы используем друг друга ради взаимного удовлетворения. Существующая структура общества, которая является нашими взаимоотношениями друг с другом, основана на потребности и использовании. Вы нуждаетесь в избирательских голосах, чтобы попасть во власть, вы используете людей, чтобы получить то, что вы хотите, а они нуждаются том, что вы обещаете. Женщина нуждается в мужчине, а мужчина в женщине. Наши нынешние отношения основаны на потребности и использовании. Таким отношениям свойственно насилие, и именно поэтому сама основа нашего общества — это насилие. Пока социальная структура основана на взаимной потребности и использовании, она просто вынуждена быть жестокой и разрушительной. Пока я использую другого для моего личного удовлетворения или для удовлетворения идеологии, с которой я отождествлен, может быть только страх, недоверие и противостояние. Тогда взаимоотношения — это процесс самоизоляции и распада. Все это печальные реалии в жизни индивидуума и в мировых делах.

«Но невозможно жить без взаимной нужды!»

Я нуждаюсь в почтальоне, но, если я использую его, чтобы удовлетворить некое внутреннее побуждение, тогда социальная потребность становится психологической потребностью, и наши взаимоотношения претерпевают радикальное изменение. Именно эта психологическая потребность и использование другого приводят к насилию и страданию. Психологическая потребность порождает поиск власти, а власть используется для удовлетворения на различных уровнях нашего бытия. Человек, который амбициозен по отношению к себе или к своей партии, или который хочет достичь идеала, является явно фактором распада в обществе.

«Разве амбиция не неизбежна?»

Она неизбежна только, пока не произошло никакого фундаментального преобразования в индивидууме. Почему мы должны принимать ее как неизбежность? Неужели жестокость человека по отношению к человеку неизбежна? Разве вы не хотите положить ей конец? Разве принятие ее как неизбежности не указывает на чрезвычайную бездумность?

«Если вы не жестоки по отношению к другим, тогда кто-то другой будет жесток по отношению к вам, так что наверху должны быть вы».

Быть наверху — это то, что любой индивидуум, любая группа людей, любая идеология пытается сделать и, таким образом, поддерживает жестокость и насилие. Творчество может возникнуть только в мире, но как может быть мир, если существует взаимное использование? Говорить о мире — полная чушь, пока наши взаимоотношения с одним или со многими основаны на потребности и использовании. Потребность и использование других неизбежно приведут к власти и господству. Власть идеи и власть меча подобны, оба носят разрушительный характер. Идея и вера настраивают человека против человека, так же, как и меч. Идея и вера — это само противопоставление любви.

«Тогда почему мы сознательно или подсознательно охвачены желанием власти?»

Разве преследование власти — это не одно из признанных и уважаемых видов бегств от нас самих, от того, что есть? Каждый пытается убежать от его собственной недостаточности, от его внутренней бедности, от одиночества, от изоляции. Реальное не так приятно, а бегство чарующе и маняще. Представьте, что случилось бы, если вы были бы на грани лишения вашей власти, вашего положения, вашего с трудом заработанного богатства. Вы бы этому сопротивлялись, не так ли? Вы считаете себя существенным для благосостояния общества, поэтому вы бы сопротивлялись с помощью насилия или с помощью рациональной и хитрой аргументации. Если бы вы были способны добровольно отказаться от всех ваших многочисленных приобретений на различных уровнях, вы были бы словно ничто, не так ли?

«Кажется, что да, что очень удручает. Конечно же, я не хочу быть ничем».

Вот поэтому у вас и имеются все эти внешние атрибуты без внутренней основы и

неподкупного внутреннего сокровища. Вам хочется внешне показать себя, и так же поступают другие, и из-за этого конфликта возникают ненависть и страх, насилие и распад. Вы с вашей идеологией столь же недостаточны, как и оппозиция, и поэтому вы уничтожаете друг друга во имя мира, достатка, достаточной занятости населения или во имя бога. Поскольку почти каждый жаждет быть наверху, мы построили общество насилия, конфликта и вражды.

«Но как избавиться от всего этого?»

Надо не быть амбициозным, жадным до власти, до имени, до положения, надо быть тем, каковы вы есть, простым и никем. Пассивное размышление — наивысшая форма интеллекта.

«Но жестокость и насилие мира не могут быть остановлены моим личным усилием. И не требуется ли бесконечное время для того, чтобы все личности изменились?»

Другие — это вы. Данный вопрос возникает из-за желания уклониться от вашего собственного немедленного преобразования, не так ли? В действительности вы говорите: «Что проку от моего изменения, если любой другой не меняется?» Нужно начать с ближнего, чтобы идти дальше. Но вы в самом деле не хотите измениться, вы хотите, чтобы все продолжалось, как есть, особенно если находитесь наверху, и поэтому говорите, что требуется бесконечное время, чтобы преобразовать мир через индивидуальное преобразование. Мир — это вы, вы — это проблема, которая не отделима от вас. Мир — это проекция вас самих. Мир не может быть преобразован.

«Но я в меру счастлив. Конечно, во мне самом много всего, что мне не нравится, но у меня нет времени или склонности исследовать это».

Только счастливый человек может породить новый общественный порядок, но не счастлив тот, кто отождествил себя с идеологией или верой, или кто забылся в какой-либо общественной или индивидуальной деятельности. Счастье — не цель сама по себе. Оно приходит с пониманием того, что есть. Только, когда ум освобожден от его собственных проекций, тогда может быть счастье. Счастье, которое куплено, — это просто удовлетворение, счастье через действие, через власть является только лишь ощущением, поскольку ощущение быстро затухает, возникает, жаждет все большего. Пока «больше» является средством для счастья, цель — это всегда неудовлетворенность, конфликт и несчастье. Счастье — это не воспоминание, а такое состояние, которое возникает вместе с проявлением истины, вечно новое, никогда не имеющее продолжения.

Что оглуляет вас?

У него была незначительная работа, с очень скудным жалованьем. Он пришел со своей женой, которая хотела поговорить об их проблеме. Они оба были весьма молоды, и, хотя они и прожили в браке несколько лет, детей у них не было. Но не это было проблемой. Его зарплаты было достаточно только, чтобы умудриться сводить концы с концами в эти трудные времена, но так как у них не было детей, этого было достаточно, чтобы выжить. Что уготовано в будущем, никто не знал, хотя оно вряд ли было бы хуже, чем настоящее. Он не был склонен к разговору, но его жена указала, что он должен. Она притащила его с собой, казалось, почти насильственно, поскольку он пришел очень неохотно, но вот он здесь, и она была рада. Он не мог непринужденно говорить, сказал он, так как никогда ни с кем не говорил о себе, кроме как с женой. Друзей у него было немного, но даже и им он никогда не открывал своего сердца, оттого что они бы не поняли его. Когда он разговорился, то начал медленно таять, его жена слушала с упоением. Он объяснил, что проблема не была в его работе, она была довольно интересной, и хоть как-то давала им пищу. Они были простыми, скромными людьми, и оба получили образование в одном из университетов.

Наконец, она начала объяснять свою проблему. Она сказала, что вот уже пару лет, как ее муж, казалось, потерял всякий интерес к жизни. Он выполнял свою офисную работу, и это было все. Утром он уходил на работу, а вечером возвращался, и его работодатели не жаловались на него.

«Моя работа — вопрос устоявшейся практики и не требует слишком много внимания. Я заинтересован в том, что делаю, но это так или иначе напряжение. Моя проблема не из-за офиса или людей, с которыми я работаю, она во мне самом. Как сказала моя жена, я потерял интерес к жизни, и совсем не понимаю, что со мной».

«Он был всегда увлечен, чувствителен и очень нежен, но в течение прошлого года или больше стал уныл и безразличен ко всему. Он всегда относился ко мне с любовью, но теперь жизнь стала очень грустной для нас обоих. Ему, кажется, все равно, здесь ли я или нет, и это стало страданием жить в одном доме. Он не злобен или что-то в этом роде, а просто стал безразличным и совершенно равнодушным».

Не потому ли это, что у вас нет детей?

«Не из-за этого, — сказал он, — наши взаимоотношения в физическом плане более или менее все в порядке. Ни один брак не совершенен, и у нас есть свои взлеты и падения, но я не думаю, что унылость — результат сексуальной дисгармонии. Хотя моя жена и я не жили вместе сексуально в течение некоторого времени из-за моей унылости, я не думаю, что отсутствие детей было причиной этому».

Почему вы это рассказываете?

«Прежде, чем унылость нашла на меня, жена и я поняли, что не можем иметь детей. Это никогда не беспокоило меня, хотя она часто плачет по этому поводу. Она хочет детей, но очевидно, один из нас неспособен дать потомство. Я предложил несколько способов, которые могли бы сделать возможным для нее иметь ребенка, но она не стала пробовать ни один из них. Она будет иметь ребенка от меня или вообще не будет, и поэтому очень сильно расстроена. В конце концов, ведь без плодов дерево просто декоративно. Мы оставались в ожидании, говоря обо всем этом, но это так. Я понимаю, что нельзя в жизни иметь все, и вовсе не отсутствие детей привнесло унылость, по крайней мере, я совершенно уверен, что не оно».

Это не из-за грусти вашей жены ли, не из-за ее расстроенных чувств?

«Понимаете, сэр, мой муж и я полностью обговорили этот вопрос. Я больше чем грущу из-

за отсутствия детей, но я молю бога, чтобы однажды я смогла иметь их. Мой муж, конечно, хочет, чтобы я была счастлива, но его унылость не из-за моей печали. Если бы у нас сейчас появился ребенок, я была бы в высшей степени счастлива, но для него это было бы просто безумие, и я предполагаю, что так с большинством мужчин. Эта унылость охватывала его в течение прошлых двух лет, как какая-то внутренняя болезнь. Раньше он говорил со мной обо всем, о птицах, о своей работе в офисе, о своих амбициях, о своем отношении и любви ко мне, раньше он открывал мне свое сердце. Но теперь его сердце закрыто, а его ум — где-то далеко. Я говорила с ним, но это не дало результата».

Вы жили отдельно друг от друга какое-то время, чтобы увидеть, сработает ли это?

«Да. Я уходила к своей семье приблизительно на шесть месяцев, и мы переписывались друг с другом. Но раздельное проживание не принесло никаких изменений. Что бы мы ни делали — все вело к ухудшению. Он сам себе готовил еду, очень редко выходил на улицу, держался подальше от своих друзей и все больше и больше уходил в себя. В любом случае, он никогда не был слишком общителен. Даже после этого разезда в нем не зажглось искорки оживления».

Считаете ли вы, что унылость — прикрытие, напускной вид, бегство от некой неисполненной внутренней тоски?

«Боюсь, что не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

Возможно, у вас есть страстная тоска по чему-нибудь, которая нуждается в исполнении, и поскольку она не находит никакого выхода, возможно, вы убегаете от боли из-за нее через уныние.

«Я никогда о таком не думал, прежде мне и в голову не приходило такое. Как мне выяснить это?»

Почему вам раньше это не пришло в голову? Вы когда-либо спрашивали себя, почему вы стали унывать? Разве вам не хочется узнать?

«Удивительно, но я никогда не спрашивал себя, в чем причина этого глупого уныния. Я никогда не ставил перед собой этот вопрос».

Теперь, когда вы задаете себе этот вопрос, каков ваш ответ?

«Кажется, нет никакого ответа. Но я действительно потрясен, каким унылым я стал. Я не был таким никогда. Я потрясен из-за моего собственного состояния».

В конце концов, хорошо знать, в каком состоянии каждый находится. По крайней мере это уже начало. Вы никогда прежде не спрашивали себя, почему вы унылы, апатичны, вы просто принимали это и так продолжалось дальше, не так ли? Хотите ли вы обнаружить то, что сделало вас таким, или вы смирились с вашим теперешним состоянием?

«Боюсь, что он просто покорился ему без всякого сопротивления».

Вы хотите преодолеть это состояние, верно? Вы хотите поговорить в отсутствие вашей жены?

«О, нет. Нет ничего такого, что я не могу сказать в ее присутствии, я знаю, что такое — недостаток или избыток сексуальных взаимоотношений, от чего возникло это состояние, нет никакой другой женщины. Я не смог бы пойти к другой женщине. И это не отсутствие детей».

Рисуете ли вы или пишете?

«Я всегда хотел писать, но я никогда не рисовал. Во время прогулок мне раньше приходили в голову некоторые идеи, но сейчас даже это прошло».

Почему бы вам не попробовать записать что-нибудь на бумаге? Не имеет значения, насколько это глупо, вам не надо показывать это кому бы то ни было. Почему бы вам не попробовать написать кое-что? Но вернемся. Хотите ли вы выяснить, что же вызвало уныние, или же хотите оставить все, как есть?

«Я хотел бы удалиться куда-нибудь один, отказаться от всего и найти счастье».

Разве это то, что вы хотите сделать? Тогда почему бы вам не поступить именно так? Вы колеблетесь из-за вашей жены?

«Я не нужен такой моей жене, я просто доходяга».

Вы считаете, что найдете счастье, удалившись от жизни, изолировав себя? Разве вы сейчас недостаточно изолировали себя? Отказаться, чтобы найти, — вовсе никакой не отказ, а всего лишь хитрая сделка, обмен, продуманный ход, чтобы получить что-то. Вы отказываетесь от одного, чтобы получить другое. Отречение с целью впереди — это только лишь уступка, чтобы далее извлечь пользу. Но сможете вы иметь счастье через изоляцию, через разобщение? Разве жизнь — это не общение, контакт, общность? Вы можете отойти от одного вида общения, чтобы найти счастье в другом, но полностью вы не сможете отойти от всякого контакта. Даже в полной изоляции вы находитесь в контакте с вашими мыслями, с самим собой. Самоубийство — вот полнейшая изоляция.

«Конечно же, я не хочу совершать самоубийство. Я хочу жить, но я не хочу продолжать все, как есть».

Вы уверены, что не хотите, чтобы все продолжалось, как есть? Вы понимаете, что явно есть что-то, что делает вас унылым, и вы хотите убежать от этого с помощью дальнейшей изоляции. Убегать от того, что есть, означает изолировать себя. Вы хотите изолировать себя, возможно, временно, надеясь на счастье. Но вы уже изолировали себя и почти полностью. Еще большая изоляция, которую вы вызываете отречением, является только еще большим уходом от жизни. И можете ли вы иметь счастье через все более и более глубокую самоизоляцию? В природе «я» заложено изолировать себя, само его качество — это исключительность. Быть исключительным означает отказываться, чтобы извлекать пользу. Чем больше вы уходите от общения, тем больше конфликта, сопротивления. Ничто не может существовать в изоляции. Какими бы болезненными ни были отношения, их необходимо терпеливо и полностью понимать. Конфликт приводит к унынию. Стремление стать кем-то только приносит проблемы, сознательно ли это или подсознательно. Вы не можете быть унылым без всякой на то причины, поскольку, как вы говорите, вы были когда-то бодры и энергичны. Вы не всегда были унылы. Что вызвало эту перемену?

«Вы, кажется, знаете, и так, пожалуйста, скажите ему».

Я мог бы, но что хорошего это даст? Он либо примет, либо отклонит это в зависимости от его настроения и пожелания. Но разве не важно, чтобы он сам выяснил? Разве не существенно для него раскрыть целостный процесс и увидеть его суть? Суть — это то, что нельзя сказать другому. Он должен быть способен уловить ее, и никто не сможет приготовить ее для него. Это не безразличие с моей стороны, просто он должен столкнуться с ней открыто, свободно и неожиданно.

Что делает вас унылым? Разве вы не должны узнать это сами? Конфликт, сопротивление приводят к унынию. Мы думаем, что с помощью борьбы обречем понимание, соперничество сделает нас смысленными. Борьба конечно, придает остроту, но то, что остро, вскоре становится тупым, то, что постоянно используют, вскоре изнашивается. Мы принимаем конфликт как неизбежное и строим нашу систему из мыслей и действий на основе этой неизбежности. Но разве конфликт неизбежен? Неужели нет иного способа проживания? Есть, если мы сможем понять этот процесс и значение конфликта.

И снова, почему вы сделали себя унылым?

«Разве я сделал себя унылым?»

Может ли что-нибудь сделать вас унылыми, если вы не желаете быть унылым? Эта готовность может быть сознательной или скрытой. Почему вы разрешили себе, чтобы вас

сделали унылым? Есть ли в вас глубоко укоренившееся противоречие?

«Если есть, то я совсем не осознаю этого».

Но неужели вам не хочется знать? Разве вы не хотите понять это?

«Я начинаю понимать, к чему вы клоните, — вставила она, — но я не могу сказать мужу о причине его унылости, потому что я сама не совсем уверена в ней».

Вы можете или не может видеть путь, которым эта унылость пришла к нему, но действительно ли вы помогли бы ему, если бы указали на него на словах? Не важно ли, чтобы он обнаружил это сам? Пожалуйста, поймите важность всего этого, и тогда вы не будете так нетерпеливы или взволнованы. Можно помочь кому-то, но он один должен совершить путешествие в открытие. Жизнь не легка, она очень сложна, но нам нужно обращаться с ней просто. Мы — вот проблема, проблема — это не то, что мы называем жизнью. Мы можем понять проблему, которая является нами самими, только если мы знаем, как обращаться с ней. Важен подход, а не проблема.

«Но что же нам делать?»

Вы, должно быть, слышали все, что было сказано, если да, то вы поймете, что только истина дает свободу. Пожалуйста, не волнуйтесь, а позвольте семенам пустить корни. После нескольких недель они оба возвратились. В их глазах была надежда, а на их губах улыбки.

Тишину нельзя искусственно создать, ее нельзя вызвать преднамеренно. Ее нельзя искать, думать о ней или медитировать. Искусственно созданная тишина подобна наслаждению от некоего очень желанного удовольствия. Желание заставить ум молчать — это всего лишь преследование ощущения. Такое молчание — всего лишь форма сопротивления, изоляция, которая ведет к распаду. Молчание, которое куплено, — это предмет торга, в котором присутствует шум деятельности. Молчание приходит с отсутствием желания. Желание скоротечно, хитро и глубоко. Воспоминание мешают размаху тишины, а ум, которой в ловушке опыта, не может быть молчаливым. Время, движение вчера, плавно переходящее в сегодня и завтра, — это не тишина. С прекращением этого движения появляется тишина, и лишь только тогда то, что является безымянным, возникает.

«Я пришел, чтобы поговорить с вами о карме. Конечно, у меня есть определенное мнение о ней, но мне хотелось бы знать ваше».

Мнение — это не истина, необходимо отложить мнения в сторону, чтобы найти истину. Существует неисчислимое количество мнений, но истина не принадлежит той или иной группе людей. Для понимания истины все идеи, заключения, мнения должны быть отброшены, как увядшие листья опадают с дерева. Истину нельзя найти в книгах, в знаниях, в опыте. Если вы ищете чужое мнение, здесь вы ничего не найдете.

«Но мы можем поговорить о карме и попробовать понять ее значение, не так ли?»

Это, конечно, совсем другой вопрос. Чтобы понимать, выводы и умозаключения должны прекратиться.

«Почему вы настаиваете на этом?»

Вы можете понять что-нибудь, если вы уже сделали ваш вывод относительно этого или если вы повторяете умозаключения другого? Чтобы найти суть этого вопроса, не надо ли нам взяться за него с чистого листа, с умом, который не омрачен предубеждениями, или размышлять над некой абстракцией? Разве не более важно найти истину, чем ссориться по поводу нее, не правда ли? Мнение относительно того, что есть истина, — это не истина. Не важно ли обнаружить истину относительно кармы? Увидеть ложное как ложное означает начать понимать это, не так ли? Как можем мы понять истинное или ложное, если наши умы защищаются с помощью традиции, слов и объяснений? Если ум привязан к вере, как может он идти далеко? Чтобы путешествовать далеко, ум должен быть свободен. Свобода — это не что-то, что можно заполучить в конце длительного старания, она должна быть в самом начале путешествия.

«Я хочу выяснить, что означает карма для вас».

Сэр, давайте вместе отправимся в путешествие за открытием. Просто повторять слова другого не имеет никакого глубокого значения. Это подобно игре пластинки в граммофоне. Повторение или уподобление не приносит свободу. Что вы подразумеваете под кармой?

«Это слово из санскрита, означающее „делать, быть, действовать“ и так далее. Карма — это действие, а действие — это результат прошлого. Действие не может быть без отпечатка исходных условий. Через ряд опытов, через возникающие условия и знания возникает отпечаток традиции, не только в течение существующей жизни индивидуума и группы людей, но во всех многочисленных воплощениях. Постоянное действие и взаимодействие между нашим происхождением и воспитанием, которое является „я“, и обществом, жизнью является кармой, и карма ставит в зависимость ум, „я“. Что я сделал в моей прошлой жизни или только вчера удерживает и формирует меня, принося боль или удовольствие в настоящем. Существует групповая или коллективная судьба, также как и индивидуальная. И группа, и индивидуум

удерживаются в цепочке причины и следствия. Послужит горе или радость, наказание или награда, в зависимости от того, что я сделал в прошлом».

Вы утверждаете, что действие — это результат прошлого. Такое действие — не действие вообще, а всего лишь реакция, не так ли? Окружающие условия, происхождение и воспитание реагируют на стимулы, эта реакция есть отклик памяти, что есть не действие, а карма. Пока нас не интересует, что такое действие. Карма — это реакция, которая возникает благодаря определенным причинам и приводит к определенным результатам. Карма — это цепочка причины и следствия. По существу, временной процесс — это карма, не так ли? Пока существует прошлое, должно быть настоящее и будущее. «Сегодня» и «завтра» — это следствия «вчера», «вчера» в соединении с «сегодня» творит «завтра». Карма, как понимается вообще, является процессом возмездия.

«Как вы говорите, карма — это временной процесс, а ум есть результат времени. Только немногие счастливики могут избежать тисков времени, остальная часть нас зависит от времени. То, что мы сделали в прошлом, добро или зло, определяет то, кем мы являемся в настоящем».

Является ли накопленный опыт, прошлое статическим состоянием? Разве оно не претерпевает постоянное видоизменение? Вы не тот же самый сегодня, каким вы были вчера, и физиологически, и в психологическом отношении продолжается постоянное изменение, так ведь?

«Конечно».

Так что ум — это не фиксированное состояние. Наши мысли преходящи, постоянно изменчивы, они — отклик происхождения и воспитания. Если я вырос в определенном классе общества, в определенной культуре, то буду отвечать на брошенный вызов жизни, на стимулы согласно окружающим условиям. В большинстве из нас эти условия сидят настолько глубоко, что отклик происходит почти всегда согласно образцу. Наши мысли — отклик нашего происхождения и воспитания. Мы и есть наше происхождение и воспитание. Эти определяющие условия не отделены или отличаются от нас, с изменением нашего происхождения и воспитания наши мысли также изменяются.

«Но естественно думающий полностью отличается от происхождения и воспитания, не так ли?»

Разве? Не является ли думающий результатом своих мыслей? Не состоит ли он из своих мыслей? Существует ли отдельная сущность, думающий, без его мыслей? Разве не мысль создала думающего, наделив его постоянством на фоне непостоянства мыслей? Думающий — это убежище мысли, и думающий ставит себя на иной уровень постоянства.

«Понимаю, что это так, но это для меня настоящий шок, — узнать, как мысль сама себя обманывает».

Мысль — это отклик происхождения и воспитания, памяти. Память — это знание, результат опыта. Через дальнейший опыт и отклик память становится более жесткой, большей, более изощренной, более эффективной. Одна форма созданных условий может быть заменена другой, но это все еще условности. Отклик этих условностей есть карма, не так ли? Отклик памяти называется действием, но всего-навсего реакция, такое «действие» вызывает последующую реакцию, и так возникает цепочка так называемой причины и следствия. Но не является ли причина одновременно и следствием? Ни причина, ни следствие не статичны. «Сегодня» — результат «вчера» и «сегодня» — причина «завтра», то, что было причиной, становится следствием, а следствие причиной. Одно перетекает в другое. Не существует момента, когда причина не является также и следствием. Только обособленное зафиксировано в его причине и также в его следствии. Желудь не может стать ничем, кроме дуба. В

обособленности есть смерть, но человек — не обособленная сущность, он может быть тем, кем пожелает. Он может прорваться через его общественные условия, и он обязательно прорвется, если бы он обнаружил реальное. Вы должны прекратить быть так называемым брамином, чтобы понять бога. Карма — это временной процесс, прошлое, перемещающееся через настоящее к будущему, такая цепочка — это путь мысли. Мысль есть результат времени, а то, что является неизмеримым, бесконечным, может возникнуть только, когда процесс мысли прекращается. Спокойствие ума не может быть вынужденным, его нельзя развить с помощью какой-либо практики или дисциплины. Если ум заставили замолчать, тогда что бы в него ни вошло, — это только самопроекция, отклик памяти. С пониманием создания им условий, без преднамеренного осознания таких его откликов как мысль и чувства приходит спокойствие ума. Такое разрушение цепочки кармы не вопрос времени, поскольку через время не приходит бесконечное.

Карму нужно понять как целостный процесс, не только лишь как что-то из прошлого. Прошлое — это время, которое является также настоящим и будущим. Время — это память, слово, идея. Когда нет слова, имени, ассоциации, опыта, тогда только ум молчит, не просто на поверхностных уровнях, а полностью, целиком.

Индивидуум и идеал

«Наша жизнь здесь, в Индии, так или иначе развалена на части, мы хотим снова что-то сделать с ней, но мы не знаем, с чего начать. Я понимаю важность массового действия, а также его опасность. Я преследовал идеал отказа от насилия, но кровопролитие и нищета всегда существовали. С начала отделения у этой страны руки были в крови, и теперь мы создаем вооруженные силы. Мы говорим об отказе от насилия и все же готовимся к войне. Я также в растерянности, как и политические лидеры. В тюрьме я имел обыкновение много читать, но это не помогло мне прояснить собственную точку зрения.

Можем ли мы взяться за что-то одно и как-то исследовать это? Для начала вы делаете большой акцент на индивидууме, но разве коллективное действие не необходимо?»

Индивидуум, по существу, коллективен, а общество — создание индивидуума. Индивидуум и общество находятся во взаимосвязи, не так ли? Они неотделимы. Индивидуум строит общественную структуру, а общество или окружающая среда формирует индивидуума. Хотя окружающая среда создает условия для индивидуума, он может всегда освободить себя, покончить с его воспитанием и образованием. Индивидуум — творец самой окружающей среды, рабом которой он становится. Но у него также есть сила покончить с ней и создать окружающую среду, которая будет не отуплять его ум и дух. Индивидуум важен только в том смысле, что он обладает способностью самостоятельно освободиться от созданных им условий и понять действительность. Индивидуальность, которая является просто безжалостной при создании ею же условий, строит общество, основы которого базируются на насилии и антагонизме. Индивидуум существует только во взаимоотношениях, иначе его нет, и именно нехватка понимания этих взаимоотношений порождает конфликт и беспорядок. Если индивидуум не понимает своего отношения к людям, к собственности, к идеям или верованиям, то просто навязать ему коллективную или любую другую модель общества — только разрушить цель этой модели. Попытка навязывания новой модели потребует так называемого массового действия, но новая модель — это изобретение нескольких индивидуумов, и массы загипнотизированы самыми последними лозунгами, обещаниями новой утопии. Массы-то те же самые, как и прежде, только теперь они имеют новых правителей, новые высказывания, новых священников, новые доктрины. Они состоят из вас и меня, они состоят из индивидуумов. Массы — это фикция, удобный термин для эксплуататора и политика, чтобы манипулировать ими. Большинство подталкиваются к действиям, к войне и тому подобному меньшинством, а меньшинство представляет интересы и убеждения большинства. Именно преобразование индивидуума — вот что имеет самую высокую степень важности, но не в условиях любой модели общества. Модели всегда создают условия, а обусловленный субъект вечно в противоречии как внутри себя, так и с обществом. Сравнительно легко заменить старую модель общественных условий на новую, но совсем другой вопрос, как индивидууму освободиться от его условий.

«Это потребует тщательного и детального размышления, но, кажется, я начинаю это понимать. Вы делаете акцент на индивидууме, но не как на отдельной и противостоящей силе в пределах общества.

Теперь второй пункт. Я всегда работал ради идеала, и я не понимаю вашего отрицания его. Не против ли вы вникнуть в эту проблему?»

Наша существующая мораль основана на прошлом или будущем, на традиции или на том, что должно быть. То, что должно быть, — это идеал в противостоянии тому, что было, будущее в конфликте с прошлым. Отказ от насилия — идеал, что должно быть, а то, что было, — насилие.

То, что было, проецирует то, что должно быть, идеал — это самоделка, это проекция его собственной противоположности, фактического. Противопоставление — это расширение утверждения, противоположность содержит элемент ее собственной противоположности. Являющийся жестоким ум проецирует его противоположность: идеал отказа от насилия. Говорят, что идеал помогает преодолевать его собственную противоположность, но так ли это? Разве идеал — не уклонение, не бегство от того, что было, или от того, что есть? Конфликт между фактическим и идеалом — это явно средство для отсрочки понимания фактического, и такой конфликт только приводит к другой проблеме, которая помогает прикрывать существующую проблему. Идеал — изумительное и общепризнанное бегство от фактического. Идеал отказа от насилия, подобно коллективной утопии, является фиктивным, идеал, то, что должно быть, помогает нам укрываться и избегать того, что есть. Преследование идеала — это поиск награды. Вы можете избегать мирской награды, как глупой и варварской, какими они и являются, но ваше преследование идеала — это поиск награды на ином уровне, который является также глупым. Идеал — возмещение, выдуманное состояние, которое было вызвано умом. Являющийся жестоким, разделяющим и все делающим для себя ум проецирует удовлетворяющее возмещение, фикцию, которую он называет идеалом, утопией, будущим, и безуспешно преследует ее. Само это преследование есть конфликт, но к тому же это приятная отсрочка фактического. Идеал, то, что должно быть, не помогает в понимании того, что есть, напротив, он предотвращает понимание.

«Вы хотите сказать, что наши лидеры и учителя ошибались, защищая и поддерживая идеалы?»

А вы что думаете?

«Если я правильно понимаю то, что вы говорите...»

Пожалуйста, дело не в понимании, что сказал другой, а в выяснении, что является истинным. Истина — это не мнение, истина не зависит от какого-либо лидера или учителя. Оценка мнений только мешает восприятию истины. Либо идеал — это выдуманная фикция, которая содержит в себе ее собственную противоположность, либо ее нет. К ней нет двух подходов. Это не зависит от учителя, вы должны почувствовать суть этого сами.

«Если идеал — фикция, это делает переворот во всем моем мышлении. Вы хотите сказать, что наше стремление к идеалу совершенно бесполезно?»

Это тщетная борьба, удовлетворяющий самообман, разве не так?

«Все это очень тревожит, но я вынужден признать, что это так. Мы принимали так много всего как должное, что мы никогда не позволяли себе близко рассмотреть, что же находится в нашей руке. Мы обманывали себя, и то, на что вы указываете, полностью расстраивает структуру моей мысли и действия. Это будет переворотом в образовании, во всем нашем образе жизни и работы. Я думаю, что я понимаю значение ума, который является свободным от идеала, от того, что должно быть. Для такого ума действие имеет совершенно другое значение, чем то, которое мы ему сейчас придаем. Возмещающее действие — это не действие вообще, а лишь реакция, и мы хвастаемся действиями!.. Но без идеала как же иметь дело с фактическим или с тем, что было?»

Понимание фактического возможно только, когда идеал, то, что должно быть, стерто из ума, то есть, только когда ложное понимается как ложное. То, что должно быть, является также и тем, что не должно быть. Пока ум приближается к фактическому либо с положительным, либо с отрицательным возмещением, не может быть никакого понимания фактического. Чтобы понять фактическое, вам нужно быть с ним в прямой общности, ваши взаимоотношения с ним не могут быть сквозь призму идеала или сквозь призму прошлого, традиции, опыта. Избавиться от неправильного подхода — вот единственная проблема. Это означает на самом деле

понимание созданных вами условий, что является умом. Проблема в самом уме, а не в проблемах, которые он порождает, решение проблем, порождаемых умом, — это просто смирение со следствием, а это только ведет к последующему замешательству и иллюзии.

«Как же понять ум?»

Путь ума — это путь жизни, не идеальной жизни, а фактической жизни с печалью и радостями, обманом и ясностью, тщеславием и смирением. Понимать ум — означает осознать желание и страх.

«Подождите, это слишком много для меня. Как мне понять собственный ум?»

Чтобы познать ум, не должны ли вы осознать его действия? Ум — всего лишь опыт, не только немедленный, но также и накопленный. Ум — это прошлое, отвечающее настоящему, которое приводит к будущему. Нужно понять целостный процесс мышления.

«Откуда мне начать?»

С единственного начала: взаимоотношений. Взаимоотношения — это жизнь, быть — означает быть взаимосвязанным. Только в зеркале взаимоотношений ум будет понятен, и вы должны начать наблюдать себя в том зеркале.

«Вы имеете в виду, в моих взаимоотношениях с женой, с соседом и так далее? Разве это не очень ограниченная процедура?»

Что может показаться маленьким, ограниченным, если верно приблизиться, оказывается бездонным. Это подобно трубе — узкое открывает мир в широкое. Когда наблюдается с пассивной настороженностью, ограниченное показывает безграничное. В конце концов, у своего истока река маленькая, едва заметная.

«Итак, я должен начать с себя и моих нынешних взаимоотношений».

Конечно. Взаимоотношения никогда не бывают ограниченными или незначительными. С одним или со многими, взаимоотношения — это сложный процесс, и вы можете подходить к ним ограниченно или же свободно и открыто. И вновь, подход зависит от состояния ума. Если вы не начинаете непосредственно с вас самих, откуда еще вам начать? Даже если вы начинаете с некой периферийной деятельности, вы находитесь во взаимоотношениях с ней, ум — это их центр. Начинаете ли вы с близкого или далекого, вы-то здесь. Без понимания себя, что бы вы ни делали, это неизбежно приведет к замешательству и печали. Начало — это окончание.

«Я блуждал где-то далеко, много повидал и сделал, я страдал и смеялся подобно многим другим, и все же я должен возвратиться к самому себе. Я как тот саньясин, который направился на поиски истины. Он потратил много лет, переходя от одного учителя к другому, и каждый указывал разный путь. В конце концов он вернулся домой и нашел в его собственном доме сокровища! Я осознаю всю нашу глупость, когда мы колесим по всей вселенной ради той благодати, которую можно найти только в наших собственных сердцах, когда ум очищен от его собственной деятельности. Вы совершенно правы. Я начинаю с того, от чего я ушел. Я начинаю с того, что есть я сам».

Быть открытым миру — означает жить, удалиться от мира — означает умереть

Ураган уничтожил зерновые культуры, и морская вода разлилась по земле. Поезд медленно шел, а с обеих сторон железнодорожной линии были поваленные деревья, дома без крыш и полностью опустошенные поля. Шторм принес огромный ущерб, на мили вокруг погибло все живое, и бесплодная земля была открыта небу.

Мы никогда не бываем одни, мы окружены людьми и нашими собственными мыслями. Даже, когда люди отдалены, мы видим вещи сквозь призму наших мыслей. Не бывает такого момента или он очень редок, когда мысли нет. Мы не знаем, что означает быть с самим собой,

быть свободным от всяких ассоциаций, от всякого продолжения, слова и образа. Мы одиноки, но мы не знаем, что значит быть наедине с собой. Боль одиночества заполняет наши сердца, и ум прикрывает ее страхом. Одиночество, та глубокая изоляция, является черной тенью нашей жизни. Мы делаем все, что можем, чтобы убежать от него, мы пускаемся в любые варианты бегства от этого, которые знаем, но оно преследует нас, и мы без него не бываем. Изоляция — это способ нашей жизни, мы редко соединяемся в целое с другим, поскольку внутри нас мы надломлены, терзаемы и не излечены. Внутри нас мы не являемся целым, полным, а соединение с другим возможно только тогда, когда существует объединение внутри себя. Мы боимся одиночества, так как оно приоткрывает дверь к нашей недостаточности, скудности нашего собственного бытия, но именно уединение излечивает углубляющуюся рану одиночества. Пройтись в одиночестве, без препятствий в виде мыслей, в виде следов наших желаний означает выйти за пределы досягаемости ума. Именно ум изолирует, отделяет и разрывает общность. Ум нельзя сделать целостным, он не может сам себя сделать полноценным, поскольку это самое усилие есть процесс изоляции, это часть одиночества, которое ничто не может скрыть. Ум — это результат многих процессов, и то, что собрано воедино, никогда не сможет быть одиноким. Уединение — это не результат мысли. Только когда мысль молчит, происходит плавное перемещение уединенного к уединенному.

Дом был довольно-таки далеко от дороги, и в саду было изобилие цветов. Это было прохладное утро, и небо было ярко-голубым. Утреннее солнце было приятным, и в затененном, затонувшем в глубине саду шум движения, крики торговцев и топот лошадей по дороге — все это казалось очень отдаленным. В сад забрела коза, шевеля своим коротким хвостом, она стала жевать цветы, пока садовник не пришел и не прогнал ее.

Она говорила, что чувствовала себя очень тревожно, но ей не хотелось быть тревожной, она хотела избежать болезненного состояния неуверенности. Почему она так опасалась того, что ей тревожно? Что вы подразумеваете под тем, что вам тревожно? И почему вы этого опасаетесь?

«Я хочу быть спокойной, остаться наедине с собой. Даже с вами я чувствую себя тревожено. Хотя видела вас только два или три раза, страх быть потревоженной вами очень сильно овладевает мной. Я хочу выяснить, почему во мне есть этот страх быть внутри себя неуверенной. Я хочу быть спокойной и в мире с самой собой, но меня всегда тревожит то или иное. До настоящего момента мне удавалось жить более или менее в мире с собой, но один друг привел меня на одну из ваших бесед, и теперь я странно расстроена. Я думала, что вы укрепите меня в моем спокойствии, но вместо этого вы почти его разрушили. Я не хотела приходить сюда, потому что знала, что буду выглядеть как дура, но тем не менее, я здесь».

Почему вы так настойчивы в том, что должны находиться в покое? Почему вы делаете из этого проблему? Само требование быть в покое — это конфликт, не так ли? Если позволите спросить, что является тем, что вы хотите? Если вы хотите быть в уединении, безмятежной и спокойной, то зачем позволять себе быть потревоженной? Вполне осуществимо закрыть все двери и окна собственного бытия, изолировать себя и жить в уединении. Именно этого хотят большинство людей. Некоторые преднамеренно культивируют изоляцию, а другие из-за их желаний и действий, как скрытых, так и явных, вызывают такое отлучение себя. Искренние становятся убежденными в правоте своих идеалов и достоинств, которые являются всего лишь защитой; и те, кто беспечен, дрейфуют к изоляции через экономическое давление и социальные влияния. Большинство из нас стремится построить стены вокруг себя, чтобы быть неуязвимым, но, к сожалению, всегда существует щель, через которую вползает жизнь.

«Вообще мне удалось отразить большинство тревог, но в течение прошлой недели или двух из-за вас мне было тревожно более, чем когда-либо. Пожалуйста, скажите мне, почему мне тревожно. Какова причина этого?»

Почему вы хотите знать причину? Понятно, что, узнав ее, вы надеетесь уничтожить следствие. На самом деле вы не хотите узнать, почему вам тревожно, не так ли? Вы только хотите избежать тревоги.

«Я только лишь хочу остаться наедине с собой, в безмятежности и в покое, но почему я постоянно тревожусь?»

Вы защитили себя, всю вашу жизнь, верно? В чем вы действительно заинтересованы, так это в выяснении, как заделать все щели, а не в том, как жить без страха, без зависимости. Из всего, что вы сказали и недосказали ясно, что вы пытались сделать вашу жизнь безопасной в отношении к любому виду внутренней тревоги, вы уклонились от любых взаимоотношений, которые могли бы причинить боль. Вы сумели довольно хорошо оградить себя от всякого удара, жить за закрытыми дверями и окнами. Некоторые успешно это совершали, и, если достаточно далеко продвинуться, окончательная цель этого — больница, а третьи делают себя богатыми вещами или знаниями, которые являются для них гарантией. Большинство людей, включая так называемых религиозных, желает устойчивого состояния покоя, состояния, в котором всякому конфликту пришел бы конец. Тогда появляются те, кто поощряет конфликт как единственное реальное выражение жизни, и конфликт — это их щит против жизни.

Может ли в вас когда-либо воцариться мир, когда стремитесь к защите позади стен ваших страхов и надежд? Всю вашу жизнь вы скрывались от мира, потому что вы хотите чувствовать себя в безопасности за пределами стен ограниченных взаимоотношений, над которыми вы может дозветь. Не в этом ли ваша проблема? Так как вы зависите, то хотите обладать тем, от чего вы зависите. Вы боитесь и поэтому избегаете любых отношений, над которыми вы не властны. Не так ли это?

«Это довольно-таки жестоко, выставлять проблему именно так, но, возможно, это так и есть».

Если бы вы могли влиять на причину существующей теперь в вас тревоги, вы были бы обеспокоены? Все мы хотим владеть ситуацией, когда мы не понимаем; мы хотим обладать или быть обладаемыми, когда страх присутствует в нас самих. Неуверенность в нас самих приводит к чувству превосходства, исключительности и изоляции.

Могу я спросить, чего вы боитесь? Вы боитесь быть одной, того, что о вас забудут, что будете неуверенны?

«Понимаете, всю свою жизнь я жила для других, или я так думала. Я поддерживала идеал, и меня хвалили за мою эффективность в выполнении некоего вида работы, которая считается хорошей. Я жила жизнью самоотречения, без уверенности, без детей, без дома. Мои сестры удачно вышли замуж и социально значимы, и мои старшие братья на высоких правительственных должностях. Когда я навещаю их, я чувствую, что я потратила свою жизнь впустую. Я стала ожесточенной, и я глубоко сожалею, что у меня нет всего этого. Я теперь ненавижу работу, которую я делала, она больше не приносит мне никакого счастья, и я отказалась от нее в пользу других. Я внезапно отвернулась от всего этого. Как вы заметили, я стала жесткой в моей самозащите. Я возложила все свои надежды на младшего брата, который несостоятелен и который считает себя ищущим бога. Я пробовала обезопасить себя внутри, но это была долгая и болезненная борьба. Именно младший брат привел меня на одну из ваших бесед, и дом, который я так тщательно строила, начал обрушиваться. Я желала бы никогда не приходить и не слышать вас, но я не могу построить его заново, я не могу пройти через все это страдание и беспокойство снова. Вы понятия не имеете, каково мне было видеть моих братьев и сестер с положением, престижем и деньгами. Но я не пойду во все это. Я отрезала себя от них и вижу их редко. Как вы говорите, я постепенно закрывала дверь от всех взаимоотношений, кроме одного или двух, но случилось несчастье — вы приехали в этот город, и теперь все снова

нараспашку, все старые раны ожили, и я глубоко несчастна. Что же мне делать?»

Чем больше мы защищаемся, тем больше нас атакуют, чем больше мы стремимся к безопасности, тем меньше ее получаем. Чем больше мы хотим мира, тем больше наш конфликт, чем больше мы просим, тем меньше мы имеем. Вы попробовали сделать себя неуязвимой, не подверженной ударам, вы сделали свой внутренний мир недоступным, кроме как для одного или двух человек, и закрыли все двери к жизни. Это медленное самоубийство. Теперь же, почему вы все это сделали? Вы когда-либо задавали себе этот вопрос? Разве вам не хочется знать? Вы пришли, чтобы либо найти способ закрыть все двери, или обнаружить, как быть открытой, чувствительной к жизни. Чего же вы хотите, не как выбор, а как естественное, спонтанное?

«Конечно я вижу теперь, что действительно невозможно закрыть все двери, поскольку всегда есть щель. Я осознаю то, что я делала, я вижу, что мой собственной страх неуверенности привел к зависимости и сдерживанию. Очевидно, я не могла сдерживать каждую ситуацию, как бы мне этого ни хотелось, и именно поэтому я ограничивала свои контакты одним или двумя, которые я могла сдерживать и управлять ими. Все это я понимаю. Но как мне быть снова открытой, свободной и без этого опасения внутренней неуверенности?»

Вы видите необходимость быть открытой и чувствительной? Если вы не видите суть этого, то будете снова тайно строить вокруг себя стены. Видеть суть в ложном — вот начало мудрости, понимать ложное как ложное — вот наивысшее понимание. Понимание того, чем вы занимались все эти годы, может только привести к последующей борьбе и печали, реальному переживанию сути этого всего, что не просто устное принятие, но это положит конец той деятельности. Вы не можете добровольно сделать себя открытой, волевое усилие не сможет сделать вас чувствительной. Само желание быть чувствительным создает сопротивление. Только в понимании ложного как ложного есть освобождение от него. Пассивно наблюдайте ваши обычные реакции, просто осознавайте их без сопротивления, пассивно наблюдайте их, как бы вы наблюдали за ребенком, без удовольствия или отвращения отождествления. Само пассивное наблюдение — это свобода от защиты, от закрытия двери. Быть открытым миру — означает жить, удалиться от мира — означает умереть.

Отчаяние и надежда

Небольшой барабан издавал удары веселого ритма, затем к нему присоединился инструмент из тростника, вместе они заполняли воздух. Барабан преобладал, но он следовал за тростником. Последний останавливался бывало, но небольшой барабан продолжал, четко и ясно, пока к нему снова не присоединялась песня тростника. Рассвет наступит еще нескоро, и птицы молчали, но музыка наполнила тишину. В небольшой деревушке проходила свадьба. В течение предыдущего вечера было много веселья, песни и смех продолжались до поздней ночи, и стороны пробуждались от музыки. Теперь же голые ветви начали проступать на фоне бледного неба, одна за другой исчезали звезды, и музыка окончилась. Слышались крики и вопли детей, и шумные споры вокруг единственного в деревне водопроводного крана. Солнце было все еще ниже горизонта, но день уже начался.

Любить — означает переживать все, но переживать без любви — означает жить напрасно. Любовь уязвима, но переживать без этой уязвимости значит усиливать желание. Желание — это не любовь, и оно не может удержать ее. Желание быстро проходит, а после его исчезновения остается горечь. Желание не может быть остановлено, окончание желания с помощью акта воли, любыми средствами, которые ум может изобрести, приведет к распаду и страданию. Только любовь может приручить желание, но любовь не от ума. Ум как наблюдатель должен прекратить существовать, чтобы возникла любовь. Любовь — это не вещь, которую можно запланировать и искусственно вырастить, ее нельзя купить через жертву или через поклонение. Нет средства для любви. Поиск средства должен прекратиться, чтобы любовь возникла. Спонтанное познает красоту любви, но преследовать ее означает покончить со свободой. Лишь только для свободных есть любовь, но свобода никогда не направляет, никогда не удерживает. Любовь — это ее собственная вечность.

Она говорила непринужденно, и слова приходили к ней естественно. Хотя она все еще была молода, в ней была печаль, она улыбалась с отдаленным воспоминанием, и ее улыбка была напряженная. Она была замужем, но детей не имела, а ее муж недавно умер. Это не был один из тех заранее устроенных браков, не был он и по обоюдному желанию. Она не хотела использовать слово «любовь», поскольку оно было в каждой книге и у каждого на языке, но их взаимоотношения были несколько экстраординарными. С того дня, как они поженились, до дня его смерти между ними никогда не проскользнуло ни грубого слова, ни жеста нетерпения, и при этом они никогда не расставались даже на день друг с другом. Между ними было единение, и все остальное — дети, деньги, работа, общество — стало вторичными по важности. Это единение не было романтической сентиментальностью или выдумкой после его смерти, с самого начала оно было реальностью. Их радость не исходила от желания, но от чего-то, что было вне и выше физического уровня. Но вот внезапно, пару месяцев назад, он погиб во время несчастного случая. Автобус слишком быстро повернул за поворот, и это случилось.

«Теперь я нахожусь в отчаянии, я пробовала совершить самоубийство, но как-то не получается. Чтобы забыть, окаменеть, я сделала все, только не прыгала в реку, и я не высypалась все ночи этих двух месяцев. Я нахожусь в полной темноте, этот кризис не поддается моему контролю, я не могу понять, я в растерянности».

Она закрыла лицо своими руками. Через время она продолжила.

«Это не отчаяние, которое можно излечить или стереть. С его смертью всякая надежда пропала. Люди сказали, что я забуду и вновь выйду замуж или буду делать что-то другое. Даже если бы я могла забыть, огонь-то погас, его нельзя заменить, и к тому же я не хочу найти ему замену. Мы живем и умираем с надеждой, но у меня нет никакой. У меня нет никакой надежды,

поэтому я не ожесточена, я погружена в отчаяние и тьму, но я не хочу света. Моя жизнь — это живая смерть, и я не хочу чьего-либо утешения, любви или жалости. Я хочу остаться в своей темноте, без чувства, без воспоминания».

Является ли это тем, зачем вы пришли, стать более унылой, найти поддержку в вашем отчаянии? То ли это, чего вы хотите? Если это так, то у вас будет то, чего вы желаете. Желание столь же гибко и столь же ловко, как ум, оно приспособится к чему угодно, придаст себе нужную форму в соответствии с любыми обстоятельствами, выстроит стены, которые не впустят свет. В самом его отчаянии — его восхищение. Желание создает образ, которому оно будет поклоняться. Если вы желаете жить в темноте, вам это удастся. Неужели это то, зачем вы пришли? Получить поддержку в вашем собственном желании?

«Понимаете, мой друг сказал мне о вас, и я импульсивно пришла. Если бы я прекратила думать, вероятно, я не пришла бы. Я всегда действовала довольно-таки импульсивно, и это никогда не вводило меня в заблуждение. Если вы спросите меня, почему я пришла, все, что я могу ответить, это то, что я не знаю. Я предполагаю, что все мы хотим некую надежду, нельзя жить вечно в темноте».

То, что соединено, нельзя раздробить, то, что объединено, не может быть разрушено, если есть единение, то смерть не может разделить. Объединение происходит не с другим, а в себе и с собой. Единение различных объектов в себе — это полнота с другими, но полнота с другими — это неполнота в себе. Единение с другим — это все еще неполнота. Объединенная сущность не становится целой за счет другого из-за того, что он полон, полнота присутствует во всех его отношениях. То, что является неполным, не может стать полным благодаря взаимоотношениям. Это иллюзия — считать, что мы становимся полными за счет других.

«Он был наполнен. Я познала красоту и радость этого».

Но этому пришел конец. Окончание всегда приходит к тому, что является неполным. Единение с другим всегда хрупко, оно всегда прекращается. Объединение должно начинаться внутри себя, и только тогда возникает неразрушимое единение.

Путь к объединению — это процесс пассивного размышления, которое является наивысшим пониманием. Вы стремитесь к объединению?

«Я не знаю, к чему я стремлюсь, но мне хотелось бы понять, что такое надежда, потому что надежда, кажется, играет важную часть в нашей жизни. Когда он был жив, я никогда не думала о будущем, я никогда не думала о надежде или счастье, завтра не существовало. Я просто жила, без заботы».

Потому что вы были счастливы. Но теперь несчастье, недовольство порождает будущее, надежду или ее противоположность: отчаяние и безнадежность. Странно, не правда ли? Когда мы счастливы, время не существует, вчера и завтра совершенно отсутствуют, у нас не возникает и мысли о прошлом или будущем. Но несчастье приводит к надежде и отчаянию.

«Мы рождаемся с надеждой, и мы несем ее с собой до самой смерти».

Да, именно это мы и делаем, или, скорее, мы рождаемся в страдании, и надежда ведет нас до самой смерти. Что вы подразумеваете под надеждой?

«Надежда — это завтра, будущее, страстное желание счастья, улучшения сегодняшнего дня, продвижения себя вперед. Это желание иметь более хороший дом, пианино или радио лучше, это мечта о социальном усовершенствовании, более счастливом мире и так далее».

Касается ли надежда только будущего? Разве нет надежды также в том, что было, в объятиях прошлого? Надежда одновременно и движение мысли вперед и назад. Надежда — это временной процесс, не так ли? Надежда — это желание продолжения того, что было приятно, того, что может быть улучшено, сделано лучше, а ее противоположность — это безнадежность, отчаяние. Мы колеблемся между надеждой и отчаянием. Мы говорим, что живем благодаря

надежде, а надежда находится в прошлом или чаще в будущем. Будущее — это надежда каждого политика, каждого реформатора и революционера, каждого стремящегося к добродетели и к тому, что мы называем богом. Мы говорим, что живем надеждой, но так ли это? Разве это жизнь, когда будущее или прошлое довлеют над нами? Действительно ли проживание — это движение прошлого к будущему? Когда есть беспокойство о завтрашнем дне, вы живете? Именно потому, что «завтра» стало настолько важным, возникает безнадежность, отчаяние. Если только будущее важно, и вы живете им и ради него, то прошлое — это средство для отчаяния. Ради надежды на «завтра» вы жертвуете «сегодня», но счастье, оно вечно в «сейчас». Именно несчастные заполняют жизни беспокойством о дне завтрашнем, которое они называют надеждой. Жить счастливо означает жить без надежды. Человек с надеждой — это не счастливый человек, он познает отчаяние. Состояние безнадежности проецирует надежду или негодование, отчаяние или яркое будущее.

«Но то, что вы говорите, означает, что мы должны жить без надежды?»

Неужели нет такого состояния, которое не является ни надеждой, ни безнадежностью, состояние, которое является блаженством? В конце концов, когда вы считали себя счастливой, у вас не было никакой надежды, не так ли?

«Я понимаю то, что вы имеете в виду. У меня не было надежды, потому что он был рядом со мной, и я жила счастливо изо дня в день. Но теперь его нет, и... Мы свободны от надежды только тогда, когда мы счастливы. Именно, когда мы несчастны, снедаемы болезнью, угнетены, эксплуатируемы, „завтра“ становится важным. А если завтра невозможно, мы оказываемся в полной темноте, в отчаянии. Но как же остаться в состоянии счастья?»

Во-первых, поймите суть надежды и безнадежности. Просто увидите, как вы были охвачены ложным, иллюзией надежды, а затем отчаянием. Будьте пассивно наблюдательны за этим процессом, что не столь легко, как звучит. Вы спрашиваете, как остаться в состоянии счастья. Разве не сам этот вопрос основан, по существу, на надежде? Вы желаете восстановить то, что вы потеряли, или с помощью неких средств обладать этим снова. Этот вопрос указывает на желание получить, стать, прийти к чему-то, не так ли? Когда вы имеете цель, результат в поле зрения, есть надежда, таким образом снова вы оказываетесь в ловушке вашего собственного несчастья. Путь надежды — это путь будущего, но счастье никогда не являлось вопросом времени. Когда счастье было, вы никогда не задавались вопросом, как сделать, чтобы так продолжалось. Если бы вы спросили, вы бы уже испытывали несчастье.

«Вы имеете в виду, что вся эта проблема возникает только, когда кто-то находится в противоречии, в страдании. Но когда кто-то несчастен, он хочет избавиться от этого, что является естественным».

Желание находить выход только приносит другую проблему. Не понимая одну проблему, вы порождаете множество других. Ваша проблема — это несчастье, и, поняв ее, возникнет свобода от всех других проблем. Несчастье — это единственная проблема, которая есть у вас, не запутывайтесь, порождая дальнейшую проблему того, как выйти из этого состояния. Ум ищет надежду, ответ на проблему, выход из нее. Поймите ошибочность этого бегства, и тогда вы окажетесь лицом к лицу с проблемой. Именно эти прямые взаимоотношения с проблемой приводят к переломному моменту, которого мы все время избегаем, но только в полноте и интенсивности переломного момента проблеме приходит конец.

«С тех пор, как произошел тот несчастный случай, я чувствовала, что должна забыть в собственном отчаянии, лелеять мою собственную безнадежность, но это было уже слишком для меня. Теперь я вижу, что мне надо столкнуться лицом к лицу с этим без страха и без чувства неуважения к нему. Понимаете, я чувствовала где-то глубоко внутри, что в некотором роде я проявлю неуважение к нему, если продолжу быть счастливой, но теперь это бремя уже полегче,

и я ощущаю счастье, которое не зависит от времени».

Ежедневно рутина жизни повторялась вокруг единственного водопроводного крана в деревне. Вода бежала медленно, и группа женщин ожидала свою очередь. Три из них шумно и яростно ссорились, они были полностью поглощены своим гневом и не обращали ни малейшего внимания на еще кого-то, и при этом никто другой также не обращал на них внимания. Должно быть, это было ежедневным ритуалом. Подобно всем ритуалам, он оказывал стимулирующее воздействие, и женщины наслаждались возбуждением. Старуха помогла молодой женщине поднять большой, ярко отполированный медный горшок на голову. Она имела небольшой клочок ткани, чтобы перенести вес горшка, который слегка поддерживала одной рукой. Ее походка была превосходна, в ней было много достоинства. Маленькая девочка спокойно подошла, просунула свой горшок под кран и унесла его, не сказав ни слова. Другие женщины приходили и уходили, но ссора продолжалась, и казалось, как будто она никогда не закончится. Внезапно троица замолчала, наполнила свои сосуды водой и разошлась, как если бы ничего не случилось. К этому моменту солнце засветило сильнее, и над соломенными крышами деревни поднялся дым. Готовился завтрак. Как внезапно стало спокойно! Если бы не вороны, почти все было тихим. Как только многоголосая ссора закончилась, можно было услышать шум моря за домами, садами и рощами пальм.

Мы продолжаем жить подобно роботам, с нашим утомительным распорядком дня. Как охотно ум принимает образец существования, и как стойко он цепляется за него! Как вбитым гвоздем, ум удерживается идеей, и вокруг идеи он живет и имеет свое существование. Ум никогда не свободен, гибок, поскольку он всегда бросает якорь, он перемещается в пределах радиуса, узкого или широкого, его собственного центра. Он не осмеливается блуждать далеко от собственного центра. И когда он так делает, он теряется в страхе. Страх не из-за неизвестного, а из-за потери известного. Неизвестное не вызывает страх, но зависимость от известного вызывает. Страх приходит всегда с желанием, желанием большего или меньшего. Ум, с его непрерывным переплетением образцов, является породителем времени, и со временем возникает страх, надежда и смерть. Надежда ведет к смерти.

Он сказал, что был революционером и хотел разрушить каждую социальную структуру, начать все снова. Он охотно работал на радикально левых, ради революции пролетария, но там также потерпел неудачу. Посмотрите, что случилось в стране, где эта революция была так великолепно совершена! Диктатура, с ее полицией и армией, неизбежно породила новые классовые различия, и все это в течение нескольких лет. То, что было славным обещанием, превратилось в ничто. Он хотел, чтобы более глубокая и более масштабная революция была начата снова, заботясь о том, чтобы избежать всех ловушек прежней революции.

Что вы подразумеваете под революцией?

«Полное изменение существующей социальной структуры, с кровопролитием или без него, согласно четкому плану. Чтобы достичь результата, ее нужно хорошо обдумать, организовать вплоть до деталей и тщательно исполнить. Такая революция — вот единственная надежда, нет другого выхода из этого хаоса».

Но разве вы снова не будете иметь те же самые результаты: принуждение и его исполнителей?

«По началу она может иметь такие результаты, но мы прорвемся через них. Всегда будет иметься отдельная и объединенная группировка вне правительства, чтобы наблюдать и вести его».

Вы хотите революцию согласно образцу, и ваша надежда находится в «завтра», ради которого вы желаете пожертвовать собой и другими. Может ли произойти фундаментальная революция, если она основана на идее? Идеи неизбежно порождают последующие идеи, последующее сопротивление и подавление. Вера порождает антагонизм, одна вера поднимает восстание многих, и возникают враждебность и конфликт. Единообразие веры — это не мир. Идея или мнение неизменно создают оппозицию, которую тем, кто во власти, приходится всегда стремиться подавить. Революция, основанная на идее, дает жизнь контрреволюции, а революционер тратит свою жизнь, борясь с другими революционерами, и лучше организованные ликвидируют более слабых. Вы повторите тот же самый образец, не так ли? Может, поговорить о более глубоком значении революции?

«Она бы имела малую ценность, если бы не вела к определенному результату. Должно быть построено новое общество, и революция в соответствии с планом — вот единственный способ достичь этого. Я не думаю, что изменю свои взгляды, но давайте посмотрим, что скажете вы. То, что вы будете говорить, вероятно, уже сказано Буддой, Христом и другими религиозными учителями, и куда это нас привело? Две тысячи лет или больше призывов быть хорошим, и посмотрите на беспорядок, который устроили капиталисты!»

Общество, основанное на идее, сформированное согласно специфическому образцу, разводит насилие и постоянно находится в состоянии распада. Сформированное по образцу общество функционирует только в пределах рамок его самоспроецированной веры. Общество, группа людей никогда не могут быть в состоянии революции, только индивидуум может. Но если он — революционер согласно плану, хорошо заверенному заключению, он просто соответствует самоспроецированному идеалу или надежде. Он привносит в жизнь его собственные обусловленные отклики, возможно, видоизмененные, но все равно ограниченные. Ограниченная революция — это никакая не революция вообще, подобно реформе, это регресс. Революция, основанная на идее, на расчете и умозаклечениях, является всего лишь измененным продолжением старого образца. Для возникновения фундаментальной и длительной революции нам нужно понять ум и идею.

«Что вы подразумеваете под идеей? Вы имеете в виду знания?»

Идея — это проекция ума и результат опыта, а опыт — это знание. Опыт всегда интерпретируется согласно сознательным или подсознательным, созданным умом условиям. Ум есть опыт, ум есть идея, ум не отделен от свойства мысли. Знание, накопленное и сохраненное, является процессом ума. Ум — опыт, память, идея, это целостный процесс ответной реакции. Пока мы не понимаем деятельность ума, сознания, не может быть фундаментального преобразования человека и его взаимоотношений, которые составляют общество.

«Вы утверждаете, что ум, как и знание, — это настоящий враг революции, и что ум никогда не сможет создать новый план, новое государство?»

Если вы имеете в виду, что, из-за того, что ум все еще связан с прошлым, он никогда не сможет постичь новое, и, что бы он ни планировал или создавал, — это результат старого, тогда как может вообще когда-либо быть какое-нибудь изменение?»

Давайте посмотрим. Ум удерживается в определенном образце, само его существование — рамки, в пределах которых он действует и движется. Образец принадлежит либо прошлому, либо будущему, это отчаяние и надежда, замешательство и утопия, то, что было, и то, что должно быть. С этим всем мы знакомы. Вы хотите сломать старый образец и заменить его на «новый», когда новый является видоизмененным старым. Вы называете его новым ради ваших собственных целей и маневров, но он все еще старый. Так называемое новое имеет свои корни в старом: жадность, зависть, насилие, ненависть, власть, исключительность. Укоренившись в них, вы хотите построить новый мир. Это невозможно. Вы можете обманывать себя и других, но пока

старый образец не сломан полностью, не может возникнуть радикальное преобразование. Вы можете манипулировать этим, но не в вас надежда мира. Ломка образца, и старого, и так называемого нового, имеет наивысшую важность, если порядок состоит в том, чтобы выйти из этого хаоса. Именно поэтому существенно понять пути ума. Ум функционирует только в пределах сферы известного, опыта, сознательного или подсознательного, коллективного или поверхностного. Может ли быть действие без образца? До сих пор нам было известно действие только по образцу, и такое действие — это всегда приближение к тому, что было или что должно быть. Пока действие было приспособлением к надежде и страху, прошлому или будущему.

«Если действие — не движение прошлого к будущему, или между прошлым и будущим, то какое другое действие тогда возможно? Вы же не призываете нас к бездействию, не так ли?»

Этот мир был бы лучше, если бы каждый из нас осознавал истинное бездействие, которое не есть противоположность действия. Но это другой вопрос. Действительно ли возможно для ума быть без образца, быть свободным от этого колебания желания вперед и назад? Определенно, это возможно. Такое действие — это жизнь в «сейчас». Жить означает быть без надежды, без заботы о «завтра», это не безнадежность или безразличие. Но мы не живем, мы вечно преследуем смерть, прошлое или будущее. Проживание — это величайшая революция. Проживание не имеет никакого образца, а смерть имеет: прошлое или будущее, то, что было, или утопия. Вы живете ради утопии, и так что вы призываете к смерти, а не к жизни.

«Все это очень замечательно, но это ведет нас в никуда. Где ваша революция? Где действие? Где новый способ жизни?»

Не в смерти, а в жизни. Вы преследуете идеал, надежду, и это преследование вы называете действием, революцией. Ваш идеал, ваша надежда — это проекция ума, далекая от того, что есть. Ум, являясь результатом прошлого, выносит из себя образец для нового, и это вы называете революцией. Ваша новая жизнь — такая же, как старая, но в другой одежде. Прошлое и будущее не содержат в себе жизнь, у них есть воспоминание о жизни и надежды относительно жизни, но они — это не жизнь. Действие ума не есть жизнь. Ум может действовать только в пределах рамок смерти, а революция, основанная на смерти, — это только еще большая тьма, большее разрушение и страдание.

«Вы меня полностью опустошили, почти раздели догола. Возможно, это духовно хорошо для меня: возникает легкость сердца и ума, но это не очень полезно в отношении коллективного революционного действия».

Соответствие и свобода

Шторм начался рано утром с грома и молнии, а теперь постоянно шел очень сильный дождь. Он не прекращался весь день, и красная земля впитывала его. Домашние животные укрывались под большим деревом, где также стоял маленький белый храм. Основание дерева было огромным, а окружающее поле было ярко-зеленым. С другой стороны поля пролегла железнодорожная линия, и поезда обыкновенно с трудом взбирались на небольшой склон, издавая наверху торжествующий гудок. Когда кто-то шел по железнодорожной линии, он, бывало, наталкивался на большую кобру с красивой окраской, разрезанную пополам недавним поездом. Птицы вскоре добрались до кусков мертвого тела, и через короткое время не осталось и признака змеи. Жить один на один с собой требует огромного интеллекта, жить одному и все же быть гибким трудно. Жить в уединении, без стен замкнутого в себе удовлетворения, требует чрезвычайной настороженности, поскольку жизнь в уединении потворствует вялости, привычкам, которые устраивают и которые трудно сломать. Жизнь в одиночестве потворствует изолированию себя, и только лишь мудрый может жить один без вреда для себя и других. Мудрость — в уединении, но путь одиночества не ведет к мудрости. Изоляция — это смерть, а мудрость не найти в уходе от мира. Нет никакого пути к мудрости, поскольку всякий путь разделяет, исключает. По самой своей природе путь может только привести к изоляции, хотя эту изоляцию называют единством, целым, общностью и так далее. Путь — это процесс исключения, средство исключает, а цель такая же, как и средство. Средства неотделимы от цели, того, что должно быть. Мудрость приходит с пониманием взаимоотношений с полем, с прохожим, с мимолетной мыслью. Уходить от мира, изолировать себя, чтобы найти, значит положить конец к открытию. Взаимоотношения приводят к уединению, что не есть изоляция. Должно быть уединение, но исходящее не от замкнутости ума, а от свободы. Полное — это уединенное, а неполнота ищет путь к изоляции.

Она была писательницей, и ее книги имели весьма широкое распространение. Она сказала, что ей удалось приехать в Индию только после многих лет. Когда сначала она выехала, то понятия не имела, где остановится. Но теперь, в конце концов, ее место назначения стало ясным. Ее муж и вся семья интересовались религиозными вопросами, не поверхностно, а весьма серьезно. Однако она решила оставить их всех и приехала в надежде найти немного успокоения. Она не знала ни единой души в этой стране, когда приехала, и первый год ей было очень трудно. Сначала она отправилась в какой-то ашрам или общину, о котором она читала. Гуру там был кроткий старик, у которого имелся некоторый религиозный опыт и за счет которого он теперь и жил, постоянно повторяя несколько высказываний на санскрите, которые были понятны его ученикам. Ее пригласили в эту общину, и ей легко удалось приспособиться к ее правилам. Она оставалась там в течение нескольких месяцев, но не нашла покоя, так что однажды объявила о своем отъезде. Ученики были в ужасе, что она могла даже подумать о том, чтобы оставить такого мастера мудрости, но она уехала. Затем она отправилась в ашраман посреди гор и оставалась там в течение некоторого времени. Сначала была счастлива, так как там были красивые деревья, ручьи и дикая природа. Дисциплина там была довольно суровая, против которой она не возражала, но опять же живые были словно мертвые. Ученики поклонялись мертвому знанию, мертвой традиции, мертвому учителю. Когда она уехала, они также были потрясены и угрожали ей духовной тьмой. Она направилась в другую очень известную общину, где повторяли различные религиозные утверждения и регулярно занимались предписанными медитациями. Но постепенно обнаружила, что была завлечена в ловушку и разрушалась. Ни учитель, ни ученики не хотели свободы, хотя о ней говорили. Они были все

заинтересованы поддержанием центра, удержанием учеников во имя гуру. Снова она вырвалась и отправилась в другое место. И опять та же самая история с немного иным ходом событий.

«Я вас уверяю, я побывала в большинстве серьезных ашрамов, и они все хотят удержать человека, размолоть его, чтобы он соответствовал образу мышления, который они называют истиной. Почему все они хотят, чтобы человек соответствовал определенной дисциплине, образу жизни, установленным учителем? Почему происходит так, что они никогда не дают свободу, а лишь обещают ее?»

Соответствие удовлетворяет, оно ручается за безопасность ученика и придает мощь ученику, также как и учителю. Через соответствие возникает укрепление власти, светской или религиозной, а соответствие приводит к унынию, которое они называют покоем. Если кто-то хочет избежать страданий через некую форму сопротивления, почему бы не пойти тем путем, хотя он влечет за собой определенное количество боли? Соответствие обезболивает ум по отношению к противоречию. Мы хотим, чтобы нас сделали тупыми, нечувствительными. Мы пытаемся укрыться от уродливого и таким образом мы также делаем себя невосприимчивыми к прекрасному. Соответствие авторитету мертвых или живых дает мощное удовлетворение. Учитель знает, а вы не знаете. Было бы глупо с вашей стороны пробовать выяснить что-нибудь непосредственно самим, когда успокаивающий вас учитель уже знает, так что вы становитесь его рабом, а рабство лучше, чем смятение. Учитель и ученик процветают благодаря взаимной эксплуатации. В действительности вы не идете в ашрам за свободой, не так ли? Вы идете туда, чтобы успокоиться, чтобы жить жизнью замкнутой дисциплины и веры, поклоняться и в свою очередь быть полоняемой, и все это называют поиском истины. Они не могут предложить свободу, поскольку это бы их самих уничтожило. Свободу нельзя найти в какой-либо изолированной общине, в какой-либо системе или вере, ни через соответствие и страх, называемые дисциплиной. Дисциплина не может предложить свободу, она может обещать, но надежда — это не свобода. Подражание как средство для свободы есть само опровержение свободы, поскольку средство — это цель, копирование приводит к дальнейшему копированию, а не к свободе. Но нам нравится обманывать себя, и именно поэтому принуждение или обещание заботы существует в различных и тонких формах. Надежда — это отвержение жизни.

«Теперь я избегаю все ашрамы, как саму чуму. Я шла к ним за покоем, а получала принуждение, авторитарные доктрины и тщетные обещания. С каким рвением мы принимаем обещания гуру! Насколько мы слепы! Наконец-то, после стольких лет, я полностью лишена всякого желания преследовать ими обещанную награду. Физически я истощена, как видите, так как по глупости я действительно практиковала их призывы. В одном из тех мест, где учитель возвышен и очень популярен, когда я сказала им, что я еду к вам, они вознесли свои руки к небу, и у некоторых выступили на глазах слезы. Это было последней каплей! Я приехала сюда, потому что хочу поговорить о чем-то, что волнует мое сердце. Я намекнула на это одному из учителей, и его ответом было то, что я должна контролировать свои мысли. Это так. Боль одиночества больше, чем я могу вытерпеть, не физическое одиночество, которое является долгожданным, но глубокая внутренняя боль от существования в одиночку. Что мне с этим делать? Как я должна расценивать эту пустоту?»

Когда вы спрашиваете о пути, вы становитесь последователем. Оттого, что в вас эта боль одиночества, вы хотите помощи, и само требование руководства открывает дверь к принуждению, подражанию и страху. «Как» — ни капли не важно, так что давайте поймем суть этой боли, чем будем пытаться преодолеть ее, избегать ее или идти за ее пределы. Пока нет полного понимания этой боли одиночества, не может быть никакого покоя, никакого отдыха, а лишь непрерывная борьба. И осознаем ли мы это или нет, большинство из нас явно или тайно пробует убежать от страха из-за нее. Эта боль возникает только относительно прошлого, а не

относительно того, что есть. То, что есть, нужно обнаружить не на словах, теоретически, а непосредственно испытать. Как может быть открытие того, что в действительности есть, если вы приближаетесь к нему с ощущением боли или страхом? Чтобы понять его, не должны ли вы прийти к нему свободно, лишенным всяких прошлых знаний о нем? Не должны ли вы иметь подход к нему со свежим умом, не затуманенным воспоминаниями, привычными реакциями? Пожалуйста, не спрашивайте, как освободить ум, чтобы увидеть новое, а прислушайтесь к сути этого. Одна истина освобождает, а не ваше желание быть свободным. Само желание и усилие быть свободным — это помеха для освобождения.

Чтобы понять новое, не должен ли ум со всеми его умозаключениями, гарантиями безопасности прекратить свою деятельность? Не должен ли он быть спокойным, не искать пути бегства от этого одиночества, лекарства от него? Не нужно ли наблюдать эту боль одиночества с ее колебанием от отчаяния к надежде? Не само ли это колебание приводит к одиночеству и страху из-за него? Разве не сама умственная деятельность — процесс изоляции, сопротивление? Разве не каждая форма взаимоотношений от ума — не путь отделения, ухода от жизни? Разве не сам опыт — это процесс самоизоляции? Так что проблема не в боли одиночества, а в уме, который проецирует проблему. Понимание ума — вот начало свободы. Свобода — это не что-то в будущем, это самый первый шаг. Деятельность ума может быть понята только в процессе реакции на каждый вид стимулирования. Стимулирование и реакция — это взаимоотношения на всех уровнях. Накопление в любой форме, как знание, как опыт, как вера, мешает свободе, и только там, где есть свобода, может быть истина.

«Но разве усилие не необходимо, усилие, чтобы понять?»

Понимаем ли мы что-нибудь с помощью борьбы, конфликта? Разве понимание не наступает, когда ум совершенно спокоен, когда усилия прекратились? Ум, который заставили замолчать, — это не спокойный ум, это мертвый, нечувствительный ум. Когда есть желание, нет красоты тишины.

Время и продолжение

Вечерний свет отражался в воде, а темные деревья оказались на фоне садящегося солнца. Мимо проехал переполненный автобус, сопровождаемый большим автомобилем с сидящими в нем шикарными людьми. Ребенок прошел мимо, вращая обруч. Женщина с тяжелым грузом остановилась, чтобы поправить его, а затем продолжила свой утомительный путь. Мальчик на велосипеде приветствовал кого-то и нетерпеливо хотел попасть домой. Мимо прошло несколько женщин, а мужчина остановился, зажег сигарету, бросил в воду спичку, огляделся вокруг и пошел дальше. Никто, казалось, не замечал красок на воде и темных деревьев на фоне неба. Подошла девушка с младенцем, разговаривая и указывая на темнеющие воды, чтобы развлечь и отвлечь его. В домах загорались огни, и вечерняя звезда поплыла по небу. Существует печаль, о которой мы мало знаем. Нам известны боль и горе личной борьбы и смятения, нам известны тщетность и страдание из-за расстройства, нам известна полнота радости и ее быстротечность. Нам известно о нашей собственной печали, но мы не осознаем о грусти других. А как мы можем осознавать, когда мы заиклены на наших собственных неудачах и испытаниях? Когда наши сердца утомлены и унылы, как можем мы чувствовать усталость другого? Грусть настолько сильно исключает, изолирует и разрушает. Как быстро исчезает улыбка! Все, кажется, заканчивается печалью, окончательной изоляцией.

Она была очень начитана, способна и прямая. Она изучила науки и религию и тщательно следовала за современной психологией. Хотя она все еще была весьма молода, но уже побывала замужем, с присущими браку обычными страданиями, добавила она. Теперь она была свободна, и ей не терпелось найти кое-что больше, чем обычные условности, почувствовать свой путь за пределами границ ума. Ее занятия открыли для ее мышления возможности за пределами сознательного и общественным накоплением прошлого. Она посетила некоторые из бесед и обсуждений, объяснила она, и почувствовала, что источник, присущий всем великим учителям, активизировался. Она внимательно слушала и многое поняла, и теперь пришла, чтобы обсудить вечное и проблему времени.

«Что является источником всего вне времени, что означает состояние бытия, которое вне пределов размышления ума? Что такое бесконечное, тот творческий потенциал, о котором вы говорили?»

Возможно ли осознать бесконечное? Каков тест на знание или осознание его? Как бы вы его узнали? Чем бы вы измерили его?

«Мы можем только оценивать по его воздействию».

Но оценка имеет время, а есть ли воздействия бесконечного, которые можно оценить измерением времени? Если мы можем понимать то, что мы подразумеваем под временем, возможно, возникнет бесконечное, но разве можно обсуждать, что такое бесконечное? Даже если оба из нас осознают его, можем ли мы говорить о нем? Мы можем говорить об этом, но наш опыт не будет являться бесконечным. О нем никогда нельзя говорить или сообщать, кроме как с помощью времени. Но слово — это не то, и с помощью времени бесконечное явно нельзя понять. Отсутствие чувства времени — состояние, которое наступает только тогда, когда нет времени. Так что давайте лучше разберемся, что мы подразумеваем под временем.

«Имеются различные виды времени: время как рост, время как расстояние, время как движение».

Время хронологическое, а также психологическое. Время как рост — это маленькое, становящееся большим, телега с волом, развивающаяся до реактивного самолета, младенец, становящийся человеком. Небеса наполнены ростом, и земля тоже. Это очевидный факт, и было

бы глупо отрицать его. Время как расстояние более сложно.

«Известно, что человек может находиться в двух различных местах одновременно: в одном месте в течение нескольких часов и в другом в течение нескольких минут в течение того же самого периода».

Мысль может и блуждает вдалеке, в то время как думающий остается на одном месте.

«Я не ссылаюсь на это явление. Стало известно, что человек, физическая сущность, находился в двух сильно отдаленных местах одновременно. Однако наш отправной пункт — время».

Вчера, использующее сегодня как проход к завтра, прошлое, протекающее через настоящее к будущему, является единым движением времени, а не тремя отдельными движениями. Нам известно время хронологическое и психологическое, рост и становление. Происходит рост семени до дерева, и существует процесс психологического становления. С ростом все понятно, так что давайте отложим пока это в сторону. Психологическое становление подразумевает под собой время. Я есть это, и я стану тем, используя время как проход, как средство. То, что было, становится тем, что будет. Нам очень знаком этот процесс. Поэтому мысль — это время, мысль, которая была, и мысль, которая будет, которая есть, и идеал. Мысль — это продукт времени, и без процесса размышления времени нет. Ум — создатель времени, он есть время.

«Очевидно, это истина. Ум — создатель и пользователь времени. Без умственной деятельности нет времени. Но возможно ли выйти за пределы ума? Существует ли состояние, которое не принадлежит мысли?»

Давайте вместе обнаружим, есть ли такое состояние или нет. Любовь — это мысль? Мы можем думать о ком-то, кого мы любим, когда он отсутствует, мы думаем о нем, или у нас есть его образ, его фотография. Разлука приводит к мысли.

«Вы имеете в виду, что когда есть единство, то мысль прекращает быть и есть только любовь?»

Единство подразумевает дуальность, но не в этом дело. Разве любовь — это процесс мышления? Мысль принадлежит времени, а любовь связана временем? Мысль связана временем, и вы спрашиваете, возможно ли быть свободным от связывающего качества времени.

«Это должно быть так, иначе не было бы никакого творчества. Творчество возможно только, когда процесс продолжения прекращается. Творчество — это новое, новое видение, новое изобретение, новое открытие, новая формулировка, а не продолжение старого».

Продолжение — это смерть творчества.

«Но как же положить конец продолжению?»

Что мы подразумеваем под продолжением? Что приводит к продолжению? Что это, что присоединяет мгновение ко мгновению, как нить соединяет бусинки в ожерелье? Мгновение — это новое, но новое поглощается старым, и таким образом формируется цепь непрерывности. Когда-либо существует новое или только признание нового старым? Если старое признает новое, то новое ли это? Старое может признавать только его собственную проекцию, оно может называть ее новым, но это не так. Новое не распознаваемо, оно — это состояние неузнаваемости, безассоциативности. Старое придает себе продолжение через его собственные проекции, оно никогда не сможет познать новое. Новое может быть переведено на язык старого, но новое не может быть со старым. Переживание нового — это отсутствие старого. Опыт и его выражение — это мысль, идея. Мысль переводит новое в понятия старого. Именно старое приводит к продолжению, старое — это память, слово, что является временем.

«Как можно положить конец памяти?»

Действительно ли это возможно? Субъект, который желает положить конец памяти, сам является кузнецом памяти, он неотделим от памяти. Это так, правда?

«Да, тот, кто прилагает усилия, рожден памятью, мыслью. Мысль — это результат прошлого, сознательного или неосознанного. Тогда что же делать?»

Послушайте, пожалуйста, и вы будете делать естественно, без усилия то, что необходимо. Желание есть мысль, желание сколачивает цепь памяти. Желание — это усилие, акт воли. Накопление — вот путь желания, накапливать означает продолжать. Накопление опыта, знаний, силы или материальных вещей приводит к продолжению, и отрицать это значит продолжать пассивно. Активная и пассивная продолжительности подобны. Центр накопления — это желание, желание большего или меньшего. Этот центр есть «я», помещенный на различных уровнях согласно окружающим условиям. Любая деятельность этого центра только вызывает дальнейшее продолжение «я». Любое движение ума ограничено временем, это мешает творчеству. Бесконечное не приходит с ограниченным временем качеством памяти. Безграничное нельзя измерить памятью, опытом. Безымянное существует только тогда, когда опыт, знание полностью прекращают быть. Лишь только истина освобождает ум от его собственной неволи.

Семья и желание безопасности

Как мерзко быть удовлетворенным! Довольство — это одно, а удовлетворение — другое. Удовлетворение делает ум глупым, а сердце утомленным, оно приводит к суеверию и апатии, и острота чувствительности теряется. Именно те, кто ищет удовлетворения, и те, кто имеет его, приносят замешательство и страдание, именно они порождают вонючую деревню и шумный город. Они строят храмы для идолов и исполняют удовлетворяющие ритуалы, они способствуют разделению на классы и войнам, они вечно умножают средства для удовлетворения. Деньги, политика, власть и религиозные организации — это их пути. Они обременяют землю своей респектабельностью и ее стенаниями.

Но довольство — другой вопрос. Трудно быть довольным. Довольство нельзя найти в тайных местах, его нельзя преследовать, как, например, удовольствие, его нельзя приобрести, его нельзя купить ценой отречения. У него нет стоимости вообще, его не достичь никакими средствами, о нем нельзя размышлять и накопить. Стремление к довольству — это только лишь поиск большего удовлетворения. Довольство — это полное понимание того, что есть, от мгновения до мгновения, наивысшая форма пассивного понимания. Удовлетворению известны расстройство и успех, но довольству не известны никакие противоположности с их пустым противоречием. Довольство над и вне противоположностей, оно не является их синтезом, поскольку не имеет никакого отношения к противоречию. Противоречие может только породить большее противоречие, оно порождает последующую иллюзию и несчастье. С довольством приходит действие, которое не является противоречащим. Довольство сердца освобождает ум от его беспорядочной и отвлекающей деятельности. Довольство — это движение, которое не имеет времени.

Она объяснила, что получила степень магистра точных наук с почестями, преподавала и проделывала определенную социальную работу. В скором времени после окончания она путешествовала по стране, делая различные вещи: обучая математике в одном месте, выполняя общественную работу в другом, помогая своей матери и организации для общества, к которому она принадлежала. Она не участвовала в политике, потому что считала это преследованием личной амбиции и глупой тратой времени. Она все это довела до конца и теперь собиралась выйти замуж.

Вы определились, за кого выйти замуж, или же все организуют ваши родители?

«Скорее, мои родители. Возможно, так лучше».

Почему, если можно поинтересоваться?

«В других странах парень и девушка влюбляются друг в друга, это может быть вначале замечательно, но вскоре появляются страдание и раздор, ссоры и примирения, скука от удовольствия и рутина жизни. Запланированный брак в этой стране заканчивается тем же самым, веселье в нем проходит, так что нечего особо выбирать между этими двумя системами. Они обе довольно отвратительны, но что поделать? В конце концов, нужно жениться, всю жизнь нельзя оставаться одному. Все это очень грустно, но по крайней мере муж дает некую безопасность, а дети — радость, но их нельзя их иметь без мужа».

Но что же произойдет со всеми годами, которые вы потратили на получение вашей степени магистра?

«Возможно, степень мне пригодится, но дети и домашняя работа займут большую часть моего времени».

Тогда чего хорошего дало ваше так называемое образование? Зачем тратить так много времени, денег и усилий, чтобы все закончилось кухней? Разве вы не хотите заняться какой-либо

преподавательской деятельностью или социальной работой после вашего замужества?

«Только, когда будет время. Если не живешь обеспеченно, невозможно иметь слуг и все прочее. Боюсь, что все это закончится, как только я выйду замуж, а я хочу выйти замуж. Вы против брака?»

Вы расцениваете брак как институт для создания семьи? Разве семья — это не единица, противостоящая обществу? Разве она не центр, от которого вся деятельность исходит, единственные взаимоотношения, которые доминируют над любой иной формой взаимоотношений? Разве это не самоизолирующая деятельность, которая вызывает разделение, отделение высших и низших, сильных и слабых? Семья как система, кажется, сопротивляется целому, каждая семья противопоставляется другим семьям, другим группам людей. Не семья ли с ее собственностью одна из причин войны?

«Если вы настроены против по отношению к семье, тогда вы, должно быть, за коллективизацию мужчин и женщин, при которой их дети будут принадлежать государству».

Пожалуйста, не делайте поспешных выводов. Думать понятиями формул и систем — только вызывать противление и недовольство. У вас есть ваша модель, у другого своя. Две модели борются над проблемой, каждая стремится уничтожить другую, но проблема все еще остается.

«Но если вы против семьи, тогда за что вы?»

Зачем так ставить вопрос? Если есть проблема, разве не глупо принимать любую сторону согласно предубеждению? Не лучше ли понять проблему, чем породить оппозицию и вражду, таким образом умножая наши проблемы?

Семья, какая она существует сейчас, — это единица ограниченных взаимоотношений, замкнутая в себе и неприступная. Реформаторы и так называемые революционеры пробовали покончить с этим духом исключительности семьи, который порождает каждый вид антиобщественной деятельности, но центр стабильности в противоположность ненадежности, и существующая социальная структура во всем мире не может существовать без этой безопасности. Семья — не просто экономическая единица, и любая попытка решить проблему на том уровне явно потерпит неудачу. Желание безопасности не только экономически обусловлено, но намного более глубокое и сложное. Если человек уничтожит семью, он найдет другие формы безопасности через государство, через коллектив, через веру и так далее, которые в свою очередь породят их собственные проблемы. Мы должны понять желание внутренней, психологической безопасности и не просто, чтобы заменить одну модель безопасности другой.

Так что проблема не в семье, а в желании быть в безопасности. Разве желание безопасности на любом уровне не желание исключительности? Этот дух исключительности проявляет себя в виде семьи, в виде собственности, в виде государства, религии и тому подобного. Не это ли желание внутренней безопасности создает формы безопасности, направленные наружу, которые являются всегда исключительными? Само желание быть в безопасности уничтожает безопасность. Исключительность, отделение должно неизбежно вызвать распад, национализм, классовое противостояние и война являются его признаками. Семья как средство внутренней безопасности — это источник беспорядка и социальной катастрофы.

«Тогда, как жить, если не семьей?»

Разве нет ничего удивительного в том, как ум всегда ищет образец, готовый проект? Наше образование — вид формул и умозаключений. «Как» — требование готовой формулы, но формула не может решить проблему. Пожалуйста, поймите суть этого. Только когда мы не ищем внутренней безопасности, мы можем внешне жить в безопасности. Пока семья — центр безопасности, будет существовать социальный распад, пока семья используется как средство в целях самозащиты, будет конфликт и страдание. Пожалуйста, не ломайте голову над этим, это довольно-таки просто. Пока я использую вас или другого для моей внутренней, психологической

безопасности, я исключителен. Важен я, я имею самое большое значение, это моя семья, моя собственность. Отношения полезности основаны на насилии, семья как средство взаимной внутренней безопасности приводит к конфликту и смятению.

«Я понимаю разумом, что вы говорите, но возможно ли жить без этого внутреннего желания безопасности?»

Понимать разумом вовсе не означает понимать вообще. Вы имеете в виду, что слышите слова и схватываете их значение, и это все. Но это не приведет к действию. Использование другого как средства удовлетворения и безопасности — это не любовь. Любовь никогда не является безопасностью, любовь — это состояние, в котором нет никакого желания быть в безопасности, состояние уязвимости, то единственное состояние, в котором исключительность, вражда и ненависть являются невозможными. В том состоянии может возникнуть семья, но она не будет исключительной, замкнутой в себе.

«Но нам не известна такая любовь. Как же?..»

Хорошо осознавать пути собственного размышления. Внутреннее желание безопасности выражается внешне через исключение и насилие, и пока его процесс полностью не понят, не может быть никакой любви. Любовь — это не еще одно убежище в поисках безопасности. Желание безопасности должно полностью прекратиться, чтобы была любовь. Любовь — это не то, что можно вызвать принуждением. Любая форма принуждения, на любом уровне, является самым что ни на есть опровержением любви. Революционер с идеологией — не революционер вообще, он только лишь предлагает замену, иной вид безопасности, новую надежду, а надежда — это смерть. Одна любовь может вызывать радикальную революцию или преобразование в отношениях, но любовь не принадлежит уму. Мысль может планировать и формулировать великолепные строения из надежд, но мысль будет только вести к дальнейшему конфликту, беспорядку и нищете. Любовь — это когда отсутствует хитрость, замкнутость в себе ума.

«Размышление имеет для меня огромное значение, я медитировал регулярно два раза в день в течение больше чем двадцати пяти лет. Вначале это было очень трудно, у меня не получалось контролировать свои мысли и было слишком много отвлечений, но постепенно я избавлялся от них очень старательно. Все более и более я отдавал свое время и энергию ради конечной цели. Я побывал у различных учителей и следовал нескольким различным системам медитации, но так или иначе я никогда не был удовлетворен ни одним из них, возможно, „удовлетворение“ — не правильное слово. Они все вели к некой точке, в зависимости от особенностей системы, и я обнаружил, что становлюсь простым результатом системы, что и было конечной целью. Но благодаря всем этим экспериментированиям я научился полностью владеть своими мыслями, и мои эмоции также полностью под контролем. Я занимался глубоким дыханием, чтобы усмирить тело и ум. Я повторял священное слово и в течение длинных периодов постился, в нравственном отношении я был честен, и мирские вещи меня не привлекали. Но после всех этих лет борьбы и усилий, дисциплины и отречения нет покоя, о блаженстве которого говорят великие люди. В редких случаях возникали моменты озарения, глубокого экстаза, интуитивное обещание великого, но я, кажется, не способен прорваться сквозь иллюзию моего собственного ума, и я бесконечно оказываюсь у него в ловушке. Облако запутывающего отчаяния нависло надо мной и страдание увеличивается».

Мы сидели на берегу широкой реки, близко к воде. Город был вверх по реке, немного дальше. На другом берегу пел юноша. Солнце садилось позади нас, и на воду ложились тяжелые тени. Это был прекрасный, тихий вечер, со сгустками облаков на востоке, а глубокая река, казалось, едва текла. Ко всей этой распространенной всюду красоте он был совсем равнодушен, полностью поглощен своей проблемой. Мы умолкли, и он закрыл глаза, его строгое лицо было спокойно, но внутри шла интенсивная борьба. Стайка птиц устилась на краю воды, их крики, должно быть, доносились через реку, поскольку теперь прилетела еще одна стая с другого берега и присоединилась к ним. Была бесконечная тишина, охватывающая землю.

В течение всех этих лет вы когда-либо прекращали бороться за окончательный результат? Не порождают ли воля и усилие «я», и может ли процесс времени вести к вечному?

«Я никогда сознательно не прекращал бороться за то, к чему страстно стремится мое сердце, все мое бытие. Я не осмеливался остановиться, если бы я сделал это, я отстал бы, мое состояние ухудшилось бы. Это в самой природе всех вещей заложено стремиться вечно вверх, и без воли и усилия возник бы застой, без этой целеустремленной борьбы я никогда не смог бы выйти за пределы себя и подняться над самим собой».

Способно ли когда-либо «я» освободить себя от его собственной неволи и иллюзий? Не должно ли «я» прекратить быть, чтобы возникло безымянное? Разве это постоянное стремление к конечной цели только не усиливает эго, каким бы сконцентрированным ни было его желание? Вы боретесь за конечную цель, а другой стремится к мирским вещам, ваше усилие может быть более облагораживающим, но это все еще желание получить, не так ли?

«Я преодолел всякую страсть, всякое желание, кроме этого одного, что больше, чем желание, это — единственная вещь, ради которой я живу».

Тогда вы должны тоже умереть для нее, как вы мертвы для других страстных стремлений и желаний. Все эти годы борьбы и постоянного избавления от чего-то вы укрепляли себя в этой цели, но она все еще в пределах сферы «я». А вы хотите пережить не имеющее названия, что является для вас тоской, не так ли?

«Конечно. Без тени сомнения я хочу познать окончательный результат, я хочу испытать

бога».

Переживающий вечно обусловлен собственным опытом. Если переживающий знает, что он испытывает, то переживание — это результат его самоспроецированных желаний. Если вы осознаете, что испытываете бога, то тот бог — это проекция ваших надежд и иллюзий. Нет никакой свободы для переживающего, он навсегда пойман в ловушку его собственных опытов, он — породитель времени, и ему никогда не удастся испытать вечное.

«Вы хотите сказать, что то, что я старательно выпестовал со значительным усилием и через мудрый выбор, нужно разрушить? И должен ли я быть инструментом для его разрушения?»

Может ли «я» активно приступить к отречению от себя? Если оно так делает, его мотив, его намерение состоит в том, чтобы получить то, чем нельзя обладать. Какой бы ни была его деятельность, как бы благородна ни была его цель, любое усилие со стороны «я» все еще в пределах области его собственных воспоминаний, характерных особенностей и проекций, сознательных или подсознательных. «Я» может делить себя в органическое «я», и «не-я» или трансцендентальное эго. Но это дуалистическое разделение — иллюзия, на которую поймался ум. Каким бы ни было движение ума, «я», оно никогда не сможет освободить себя, это может переходить от уровня к уровню, от глупого до более интеллектуального выбора, но его движение будет всегда в пределах сферы его собственного творчества.

«Вы, кажется, отнимаете всякую надежду. Что же делать?»

Вы должны быть полностью лишены всего, должны остаться без груза прошлого или искушения обнадеживающего будущего, что вовсе не означает отчаяние. Если вы находитесь в отчаянии, нет никакой пустоты, никакой наготы. Вы не можете «делать» что-нибудь. Вы можете и должны быть спокойным, безо всякой надежды, тоски или желания, но вы не можете решиться быть спокойным, подавляя всю суету, поскольку в том самом усилии присутствует суета. Спокойствие — это не противоположность суеты.

«Но в моем нынешнем состоянии, что нужно сделать?»

Если можно так сказать, вы так стремитесь преуспеть, настолько нетерпеливы получить некое положительное руководство, что вы в действительности не слушаете.

Вечерняя звезда отразилась в умиротворенной реке.

//- * * * — //

Рано следующим утром он возвратился. Солнце только что показывалось над верхушками деревьев, и над рекой стоял туман. Судно с широкими парусами, тяжело нагруженное дровами, лениво плыло вниз по реке, и, кроме того, кто был у штурвала, все мужчины спали в разных частях судна. Оно было очень тихим, и ежедневные человеческие заботы на реке еще не начались.

«Несмотря на мое внешнее нетерпение и беспокойство, внутри я, должно быть, был внимателен к тому, что вы вчера говорили, поскольку, когда я проснулся этим утром, появилось некоторое чувство свободы и ясности, которая приходит с пониманием. Я проделал в течение часа свою обычную утреннюю медитацию перед восходом солнца, и я совсем не уверен, что мой ум не поймался на многочисленные разрастающиеся иллюзии. Можем мы продолжить, где мы остановились?»

Мы не можем начать точно с того, где закончили, но мы можем заново взглянуть на нашу проблему. И внутренний, и внешний ум непрерывно активен, получая впечатления. Оказавшись в ловушке своих воспоминаний и реакций, он являет собой совокупность многих желаний и конфликтов. Он функционирует только в пределах области времени, а в этой области существует противоречие, противостояние воли или желания, что является усилием. Эта психологическая деятельность «я», «меня» и «мой» должна прекратиться, поскольку такая деятельность вызывает проблемы и различные формы волнения и беспокойства. Но любое усилие остановить эту

деятельность только приводит к усилению деятельности и волнения.

«Это правда, я заметил это. Чем больше пытаешься усмирить ум, тем больше сопротивления возникает, и ваше усилие тратится на преодоление этого сопротивления, так что это становится порочным и нерушимым кругом».

Если вы осознаете зло от этого круга и понимаете, что вам не удастся сломать его, тогда с этим осознанием надсмотрщик, наблюдатель прекращает быть.

«Это, кажется, наиболее трудновыполнимая вещь: подавить наблюдателя. Я пробовал, но пока мне это никогда не удавалось. Как сделать это?»

Разве вы все еще не мыслите понятиями «я» и «не-я», не поддерживаете ли вы словом эту двойственность в пределах ума, постоянным повторением опыта и привычки? В конце концов, мыслитель и его мысль — это не два различных процесса, но мы делаем их такими, чтобы достичь желаемого результата. Надсмотрщик возникает с желанием. Наша проблема — не как подавить надсмотрщика, а понять желание.

«Должно быть, сущность, которая является способной к пониманию, состояние, которое отлично от невежества».

Сущность, которая говорит «я понимаю», является все еще в пределах области ума, это — все еще наблюдатель, надсмотрщик, не так ли?

«Конечно, так. Но я не вижу, как можно избавиться от этого наблюдателя. И возможно ли это?»

Давайте посмотрим. Мы говорили, что необходимо понять желание. Желание, может, и действительно делит себя на удовольствие и боль, мудрость и невежество, одно желание выступает, противопоставляется другому, более выгодные конфликты менее выгодным и так далее. Хотя по различным причинам оно может разделить себя, фактически желание — это неделимый процесс, не так ли?

«Это трудно уловить. Я так привык противопоставлять одно желание другим, привык к подавлению и преобразованию желания, что я не могу пока еще полностью осознать желание как единый, объединенный процесс. Но теперь, когда вы указали мне это, я начинаю чувствовать, что это так».

Желание может разбить себя в многочисленные противопоставленные и противоречивые убеждения, но это все еще желание. Эти многочисленные убеждения будут составлять «я» с его воспоминаниями, тревогами, опасениями и так далее, и вся деятельность этого «я» — в пределах области желания, у него нет никакой другой сферы деятельности. Это так, верно?

«Пожалуйста, продолжайте. Я слушаю всем своим существом, пробуя проникнуть за пределы слов, глубоко и без усилия».

Тогда наша проблема вот в чем: действительно ли возможно для деятельности желания добровольно завершиться, свободно, без всякой формы принуждения? Именно только когда это происходит, ум может быть тихим. Если вы осознаете это как факт, приходит ли конец деятельности желания?

«Только на очень короткий период, тогда снова начинается обычная деятельность. Как ее можно остановить?.. Но как только я спрашиваю, я вижу нелепость выяснения!»

Вы видите, насколько жадны мы, мы вечно хотим все больше и больше. Требование прекращения «я» становится новой деятельностью «я», но это не новое, это просто другая форма желания. Только когда ум спонтанно успокаивается, может возникнуть другое, то, что не от ума.

Природа желания

Это был спокойный вечер, но на озере было много белых парусников. На далеком расстоянии заснеженная горная вершина повисла, как если бы временно отстраненная от небес. Вечерний бриз с северо-востока еще не дул, но к северу на воде возникла рябь, и большее количество судов выходило в плаванье. Вода была очень синей, а небо было очень ясным. Это было широкое озеро, но в солнечные дни можно было видеть город на другой стороне. В этом небольшом заливе, изолированном и забытом, было очень умиротворенно, не было никаких туристов, и пароходы, которые ходили по озеру, никогда не прибывали сюда. Поблизости была деревня рыбаков, и поскольку погода обещала быть ясной, маленькие лодки с фонарями занимались рыбной ловлей до поздней ночи. В очаровании вечера готовились сети и лодки. Долины были в глубокой тени, но горы все еще провожали солнце.

Мы шли пешком некоторое время и сели у тропинки, так как он пришел, чтобы поговорить. «Насколько я могу помнить, у меня был бесконечный конфликт, главным образом внутри меня самого, хотя иногда он и проявляется внешне. Меня не очень-то волнует внешний конфликт, поскольку я научился приспособливаться к обстоятельствам. Это приспособление все же было болезненно, поскольку меня не просто убедить или довести надо мной. Жизнь была трудной, но я достаточно успешен, чтобы хорошо зарабатывать. Все это не проблема для меня. Чего мне не удается понять, так это внутренний конфликт, который я не способен контролировать. Я часто просыпаюсь в середине ночи из-за страшных снов, и кажется, нет минуты покоя от моего конфликта. Он происходит даже во время ежедневных дел и часто разрастается при более близких взаимоотношениях».

Что вы подразумеваете под конфликтом? Какова его природа?

«Внешне я довольно-таки деловой человек, и моя работа требует концентрации и внимание. Когда мой ум таким образом занят, мои внутренние конфликты забываются, но как только появляется затишье в работе, я вновь оказываюсь в своих конфликтах. Эти конфликты имеют свойство изменяться и на различных уровнях. Я хочу добиться успеха в своей работе, быть на вершине своей профессии, иметь много денег и всего остального, и я знаю, что могу быть таким. На другом уровне, я осознаю глупость моей амбиции. Мне нравятся все хорошие вещи в этой жизни, и в противовес этому, я хочу вести простое, почти аскетическое существование. Я ненавижу несколько человек, и все же я хочу забыть и простить. Я могу продолжать приводить вам примеры, но уверен, что вы можете понять природу моих конфликтов. Инстинктивно я мирный человек, все же легко вхожу в ярость. Я очень здоров, что может быть неудачей, по крайней мере в моем случае. Внешне я создаю вид, будто спокоен и стабилен, но я взволнован и сбит с толку моими внутренними конфликтами. Мне уже далеко за тридцать, и я по-настоящему хочу прорваться сквозь неразбериху из-за собственных желаний. Понимаете, другой моей трудностью является то, что я нахожу почти невозможным с кем-либо поговорить об этом. Это первый раз за много лет, когда я немного открылся. Я не скрытен, но испытываю крайне неприятное чувство, когда говорю обо мне самом, и так же я совершенно не могу поговорить с любым психологом. Зная все это, можете ли вы сказать мне, возможно ли для меня обрести некоторую внутреннюю ясность?»

Вместо попытки покончить с конфликтом, давайте посмотрим, можем ли мы понять это скопление желаний. Наша проблема состоит в том, чтобы понять природу желания, а не просто, чтобы преодолеть конфликт, поскольку именно желание вызывает конфликт. Желание стимулируется ассоциацией и воспоминанием, память — это часть желания. Воспоминание о

приятном и неприятном лелеет желание и разбивает его на противопоставленные и противоречащие желания. Ум отождествляет себя с приятным в противоположность неприятному, через выбор боли и удовольствия ум разделяет желание, подразделяя его на разные категории стремлений и ценностей.

«Хотя существует много противоречащих и противопоставленных желаний, все желания — это одно целое. Так ли это?»

Это так, а разве нет? И, действительно, важно понять это, иначе конфликт между противостоящими желаниями бесконечен. Двойственность желания, которую породил ум, является иллюзией. Нет никакой двойственности в желании, а лишь различные типы желания. Двойственность есть только между временем и вечностью. Наша задача в том, чтобы увидеть нереальность двойственности желания. Желание действительно делит себя на «хочу» и «не хочу», но предотвращение одного и преследования другого — это все еще желание. Нет никакого спасения от конфликта с помощью любой из противоположностей желания, так как само желание порождает его собственную противоположность.

«Я довольно-таки неясно понимаю, что то, о чем вы говорите, — это факт, но факт в том, что я все еще разрываюсь между многочисленными желаниями».

Да, все желания являются одним и тем же, и мы не можем изменить этот факт, манипулировать им, чтобы он подходил для нашего удобства и удовольствия, или же использовать его как инструмент для освобождения себя от конфликтов желания. Но если же мы поймем, что это истинно, тогда во власти этого будет освободить ум от порождения иллюзий. Так что нам надо осознать желание, распадающееся на отдельные и противоречивые части. Мы есть эти противопоставленные и противоречивые желания, мы — целая связка из них, каждое тянет нас в разном направлении.

«Да, но что мы можем поделать с этим?»

Не поймав в первую очередь проблеск желания как единого явления, что бы мы делали или не делали, все будет иметь очень небольшое значение, поскольку желания только умножают желание, и ум оказывается в ловушке этого противоречия. Свобода от конфликта возникает только тогда, когда желание, которое составляет «я» с его воспоминаниями и узнаваниями, приходит к концу.

«Когда вы говорите, что конфликт прекращается только с прекращением желания, это подразумевает конец активной жизни».

Может, да, а, может, нет. Это глупо с нашей стороны размышлять относительно того, какой будет жизнь без желания.

«Вы, конечно, не имеете в виду, что естественные потребности должны прекратиться».

Естественные потребности принимают форму и разрастаются благодаря психологическим желаниям, мы и говорим об этих желаниях.

«Можно ли глубже вникнуть в функционирование этих внутренних стремлений?»

Желания являются и открытыми, и скрытыми, сознательными и тайными. Скрытые имеют намного большее значение, чем явные, но мы не можем ознакомиться с более глубокими, если не понять и не приручить поверхностные. Не то, чтобы сознательные желания нужно подавлять, возвеличивать или придавать форму согласно любому образцу, но их необходимо наблюдать и усмирять. С усмирением поверхностного возбуждения возникает возможность для более глубоких желаний, мотивов и намерений выплыть на поверхность.

«Как же утихомирить поверхностное возбуждение? Я понимаю важность того, что вы говорите, но я не совсем понимаю, как подойти к этой проблеме, как поэкспериментировать с ней».

Экспериментатор неотделим от того, с чем он экспериментирует. Нужно понять суть этого.

Вы, экспериментирующий с вашими желаниями, не являетесь сущностью, отделенной от этих желаний, не так ли? «Я», которое говорит: «Я подавлю это желание и получу удовольствие от этого», само есть результат всякого желания, не так ли?

«Чувствую, что это так, но по-настоящему осознать это, весьма другое дело».

Если, как только возникает любое желание, происходит понимание его сути, то наступает освобождение от иллюзии экспериментатора как отделенной сущности, не связанной с желанием. Пока «я» из кожи вон лезет, чтобы освободиться от желания, оно только лишь усиливает желание в другом направлении, таким образом увековечивая конфликт. Если происходит понимание этого факта от мгновения до мгновения, воля надсмотрщика прекращает быть. И когда переживающий есть переживаемое, тогда вы обнаружите, что желанию с его многочисленными варьирующимися противоречиями приходит конец.

«Поможет ли все это обрести более спокойную и более полную жизнь?»

Конечно же, не по началу. Это, наверняка, пробудит больше тревог, и вероятно, придется сделать более глубокое приспособление, но чем глубже и шире вы проникните в эту сложную проблему желания и конфликта, тем проще она станет.

Дорога перед домом спускалась к морю, прокладывая свой путь мимо множество маленьких магазинов, многоквартирных домов, гаражей, храмов и мимо пыльного, заброшенного сада. Когда она достигала моря, то превращалась в большую проезжую часть, с такси, грохочущими автобусами и всем тем шумом современного города. Уходя прочь с этой проезжей части, вы попадали на мирную, укрытую авеню с нависавшими огромными тропическими деревьями, но утром и вечером она была заполнена автомобилями, направлявшимися к шикарному клубу, с полем для гольфа и прекрасными садами. Когда я шел по этой авеню, мне встречались различные типы нищих, которые лежали на тротуаре, они не шумели и даже не протягивали свои руки прохожим. Девочка приблизительно десяти лет лежала головой на консервной банке, отдыхая с широко открытыми глазами. Она была грязной, со спутанными волосами, но улыбнулась, когда я улыбнулся ей. Чуть дальше с протянутой рукой и очаровывающей улыбкой подошла трехлетняя девочка. Мать наблюдала из-за близлежащего дерева. Я взял ее протянутую руку, и мы прошли вместе несколько шагов, и я вернул ее матери. Так как у меня не было монеты, на следующий день я возвратился с одной, но маленькая девочка не стала ее брать, она хотела поиграть, так что мы играли, и монета досталась матери. Всякий раз, когда я шел по той авеню, маленькая девочка была всегда там, с застенчивой улыбкой и блестящими глазами.

Напротив входа в фешенебельный клуб на земле сидел нищий. Он был укрыт грязным мешком из рогожи, и его спутанные волосы были полны пыли. В некоторые дни, когда я проходил мимо, он, было, лежал головой в пыли, его голое тело прикрывал мешок из рогожи, а в другие дни он сидел, совершенно спокойный, приподнявшись, смотрел, не видя, а над ним нависали массивные тропические деревья. Одним вечером в клубе состоялось веселье, он был весь освещен, и блестящие автомобили, полные смеющихся людей, подъезжали к нему, сигналив. Из клуба доносилась быстрая музыка, громкая и заполняющая воздух. Было много полицейских у входа, где собралась большая толпа, чтобы наблюдать, как шикарно одетые и хорошо питающиеся люди проезжали в своих автомобилях. Нищий повернулся спиной ко всему этому. Какой-то мужчина предложил ему что-то съестное, а другой сигарету, но он молча отказался от того и другого, не пошевелившись. Он медленно умирал, день ото дня, а мимо проходили люди.

Те тропические деревья казались массивными и фантастической формы на фоне темнеющего неба. У них были очень маленькие листья, но их ветви казались огромными, и им было присуще удивительное величие и отчужденность в том переполненном городе из шума и боли. Но там было море, постоянно движущееся, беспокойное и бесконечное. Виднелись белые паруса, простые пятнышки в той бесконечности, и на танцующих водах луна сделала дорожку из серебра. Насыщенная красота земли, отдаленных звезд и бессмертного человечества. Неизмеримая необъятность, казалось, охватывала все вещи.

Он был молодежником человеком и приехал из другой части страны, утомительную поездку. Он дал клятву не жениться, пока не найдет значение и смысл жизни. Решительный и агрессивный, он работал в каком-то офисе. Взяв отпуск на некоторый период, чтобы попытаться найти ответ на свой вопрос. Его ум был постоянно занят и спорил, и был так охвачен его собственными ответами и ответами других людей, которых он вряд ли послушает. Ему не удавалось быстро подобрать слова, и он бесконечно цитировал то, что сказали философы и учителя о смысле жизни. Он был измучен и глубоко обеспокоен.

«Без знания смысла жизни все мое существование не имеет никакого значения, и всякое мое действие разрушительно. Я зарабатываю на жизнь только, чтобы продержаться, я страдаю, и

меня ждет смерть. Это способ жизни, но каков смысл этого всего? Я не знаю. Я побывал у ученых и различных гуру, некоторые говорят одно, некоторые другое. Что скажете вы?»

Вы спрашиваете, чтобы сравнить то, что скажется здесь, с тем, что сказано в другом месте?

«Да. Тогда я смогу выбрать, и мой выбор будет зависеть от того, что я посчитаю истинным».

Вы думаете, что понимание того, что является истинным, — это вопрос личного мнения и зависит от выбора? С помощью выбора обнаружите ли вы то, что истинно?

«Как же еще можно обнаружить реальное, если не через умение разбираться, через выбор? Я буду слушать вас очень внимательно, и если то, что вы скажете, будет импонировать мне, я отклоню все то, что другие сказали, и построю свою жизнь согласно цели, которую вы установили. Я совершенно искренен в своем желании выяснить то, в чем истинный смысл жизни».

Сэр, перед продвижением дальше, не важно ли спросить себя, способны ли вы к поиску истинного? Это предложено с уважением, а не в духе уничижения. Действительно ли истина — это дело мнения, удовольствия, удовлетворения? Вы говорите, что вы примете то, что вам будет импонировать, что означает, что вы не заинтересованы в истине, а в том, что, вы считаете, принесет больше удовольствия. Вы готовы пройти через боль, через принуждение, чтобы получить то, что в конце доставит удовольствие. Вы ищете удовольствие, не истину. Истина — это должно быть что-то вне «нравится» и «не нравится», разве не так? Смирение должно быть началом всякого поиска.

«Именно поэтому я приехал к вам, сэр. Я действительно ищу, я обращаюсь к учителям, чтобы узнать, что является истинным, и я буду следовать за ними в духе смирения и покаяния».

Следовать означает отрицать смирение. Вы следуете, потому что желаете преуспеть, получить результат. Амбициозный человек, какой бы тонкой и скрытой не была бы его амбиция, никогда не является смирившимся. Устремиться за авторитетом и установить его для себя в качестве руководящего принципа означает уничтожить озарение, понимание. Преследование идеала мешает смирению, поскольку идеал — это прославление «я», эго. Как может тот, кто различными способами придает важность «я», когда-либо быть смиренным? Без смирения никогда не может быть действительности.

«Но вся моя забота по прибытию сюда в том, чтобы выяснить, каков же истинный смысл жизни».

Если позволите так сказать, вы просто в ловушке идеи, и вы становитесь зациклены на ней. Это то, к чему нужно быть постоянно внимательным. Желая знать истинной смысл жизни, вы прочли многих философов и разыскали многих учителей. Одни говорят это, другие говорят то, а вам хочется знать истину. Теперь же, вы хотите знать истину того, что они говорят, или истину вашего собственного исследования?

«Когда вы задаете прямой вопрос подобно этому, я немного колеблюсь в своем ответе. Есть люди, которые изучили и испытали больше, чем я когда-либо смогу, и это было бы абсурдным самообманом с моей стороны — отбросить, что они говорят, что может помочь мне раскрыть значение жизни. Но каждый говорит согласно его собственному опыту и пониманию, и иногда они противоречат друг другу. Марксисты говорят одну вещь, а религиозные люди говорят совершенно другое. Пожалуйста, помогите мне найти суть всего этого».

Понимать ложное как ложное и истину в ложном, а истинное как истинное нелегко. Чтобы ясно воспринимать, должна быть свобода от желания, которое вертит умом и создает условия. Вы так стремитесь найти истинное значение жизни, что само ваше рвение становится помехой для понимания вашего собственного любопытства. Вы хотите знать истину того, что вы прочитали и о чем рассказали ваши учителя, не так ли?

«Да, совершенно точно».

Тогда вы сами должны быть способны выяснить, что является истинным во всех этих утверждениях. Ваш ум должен быть способен к прямому восприятию, если он не способен, тогда он заблудится в джунглях идей, мнений и верований. Если ваш ум не имеет способности видеть то, что истинно, вы будете подобно листку, подхваченному ветром.

Что является важным, это не умозаключения и утверждения других, кем бы они ни были, чтобы вы имели понимание того, что является истинным. Разве не это наиболее существенно?

«Думаю, что да, но как же мне получить этот дар?»

Понимание — это не дар, припасенный для немногих, оно приходит к тем, кто искренен в своем самопознании. Сравнение не вызывает понимание, сравнение — это другая форма отвлечения, поскольку осуждение — это уклонение. Чтобы возникла истина, ум не должен сравнивать, оценивать. Когда ум сравнивает, оценивает, он не спокоен, он занят. Занятый ум не способен к ясному и простому восприятию.

«Означает ли это тогда, что я должен избавиться себя от всех ценностей, которые я взрастил, знаний, которые я накопил?»

Разве не должен быть ум свободным, чтобы совершать открытия? Разве знания, информация — умозаключения и опыты собственные и других, это огромное накопленное бремя памяти, — приносит свободу? Есть ли свобода, пока существует надсмотрщик, который судит, осуждает, сравнивает? Ум никогда не молчит, если он всегда приобретает и рассчитывает, а не должен ли ум быть спокойным, чтобы возникла истина?

«Я понимаю это, но разве вы не слишком много требуете от простого и невежественного ума подобно моему?»

Это вы-то просты и невежественны? Если бы вы действительно были таким, это было бы огромное удовольствие начать с истинного исследования, но, к сожалению, вы не такой. Мудрость и истина приходят к человеку, кто честно говорит: «Я невежа, я не знаю». Простые, невинные, а не те, кто обременен знанием, увидят свет, потому что они скромны.

«Я хочу только одного: узнать истинный смысл жизни, а вы забрасываете меня вещами, которые недоступны для меня. Не могли бы вы, пожалуйста, сообщить мне простыми словами, в чем же истинное значение жизни?»

Сэр, вы должны начать с близлежащего, чтобы пойти далеко. Вы хотите огромного, не видя то, что рядом. Вы хотите узнать значение жизни. Жизнь не имеет никакого начала и никакого конца, это одновременно и смерть, и жизнь, это зеленый лист и увядший листок, уносимый ветром, это любовь и ее неизмеримая красота, это печаль одиночества и блаженство уединения. Это нельзя измерить, не может и ум обнаружить это.

На горячей скале под палящим солнцем женщины из деревни раскладывали необработанный рис, который хранился на складе. Они принесли огромные связки его к плоской, с уклоном, скале, и два вола, которые были привязаны к дереву, теперь наступали на рис, чтобы выдавить зерно. Долина была вдали от всякого города, и огромные тамариндовые деревья давали глубокие тени. Через долину пыльная дорога пролегла до деревни и за ее пределы. Коровы и бесчисленные козы покрыли склоны. Рисовые поля были глубоко в воде, и белые рисовые птицы перелетали на ленивых крыльях от одного поля к другому. Они казались бесстрашными, но были застенчивы и не позволили бы кому-то приблизиться к ним. Манговые деревья начинали цвести, а река со своей чистой бегущей водой создавала веселый шум. Это была приятная местность, и все же бедность нависала над всем этим подобно чуме. Добровольная бедность — это одно, но вынужденная бедность — это совсем другое. Сельские жители были бедны и болезненны, и хотя теперь существовала медицинская амбулатория, и продовольствие было распределено, но ущерб, вызванный столетиями лишений, нельзя было стереть за несколько лет. Голодание — это не проблема одного сообщества или одной страны, а целого мира.

Вместе с заходящим солнцем с востока пришел нежный бриз, а от холмов веяло силой. Эти холмы были небольшими, но достаточно высокими, чтобы придавать воздуху мягкую прохладу, столь отличавшуюся от равнин. Звезды, казалось, свисали вниз очень близко к холмам, а иногда можно было услышать кашель леопарда. Тем вечером свет позади темнеющих холмов, казалось, придавал большее значение и прелесть всем до единого. Когда вы сидели на мосту, сельские жители, идущие мимо домой, внезапно прекращали говорить, и возобновляли свою беседу только, когда исчезали в темноте. Видения, которые ум способен вызывать, настолько пусты и глупы, но когда ум не занят строительством из его собственных материалов — памяти и времени — возникает то, что не имеет названия.

Телега с волом, с горящим фонарем, приближалась по дороге, каждая часть закрепленного сталью колеса медленно касалась твердой земли. Извозчик спал, но волы знали свой путь домой, они прошли мимо, а затем также были поглощены темнотой. Стало очень тихо. Вечерняя звезда была прямо на холме, но вскоре и она исчезнет из вида. Вдали кричала сова, и все до одного в мире ночных насекомых были оживлены и заняты. Но все же неподвижность не нарушалась. Она все содержала в себе: звезды, одинокую сову, бесчисленных насекомых. Если прислушиваешься к ней, то теряешь ее, но если принадлежишь, она приветствует тебя. Наблюдающий никогда не может иметь эту неподвижность, он посторонний, смотрящий в нее, но он не принадлежит ей. Наблюдающий только переживает, он никогда не является переживаемым, непосредственно самим явлением.

Он путешествовал по всему миру, знал несколько языков и был профессором и дипломатом. В своей юности он побывал в Оксфорде и, совершив довольно напряженный жизненный путь, ушел на пенсию до наступления положенного возраста. Ему была знакома западная музыка, но он любил больше всего музыку своей собственной страны. Он изучал различные религии, и был под особым впечатлением от буддизма, но в конце концов, добавил он, избавился от их суеверий, догм и ритуалов, по сути, все они твердили об одном и том же. Некоторым из ритуалов была присуща красота, но финансовые вопросы и приукрашенность овладели большинством религий, а сам он был свободен от всех ритуалов и догматических преувеличений. Он немного занимался передачей мыслей на расстоянии и гипнозом и был ознакомлен с ясновидением, но никогда не рассматривал их как саму по себе цель. Можно было

развивать расширенные способности к наблюдению, больший контроль над любимым вопросом и так далее, но все это казалось ему довольно-таки примитивным и очевидным. Он принимал некоторые наркотики, включая самые новейшие, которые на некоторое время давали ему интенсивность восприятия и переживания сверх поверхностных ощущений. Но он не придавал большую важность этим опытам, поскольку они никоим образом не показывали значение этого, то, что он чувствовал, было вне всех эфемерных вещей.

«Я попробовал различные виды медитации, — сказал он, — и на целый год отошел от всякой деятельности, чтобы побыть одному и медитировать. В разное время я читал то, что вы говорите относительно медитации, и был очень поражен этим. Прямо с детского возраста само слово „медитация“, или его эквивалент на санскрите, производило очень странное впечатление на меня. Я всегда находил необыкновенную прелесть и восхищение в медитации — это одна из немногих вещей в жизни, которыми я действительно наслаждался, если можно использовать такое слово по отношению к столь глубокой вещи как медитация. То удовольствие не покидало меня, а усилилось и расширилось с годами, и то, что вы сказали о медитации, открыло новое блаженство для меня. Я не хочу спрашивать у вас о медитации что-нибудь еще, потому что я читал почти все, что вы до этого сказали о ней, но мне хотелось бы поговорить с вами, если можно, о случае, который произошел совсем недавно».

Он сделал паузу на мгновение, а затем продолжил.

«Из того, что я вам сказал, вы поняли, что я не тот человек, который создает символические образы и поклоняется им. Я тщательно избегал всякого отождествления с выдуманной религиозными концепциями или понятиями. Каждый читал или слышал, что некоторые из святых, или, по крайней мере, некоторые из тех, кого люди называли святыми, имели видение Кришны, Христа, Мать как Кали, девы Марии и так далее. Я могу понять, как легко можно было загипнотизировать себя с помощью веры и вызвать определенное видение, которое могло бы радикально изменить поведение в жизни. Но я не желаю быть под гнетом любого заблуждения, и, сказав все это, я хочу описать кое-что, что случилось несколько недель назад.

Наша группа из нескольких человек довольно часто встречалась, чтобы поговорить о серьезном, и однажды вечером мы довольно-таки горячо обсуждали удивительное сходство между коммунизмом и католицизмом, когда внезапно в комнате появилась сидящая фигура в желтой одежде и с бритой головой. Я сильно испугался. Я протер свои глаза и посмотрел на лица моих друзей. Они совершенно не обращали внимания на фигуру и были так заняты обсуждением, что не заметили моего молчания. Я встряхнул головой, покашлял и снова потер глаза, но фигура была все еще там. Я не могу передать вам, какое прекрасное лицо у нее было, его красота было не просто из-за формы, а из-за чего-то бесконечно большего. Я не мог оторвать своих глаз от того лица, и, поскольку это было слишком много для меня, и я не желал, чтобы мои друзья заметили мое молчание и мое поглощенное удивление, я встал и вышел на веранду. Ночной воздух был освежающ и холоден. Я походил туда-сюда и снова вошел. Они все еще разговаривали, но атмосфера в комнате изменилась, а фигура была все еще там, где и прежде, усевшись на полу, с ее необыкновенной, чисто выбритой головой. Я не мог продолжать обсуждение, и через время все мы разошлись. Когда я шел домой, фигура пошла передо мной. Это было несколько недель назад, и она все еще не оставляет меня, хотя и утратила то могущественное внутреннее качество. Когда я закрываю глаза, она здесь, и кое-что очень странное случилось со мной. Но прежде, чем я перейду к этому, что значит мое переживание? Является ли это самопроекцией из подсознательного прошлого, без моего осознания и сознательной воли, или это что-то полностью не зависящее от меня, не имеющее отношения к моему сознанию? Я много размышлял над этим вопросом, но оказался не способен обнаружить его суть».

Теперь, когда вы получили такой опыт, ценен ли он для вас? Действительно ли это важно для вас, если можно поинтересоваться, и уцепились ли вы за него?

«В некотором роде, предполагаю, что да, если отвечать честно. Это дало мне творческий подъем, не то, чтобы я пишу поэмы или рисую, но это переживание вызвало глубокое чувство свободы и умиротворения. Он ценен для меня, потому что вызвал глубокое преобразование внутри меня. Несомненно, он жизненно важен для меня, и я не терял бы его любой ценой».

Вы не боитесь ее потери? Вы сознательно преследуете ту фигуру, или же это — бессмертное существо?

«Я предполагаю, что опасаясь ее потери, потому что я постоянно размышляю о той фигуре и всегда использую ее, чтобы вызвать желанное состояние. Я никогда прежде не думал об этом таким образом, но теперь, когда вы спрашиваете, я понимаю то, что делаю».

Действительно ли это живая фигура или же память о сущности, которая пришла и ушла?

«Я почти боюсь отвечать на этот вопрос. Пожалуйста, не считайте меня сентиментальным, но это переживание очень многое значит для меня. Хотя я и пришел сюда, чтобы поговорить с вами об этом вопросе и понять его суть, теперь же я чувствую себя довольно неуверенно и не желаю его исследовать, но я должен. Иногда это живая фигура, но чаще всего это воспоминание прошлого переживания».

Вы видите, насколько важно сознавать то, что есть, и не оказаться пойманным в ловушку того, что хотелось бы. Легко создать иллюзию и жить в ней. Давайте терпеливо вникнем в проблему. Жить прошлым, как бы ни было оно приятно, поучительно, предотвращает переживание того, что есть. То, что есть, вечно ново, а ум обнаруживает, что это чрезвычайно трудно и утомительно не жить тысячами дней вчерашних. Из-за того, что вы цепляетесь за это воспоминание, вы отклоняете живое переживание. Прошлое имеет окончание, а жизнь вечна. Память о той фигуре очаровывает вас, вдохновляет вас, придавая вам ощущение облегчения, это мертвое, дающее жизнь живому. Большинство из нас никогда не знает, что значит жить, потому что мы живем мертвым.

Могу я заметить, сэр, что предчувствие потери чего-то очень драгоценного вползло в вас. В вас возник страх. Из-за одного этого опыта вы привнесли в жизнь несколько проблем: жадность, страх, бремя опыта и пустоту вашего собственного бытия. Если ум сможет освободить себя от всех побуждений впитывать в себя с жадностью, то переживание получит совершенно иное значение, и тогда страх полностью исчезнет. Страх — это тень, а не явление само по себе.

«Я действительно начинаю понимать, что я делал. Я не оправдываю себя, но поскольку опыт был напряженным, таким же было и желание удержать его. Как трудно не пойматься в ловушку глубокого эмоционального опыта! Память об опыте так заманчиво убедительна, как сам опыт».

Наиболее трудно отличать переживание настоящего и память, не так ли? Когда переживание становится памятью, прошлым? В чем скрыто тонкое различие? Вопрос ли это времени? Времени нет, когда есть переживание настоящего. Каждый опыт становится движением в прошлое, настоящее, состояние переживания, неощутимо перетекает в прошлое. Каждый переживаемый сейчас момент секундой позже становится памятью, прошлым. Это процесс, который всем нам знаком, и, кажется, это неизбежно. Но так ли это?

«Я с интересом слушаю, как вы раскрываете проблему, и я больше чем восхищен тем, что вы говорите об этом, потому что я осознаю себя только как ряд воспоминаний, на любом уровне моего бытия. Я — это память. Возможно быть, существовать в состоянии переживания? Это именно то, что вы спрашиваете, не так ли?»

Слова имеют тонкие значения для всех из нас, и если на мгновение мы сможем пойти за

пределы этих ссылок и их реакций, возможно, мы доберемся до истины. У большинства из нас переживание всегда становится памятью. Почему? Не является ли это постоянной деятельностью ума принимать или поглощать, или отталкивать, или отрицать? Разве он не держится за то, что радостно, поучающе, существенно и не пытается устранить все, что не является полезным для него? И может ли он когда-либо быть без этого процесса? Конечно, это напрасный вопрос, как мы выясним в самой постановке его.

Теперь давайте пойдём далее. Это активное или пассивное накопление, этот процесс оценки ума становится цензором, наблюдателем, переживающим, думающим, эго. В момент переживания переживающего нет, но переживающий возникает, когда начинается выбор, то есть когда проживание момента закончено и начинается накопление. Жадно впитывающее побуждение заслоняет проживание, переживание, делая из этого прошлое, память. Пока есть наблюдатель, переживающий неизбежно будет жаждать вобрать процесс накопления в себе, пока есть отделенная сущность, которая наблюдает и выбирает, пережитое всегда будет процессом становления. Бытие или переживание возникает, когда отделенной сущности нет.

«Как отделенной сущности прекратить быть?»

Почему вы задаете этот вопрос? «Как» — это новый способ приобретения. Мы теперь обеспокоены приобретением, а не тем, как достичь освобождения от нее. Свобода от чего-то никакая не свобода вообще, это реакция, сопротивление, которое только порождает дальнейшее противостояние. Но давайте возвратимся к вашему первоначальному вопросу. Была ли фигура вашей собственной проекцией, или же она возникала без вашего влияния? Была ли она независима от вас? Сознание — сложное дело, и было бы глупо дать определенный ответ, не так ли? Но можно понять, что узнавание основано на создании условий для ума. Вы изучили буддизм, и, поскольку вы сказали, что он впечатлил вас больше, чем любая другая религия, поэтому произошел процесс создания условий. Те созданные условия, возможно, спроецировали фигуру, даже притом, что сознательное мышление было занято совсем другим вопросом. Также, ваш ум, стал острым и чувствительным из-за образа вашей жизни и из-за обсуждений, которые вы вели с вашими друзьями, возможно, вы «видели» мысль, одетую в форму буддиста, как кто-то другой мог бы «видеть» ее в христианской одежде. Но была ли она самоспроецированной или какой-то другой, это не жизненно важно, не так ли?

«Возможно, и нет, но она мне многое показала».

Правда? Она не показала вам работу вашего собственного ума, и вы стали пленником того опыта. Любой опыт приобретает значение, когда с ним приходит самопознание, которое является единственным освобождающим или объединяющим фактором, но без самопознания опыт — это бремя, ведущее ко всякого рода иллюзиям.

Эта проблема любви

Маленькая утка плыла вверх по широкому каналу, словно корабль под парусами, одинокая и полная «крякающей» важности. Канал изгибался туда-сюда через город. В поле зрения не было никаких других уток, но эта одна создавала достаточно шума, за нескольких уток. Немногие, кто слышал ее, не обращали никакого внимания, но это не имело значения для утки. Она не была испугана, а чувствовала себя очень видной персоной на том канале, он принадлежал ей. За городом сельская местность была прекрасной, с зелеными пастбищами и откормленными черно-белыми коровами. На горизонте повисли массы облаков, а небо казалось низким, близким к земле, с тем особым светом, который имеется, кажется, только в этой части мира. Земля была столь же плоской, как чья-то ладонь, и дорога поднималась только, чтобы преодолеть мосты, которые пересекали высокие каналы. Это был прекрасный вечер, солнце садилось над Северным морем, а облака вбирали краски садящегося солнца. Большие полосы света, синего и розового, струились через небо.

Она была женой известного человека, который вращался где-то высоко в правительственных кругах, почти на самом верху, но не совсем. Хорошо одетая и со спокойным поведением, при ней была та специфическая атмосфера власти и богатства, уверенность того, кто долго приучался к повиновению и исполнительности. Из одной или двух вещей, сказанных ею, было очевидно, что ее муж имел мозги, а она была управляющим. Вместе они поднялись высоко, но как только гораздо большая власть и положение были почти у них в руках, он безнадежно заболел. В этом пункте в ее рассказе она едва могла продолжать, а по ее щекам катились слезы. Она вошла улыбающаяся, с уверенностью, но это быстро исчезло. Отвернувшись, она какое-то время молчала, а потом продолжила.

«Я прочла некоторые из ваших бесед и посетила одну или две из них. Пока я слушала вас, то, что вы говорили, многое значило для меня. Но все это быстро улетучивается из головы, и теперь, когда у меня действительно большая неприятность, я подумала, что поеду и встречусь с вами. Я уверена, что вы понимаете то, что случилось. Мой муж смертельно болен, и все, ради чего мы жили и работали, распадается на кусочки. Партия и ее деятельность продолжат существовать, но... Хотя у нас есть медсестры и доктора, я забочусь о нем сама, и в течение месяцев я так мало спала. Я не смогу перенести его потерю, хотя доктора говорят, что есть небольшой шанс выздоровления. Я думала и думала над всем этим, и меня почти тошнит от беспокойства. У нас нет детей, как вы знаете, и мы много значили друг для друга. А теперь...»

Вы действительно хотите поговорить серьезно и проникнуть в суть вещей?

«Я чувствую себя настолько отчаянно и потерянно, что не верю, что способна на серьезное размышление, но я должна прийти к определенной ясности внутри себя самой».

Вы любите вашего мужа или вы любите вещи, которые приобрели через него?

«Я люблю...» Она была слишком потрясена, чтобы продолжить.

Пожалуйста, не считайте мой вопрос жестоким, но вам придется найти истинный ответ на него, иначе печаль всегда будет с вами. В раскрытии сути этого вопроса может быть открытие, что такое любовь.

«В моем нынешнем состоянии я не могу думать обо всем этом».

Но разве эта проблема любви не промелькнула у вас в уме?

«Однажды, возможно, но я быстро ушла от этого. У меня всегда было так много дел, прежде чем он заболел, а теперь, конечно же, всякое размышление — это боль. Неужели я любила его из-за положения и власти, которые пришли вместе с ним, или же я просто любила его? Я уже говорю о нем, как если бы его не было! Я действительно не знаю, каким образом я его люблю. В

настоящее время я слишком сбита с толку, и мой мозг отказывается работать. Если можно, я хотела бы вернуться в другой раз, возможно, после того, как я приму неизбежное».

Если можно напомнить, принятие — это также форма смерти.

//- * * * — //

Прошло несколько месяцев прежде, чем мы встретились снова. Газеты были полны новостей о его смерти, а затем о нем тоже забыли. Его смерть оставила отпечатки на ее лице, и вскоре горечь и негодование проявили себя в ее речи.

«Я не говорила ни с кем о своих переживаниях, — объяснила она. — Я просто отошла от всей моей прошлой деятельности и похоронила себя в деревне. Это было ужасно, и, надеюсь, что вы не будете возражать, если я просто немного поговорю. Всю свою жизнь я была чрезвычайно амбициозна, и перед свадьбой баловалась всеми видами полезных общественных работ. Вскоре после того, как я вышла замуж, в значительной степени из-за моего мужа я оставила все пустые вздоры общественных работ и погрузилась всем сердцем в политику. Это сфера борьбы была намного шире, и я наслаждалась каждой минутой: верхи и низы, интриги и зависть. Мой муж был блестящ со своим спокойным подходом, а с моей движущей амбицией мы всегда продвигались наверх. Поскольку детей у нас не было, все мое время и мысли были посвящены содействию мужу. Мы работали блестяще вместе, чудесным образом дополняя друг друга. Все шло, как мы планировали, но всегда было грызущее меня опасение, что все шло слишком хорошо. Однажды, два года назад, когда моего мужа исследовали из-за какой-то незначительной неприятности, доктор сказал, что обнаружилась опухоль, которую нужно было немедленно исследовать. Она была злокачественной. Какое-то время нам удавалось держать все это в строжайшем секрете, но шесть месяцев назад все началось снова, и это было довольно-таки ужасное испытание. Когда я в последний раз приходила повидаться с вами, то была слишком подавлена и несчастна, чтобы думать, но, возможно, сейчас я смогу взглянуть на все с немного большей ясностью. Ваш вопрос встревожил меня больше, чем я могу передать вам. Может, вы помните, что спросили меня, люблю ли я своего мужа или те вещи, которые достались мне вместе с ним. Я много думала об этом, но не слишком ли это сложная проблема, чтобы самой ответить на вопрос?»

Возможно, но если не выяснить, что такое любовь, всегда будет боль и грустные разочарования. А ведь трудно обнаружить, где любовь оканчивается и начинается смятение, не так ли?

«Вы спрашиваете, была ли моя любовь к мужу не смешана с моей любовью к положению и власти. Любила ли я моего мужа, потому что он дал мне средства для удовлетворения моих амбиций? Частично это так, но была также любовь к человеку. Любовь — это сочетание многих вещей».

Является ли это любовью, когда существует полное отождествление с другим? И не является ли это отождествление окольным путем для придания важности к себе? Любовь ли это, когда есть грусть одиночества, боль из-за лишения вещей, которые, по-видимому, придавали смысл жизни? Быть отрезанным от способов самодовольства, от вещей, которыми эго жило, является опровержением собственной важности, и это вызывает разочарование, горечь, страдание изоляции. И это страдание есть любовь?

«Вы пытаетесь сказать мне, не правда ли, что я вообще не любила моего мужа? Я по-настоящему пугаюсь самой себя, когда вы ставите вопрос таким образом. И нет иного способа поставить его, не так ли? Я никогда не думала обо всем этом, и только, когда случилось несчастье, в моей жизни возникла настоящая печаль. Конечно, не иметь детей было большим разочарованием, но это было смягчено фактом, что у меня был муж и работа. Казалось, что они стали моими детьми. В смерти есть пугающая окончательность. Внезапно я обнаруживаю, что я

сама по себе, без чего-либо, ради чего можно работать, отстраненная и забытая. Я теперь понимаю суть того, что вы говорите, но если бы вы сказали мне об этом три или четыре года назад, я не слушала бы вас. Интересно, слушала ли я вас даже сейчас или просто выискивала причины оправдать себя! Можно прийти и поговорить с вами опять?»

Что является истинной функцией учителя?

Маленькую долину всецело охватили смоковницы и тамаринды, она была зеленой и оживленной после дождей. В открытом пространстве солнце было сильным и жгучим, но в тени было приятно прохладно. Тени были глубокими, а старые деревья были красивы на фоне синего неба. В той долине было удивительное множество птиц, птиц различных видов, и они прилетали к этим деревьям и так быстро в них исчезали. Вероятно, дождя не будет больше нескольких месяцев, но теперь сельская местность оставалась зеленой и умиротворенной, колодцы были полны, и на суше была надежда. Города с их разворотом были далеко за холмами, но близлежащие деревни были грязны, и люди голодали. Правительство только обещало, а сельских жителей это, казалось, так мало заботило. Всюду вокруг них были красота и радость, но они не видели ни этого, ни их собственного внутреннего богатства. Посреди такого величественного очарования люди были унылы и пусты.

Он был учителем с маленькой зарплатой и большой семьей, но увлечен образованием. Он сказал, что переживал трудный период, еле сводящий концы с концами, но так или иначе справлялся, и бедность не была тревожащим фактором. Хотя пищи не было в изобилии, они имели достаточно, чтобы поесть, и, так как его дети обучались бесплатно в школе, где он преподавал, они могли перебиваться. Он был специалистом по своему предмету, а также преподавал другие предметы, что, как он сказал, любой учитель мог делать, если имел немного интеллекта. Он снова подчеркнул свой глубокий интерес к образованию.

«Что является функцией учителя?», — спросил он.

Он просто является дающим информацию, переносчиком знания?

«По крайней мере он должен являться им. В любом обществе мальчики и девочки должны быть готовы зарабатывать средства к существованию, в зависимости от их способностей, и так далее. Частью функции учителя является передать знания студенту так, чтобы он мог иметь работу, когда придет время, и мог бы также, возможно, помогать улучшать структуру общества. Студент должен быть подготовлен, чтобы выстоять перед лицом жизни».

Это так, сэр, но разве мы не пробуем выяснять то, в чем функция преподавателя? Разве она просто в том, чтобы готовить студента к успешной карьере? Не имеет ли учитель большее и более глубокое значение?

«Конечно, имеет. С одной стороны, он может быть примером. Способом его жизни, его поведением, отношением и взглядами он может влиять на студента и вдохновлять».

Является ли это функцией учителя — быть примером студенту? Разве уже не достаточно примеров, героев, лидеров, чтобы без того добавлять еще один к длинному списку? Является ли пример способом образования? Не является ли это функцией образования — помочь студенту быть свободным, быть творческим? И есть ли свобода в подражании, в соответствии, внешнем или внутреннем? Когда студента поощряют следовать за примером, не поддерживается ли страх в глубокой и изоцированной форме? Если учитель становится примером, разве тот самый пример не придает застывшую форму и не искажает жизнь студента, а вы, в этом случае, не поощряете ли постоянный конфликт между тем, что он есть, и тем, каким он должен быть? Не является ли функцией учителя помочь студенту понять, каков он?

«Но учитель должен вести студента к лучшей и более благородной жизни».

Чтобы вести, вы должны знать, но знаете ли вы? Что вы знаете? Вы знаете только то, что выучили сквозь призму ваших предубеждений, которые являются вашими созданными условиями как хинди, христианство или коммунизм. А такая форма руководства только ведет к большей нищете и кровопролитию, как проявляется во всем мире. Не является ли функцией

учителя помочь студенту разумно освободить себя от всех этих влияний, созданных условий так, чтобы он был способен встретиться с жизнью глубоко и полностью, без страха, без агрессивного недовольства? Недовольство — это часть интеллекта, но нелегко успокоить недовольство.

Недовольство приобретения вскоре успокаивается, так как оно стремится к затасканному образцу приобретающего действия. Не является ли функция учителя рассеять иллюзию удовлетворения руководящих принципов, примеров и лидеров?

«Тогда, по крайней мере, учитель может вдохновлять студента на великие дела».

Снова, ведь вы неправильно подходите к проблеме, сэр? Если вы как учитель вселяете в студента мысли и чувства, не делаете ли вы его зависящим от вас в психологическом отношении? Когда вы воздействуете на него как его вдохновитель, когда он смотрит вверх на вас, как бы он смотрел на лидера или идеал, несомненно, он в зависимости от вас. Разве не зависимость порождает страх? И не страх ли делает интеллект уязвимым?

«Но если преподаватель не должен быть ни вдохновителем, примером, ни руководящим, то, что, черт возьми, является его истинной функцией?»

В тот момент, когда вы не являетесь ни одним из них, что вы? Каковы ваши взаимоотношения с учеником? Вы вообще до этого имели какие-либо взаимоотношения с учеником? Ваши взаимоотношения с ним были основаны на идее, что было хорошо для него, что он должен быть этим или тем. Вы были учитель, а он ученик. Вы воздействовали на него, вы влияли на него согласно вашим особым условностям, так, сознательно или подсознательно, вы моделировали его по вашему собственному образу. Но если вы прекратите воздействовать на него, тогда он станет важен сам по себе, что означает, что вы должны понять его, а не требовать, чтобы он понял вас или ваши идеалы, которые так или иначе являются фальшивыми. Тогда вам придется иметь дело с тем, что есть, а не с тем, что должно быть.

Конечно, когда учитель расценивает каждого ученика как уникальную индивидуальность, поэтому не сравнимую с кем-то другим, тогда он не обеспокоен системой или методом. Его единственное беспокойство — это «помочь» студенту понять влияния окружающих условий вокруг него и внутри него, так чтобы он мог разумно, без опасения, встретиться лицом к лицу со сложным процессом жизни и не добавлять больше проблем к уже существующему беспорядку.

«Не задаете ли вы учителю задачу, которая ему не по силам?»

Если вы неспособны на это, тогда зачем быть учителем? Ваш вопрос имеет значение только, если преподавание для вас всего лишь карьера, работа, как любая другая, поскольку я чувствую, что нет ничего невозможного для истинного педагога.

Ваши дети и их успех

Это был очаровательный вечер. Вершины холмов сверкали на закате солнца, а в песке на дорожке, которая вела через долину, четыре дятла принимали ванну. С помощью своих длинноватых клювов они рассыпали перед собой песок, их крылья трепыхались, когда они засовывали свои тела глубже в него, затем они начинали все снова, а хохолки на их головах подпрыгивали. Они кричали друг другу, наслаждаясь по полной программе. Чтобы не потревожить их, мы сошли с тропы на короткую, густую траву, выросшую после недавних дождей, а там, на расстоянии в несколько футов, передвигалась большая змея, желтоватая и массивная. Ее голова была гладкой, разукрашенной и имела ужасную форму. Она была слишком поглощена теми птицами, чтобы отвлекаться, ее черные глаза неподвижно наблюдали, а черный, разветвленный язык, стремительно высовывался туда-сюда. Почти незаметно она перемещалась к птицам, ее чешуя не шелестела по траве. Это была кобра, и смерть была рядом. Опасная, но красивая, она сияла в тускнеющем свете. Должно быть, недавно сбросила свою старую кожу. Внезапно четыре птицы с криком взлетели в воздух, а затем мы увидели, как случилось что-то необыкновенное: кобра расслабилась. Она была так заинтересована, так напряжена, а теперь казалась почти безжизненной, частью земли, но через секунду, смертоносной. Она ползла с непринужденностью и только приподнимала голову, когда мы немного шумели, но с ней ушла особая неподвижность, неподвижность страха и смерти.

Она была маленькой, пожилой леди с седыми волосами, но она хорошо сохранилась. Хотя ее речь была нежна, фигура, походка, жесты и то, как она держала голову, все указывало на глубоко укоренившуюся агрессивность, которую не мог скрыть ее голос. У нее была большая семья, несколько сыновей и дочерей, но ее муж умер некоторое время назад, и ей пришлось воспитывать их одной. Один из ее сыновей, сказала она с явной гордостью, был успешным доктором с большой практикой и к тому же хорошим хирургом. Одна из ее дочерей была умным и успешным политиком и без особого труда делала все по-своему. Она говорила это с улыбкой, которая подразумевала: «Вы знаете, каковы женщины». Она продолжила, объясняя, что эта политическая леди имела духовные стремления.

Что вы подразумеваете под духовными стремлениями?

«Она хочет быть главой какой-то религиозной или философской группы».

Обретать власть над другими через организацию — это, конечно, зло, не так ли? Это путь всех политических деятелей, неважно, в политике они или нет. Вы можете скрывать это под приятными и вводными в заблуждение словами, но разве желание власти не всегда зло?

Она слушала, но, казалось, то, что говорилось, не имело для нее никакого значения. На ее лице было написано, что ее что-то беспокоило, и это что-то вскоре выплывет наружу. Она продолжала рассказывать о делах ее остальных детей. Все из них были энергичны и добивались успеха, кроме одного, которого она действительно любила.

«Что такое печаль? — внезапно спросила она. — Где-то в глубине души, кажется, она со мной вся мою жизнь. Хотя все мои дети, кроме одного, состоятельны и удовлетворены, печаль постоянно была во мне. Я не могу точно понять, что это, но оно преследовало меня, и я часто по ночам лежу с открытыми глазами, задаюсь вопросом, из-за чего все это. Меня также беспокоит мой самый младший сын. Понимаете, он неудачник. За что бы он ни взялся, все разваливается на части: его брак, взаимоотношения с братьями и сестрами, с друзьями. У него почти никогда не бывает работы, но когда он все-таки ее получает, что-то происходит и его увольняют. Кажется, ему невозможно помочь. Я переживаю за него, и хотя он добавляет каплю к моей печали, не думаю, что он — корень этого. Что такое печаль? У меня были неприятности, разочарования и

физическое страдание, но эта проникновенная печаль — что-то большее, и я не смогла найти ее причину этого. Не могли бы мы поговорить об этом?»

Вы очень гордитесь вашими детьми и особенно их успехами, не так ли?

«Я думаю, что любой родитель гордился бы, потому что у всех них дела идут хорошо, кроме последнего. Они преуспевающие и счастливые. Но почему вы задали этот вопрос?»

Это может иметь некоторое отношение к вашей печали. Вы уверены, что ваша печаль не имеет никакого отношения к их успеху?

«Совершенно наоборот, я очень счастлива из-за этого».

Что, как вы полагаете, корень вашей грусти? Если можно поинтересоваться, на вас очень сильно повлияла смерть вашего мужа? Вы все еще находитесь под ее воздействием?

«Это был огромный удар, и я была очень одинока после его смерти, но скоро я забыла о своем одиночестве и горе, так как были дети, о которых нужно было заботиться, и у меня не было времени, чтобы думать о самой себе».

Вы считаете, что время стирает одиночество и горе? Разве они все еще не здесь, захороненные в более глубоких слоях вашего ума, даже при том, что вы, возможно, забыли о них? Не может быть так, что они являются причиной вашей сознательной печали? «Как я сказала, смерть моего мужа была ударом, но, так или иначе, этого следовало ожидать, и я приняла ее со слезами. Когда я была девушкой, прежде, чем выйти замуж, я видела смерть своего отца, и несколькими годами позже также смерть моей матери. Но меня никогда не интересовала официальная религия, и все это шумные вопли по поводу объяснений смерти и после этого никогда не беспокоили меня. Смерть неизбежна, и нам надо принимать ее как можно с меньшим возмущением».

Может быть, именно так вы и относитесь к смерти, но может ли быть одиночество так легко логически объяснено? Смерть — это что-то, принадлежащее завтра, которую придется выдержать, возможно, когда она придет. Но разве одиночество не вечно с вами? Вы можете преднамеренно закрыться от него, но оно все еще там, за дверью. Не следует ли вам пригласить одиночество и взглянуть на него?

«Я не знаю. Одиночество так неприятно, и я сомневаюсь, смогу ли я зайти так далеко и пригласить это ужасное чувство. Оно действительно весьма пугающее».

Не должны ли вы понять его полностью, так как оно может быть причиной вашей печали?

«Но как мне понять его, когда это именно то, что причиняет мне боль?»

Одиночество не причиняет вам боль, но мысль об одиночестве вызывает страх. Вы никогда не испытывали состояние одиночества. Вы всегда приближались к нему с предчувствием, со страхом, с побуждением уйти от него или найти способ преодолеть его, так что вы избегали его, не так ли? По-настоящему вы никогда не вступали в прямой контакт с ним. Чтобы отстраниться от одиночества, вы сбежали в деятельность ваших детей и их успехи. Их успех стал вашим, но за этим боготворением успеха, нет ли некоторого глубокого беспокойства?

«Откуда вы знаете?»

То, с помощью чего вы убегаете, неважно, радио ли это, общественная деятельность, специфическая догма, так называемая любовь и так далее становится существенной, такой же необходимой для вас, как выпивка для алкоголика. Можно забыть в боготворении успеха или в поклонении образу или некоему идеалу, но все идеалы иллюзорны, и в самом самозабвении имеется тревожное чувство. Если можно заметить, успех ваших детей был для вас источником боли, поскольку в вас есть более глубокое беспокойство из-за них и из-за непосредственно вас. Несмотря на ваше восхищение их успехами и аплодисментов, которые они получили от публики, не скрывается ли за этим чувство стыда, отвращения или разочарования? Пожалуйста, простите,

что я спрашиваю, но не глубоко ли вы обеспокоены их успехами?»

«Знаете, сэр, я никогда не смела признать, даже для самой себя, характер этого страдания, но это то, что вы говорите».

Хотите ли вы вникнуть в это?

«Теперь, конечно, я хочу вникнуть в это. Видите ли, я всегда была религиозна, безо всякой принадлежности к какой-либо религии. Местами я читала о религиозных вопросах, но я никогда не попадала в так называемые религиозные организации. Организованная религия казалась слишком отдаленной и недостаточно близкой. За моей мирской жизнью, однако, всегда скрывалось неопределенное религиозное искание, и когда у меня появились дети, это искание приняло форму глубокой надежды, что один из моих детей станет религиозным. И ни один из них не стал, все они стали преуспевающими и мирскими, кроме одного, который смесь из всего. Все они в действительности посредственны, и именно это причиняет боль. Они поглощены мирским. Это все кажется настолько поверхностным и глупым, но я не обсуждала это с кем-либо из них, и даже если бы я поступила так, они не поняли бы то, о чем бы я говорила. Я думала, что по крайней мере один из них будет другим, и меня страшит их посредственность и моя собственная. Это то, как я предполагаю, что вызывает мою печаль. Что можно сделать, чтобы покончить с этом глупым состоянием?»

В себе или в другом? Можно только покончить с посредственностью в себе, а затем, возможно, могут возникнуть иные взаимоотношения с другими. Знать, что кто-то является посредственным — это уже начало перемены, не так ли? Но мелочный ум, осознавая себя, отчаянно пробует изменяться, улучшаться, и само это побуждение посредственно. Любое желание самоусовершенствования мелочно. Когда ум знает, что он посредственен и не воздействует на себя, посредственность прекращается.

«Чем вы подразумеваете под воздействием на себя?»

Если мелочный ум, осознав, что он мелочен, делает усилие, чтобы изменить себя, не является ли он все еще мелочным? Усилие измениться рождено мелочным умом, поэтому само то усилие мелочно.

«Да, я понимаю это, но что же делать?»

Любое действие ума мало, ограничено. Ум должен прекратить действовать, и только тогда наступает окончание посредственности.

Побуждение искать

Две золотисто-зеленые птицы с длинными хвостами имели обыкновение прилетать в тот сад каждое утро и сидеть на особой ветке, играя и крича что-то друг другу. Они были настолько беспокойны, всегда в движении, их тела дрожали, но они были прекрасными существами, и никогда, казалось, не утомлялись из-за своих перелетов и игр. Это был укромный сад, и много других птиц постоянно прилетали и улетали. Два молодых мангуста, гладкие и быстрые, с желтоватым мехом, искрящимся на солнце, бывало, бегали друг за другом по вершине низкой стены, а затем, проскользнув через дыру, проникали в сад. Но как осторожны и наблюдательны они были даже в их игре, держась поближе к стене, а их красные глаза были настороженны и внимательны. Иногда старая мангуста, приятно раздобревшая, медленно заползала в сад через то же самое отверстие. Это, должно быть, был их отец или мать, на этот раз все трое были вместе. Проникая в сад один за другим через дыру, они пересекли всю длину лужайки единой группой и исчезли среди кустарников.

«Почему мы ищем? — спросил П. — Что является целью нашего поиска? Как мы утомляемся от этого постоянного поиска! Неужели этому нет конца?»

«Мы ищем то, что мы хотим найти, — ответил М., — и после обнаружения того, что мы ищем, мы двигаемся дальше к следующему открытию. Если бы мы не искали, всему живому пришел бы конец, жизнь застыла бы на месте и не имела смысла».

«Ищите, и вы найдете», — процитировал Р. — Мы находим то, что хотим, чего сознательно или подсознательно жаждем. Мы никогда не подвергали сомнению это побуждение искать, мы всегда искали, и, вероятно, мы всегда будем продолжать искать».

«Желание искать неизбежно, — заявил Л. — Вы могли бы точно также спросить, почему мы дышим, или почему растут волосы. Побуждение искать столь же неизбежно, как день и ночь».

Когда вы настолько уверенно утверждаете, что побуждение искать неизбежно, открытие сути вопроса блокируется, верно? Когда вы принимаете что-нибудь как окончательное, predetermined, не наступает ли конец всякому исследованию?

«Но существуют некоторые установленные законы, подобно закону гравитации, и мудрее будет принять их, чем безуспешно биться об их голову, — ответил Л. — Мы принимаем некоторые догмы и верования по различным психологическим причинам, и с течением времени то, что таким образом было принято, становится „неизбежным“, так называемой потребностью человека».

«Если Л. принимает как неизбежное побуждение искать, тогда он будет продолжать поиск, и для него это не проблема», — сказал М. — Ученый, хитрый политик, несчастный, больной — каждый ищет его собственным способом и время от времени меняет объект его поиска. Мы все ищем, но, кажется, мы никогда не спрашиваем себя, почему мы ищем. Мы не обсуждаем цель нашего поиска, благородную или позорную, а пробуем выяснять, не так ли, почему мы вообще ищем?

Что является этим побуждением, этим постоянным принуждением? Действительно ли это неизбежно? Имеет ли это бесконечное продолжение?

«Если мы не будем искать, — спросил И., — не станем ли мы ленивыми и просто остановимся в развитии?»

Конфликт в одной форме или другой кажется образом жизни, и без него, мы думаем, жизнь не имела бы никакого значения. Для большинства из нас прекращение борьбы смертельно. Поиск подразумевает борьбу, конфликт, и действительно ли этот процесс необходим для

человека, или все же есть иной «образ» жизни, в котором нет поиска и борьбы? Почему и что мы ищем?

«Я ищу способы и средства для обеспечения не моего собственного выживания, а выживания моей нации», — сказал Л.

Есть ли такое огромное отличие между национальным и индивидуальным выживанием? Индивидуум отождествляет себя с нацией, или со специфической формой общества, и затем хочет, чтобы та нация или общество выжило. Выживание той или иной нации — это также выживание индивидуума. Разве не индивидуум вечно стремится выжить, иметь продолжение, отождествляясь с чем-то большим или более благородным, чем сам он?

«Неужели нет точки или момента, в котором мы внезапно оказываемся без поиска, без борьбы?» — спросил М.

«Такой момент может быть просто в результате усталости, — ответил Р., — короткая пауза перед новым погружением в порочный круг поиска и страха».

«Или это может быть вне времени», — сказал М.

Является ли тот момент, о котором мы говорим, вне времени, или в действительности же это только точка отдыха перед началом нового искания? Почему мы ищем, и возможно ли этому поиску положить конец? Пока мы не обнаружим самостоятельно, почему мы ищем и боремся, состояние, в котором поиск заканчивается, останется для нас иллюзией без особого значения.

«Неужели нет никакого различия между разными объектами поиска?» — спросил В.

Конечно, различия имеются, но во всяком поиске побуждение, по сути, то же самое, не так ли? Стремимся ли мы выжить индивидуально или как нация, идем ли мы к учителю, к гуру, к спасителю, следуем ли мы специфической дисциплине или находим какие-то другие средства улучшения себя, не является ли каждый нас, ограниченно или повсеместно, ищущим некой формы удовлетворения, продолжения, постоянства? Так что мы теперь спрашиваем себя, не что мы ищем, а почему мы вообще ищем? И действительно ли возможно завершение всякого поиска не через принуждение или расстройство, или потому что вы нашли, а потому что побуждение полностью прекратило быть?

«Мы оказались в ловушке привычки к поиску, и я предполагаю, что это результат нашей неудовлетворенности», — сказал Б.

Будучи недовольными, неудовлетворенными, мы ищем удовлетворенность, довольство. Пока есть это побуждение стать удовлетворенным, довести что-то до конца, будет поиск и борьба. При стремлении к полному удовлетворению всегда будет тень страха, верно?

«Как же избежать страха?» — спросил В.

Вы хотите удовлетворения без укуса страха, но существует ли вечно длящееся полное удовлетворение? Конечно же, само желание полного удовлетворения — вот причина расстройства и страха. Только, когда значение полного удовлетворения понято, тогда желанию приходит конец. Становиться и быть — это два совершенно разных состояния, и вы не сможете перейти от одного к другому, но с окончанием состояния становления, возникает состояние бытия.

Полная луна только поднималась над рекой, и была дымка, из-за которой она становилась красной. Так как было холодно, от многих деревень шел дым. На реке не было ряби, но течение была невидимым, сильным и глубоким. Ласточки летали низко, и одна или две кончиками крыла коснулись воды, совсем немного потревожив спокойную гладь воды. Вверх по реке вечерняя звезда едва была видима вдали над минаретом в отдаленном, переполненном городе. Попугаи возвращались, чтобы быть около человеческого жилья, и их полет никогда не был прямым. Они, было, обрушивались с визжанием, подбирали зерно и разлетались в стороны, но всегда двигались вперед к покрытому листвой дереву, где собирались сотнями. Тогда они взлетали, было, снова к более укромному дереву, и когда темнота наступала, возникала тишина. Луна была хорошо видна над вершинами деревьев, и на неподвижных водах создавала серебристую дорожку.

«Я понимаю важность слушания, но интересно, слушаю ли я когда-либо по-настоящему то, что вы говорите, — заметил он. — Так или иначе мне надо сделать большое усилие, чтобы услышать».

Когда вы делаете усилие, чтобы услышать, разве вы слушаете? Разве не само это усилие есть отвлечение, которое мешает слушанию? Вы делаете усилие, когда вы слушаете что-то, что приводит вас в восторг? Несомненно, такое усилие, чтобы услышать — форма принуждения. Принуждение — это сопротивление, не так ли? А сопротивление порождает проблемы, таким образом слушание становится одной из них. Само слушание никогда не является проблемой.

«Но для меня оно — проблема. Я хочу слушать правильно, потому что чувствую, что то, о чем вы говорите, имеет глубокое значение, но я не могу выйти за пределы словесного значения».

Если можно так сказать, вы не слушаете сейчас то, о чем говорится. Вы сделали из слушания проблему, и эта проблема мешает вам услышать. Все, чего мы касаемся, становится проблемой, одна проблема порождает множество других проблем. Воспринимая это, возможно ли не порождать проблемы вообще?

«Это было бы изумительно, но как же прийти к тому счастливому состоянию?»

Снова, как видите, вопрос «как», способ достижения некоего состояния, становится опять-таки другой проблемой. Мы говорим о том, как бы не порождать проблемы. Если можно заметить, вам надо осознать способ, которым ум создает проблему. Вы хотите достичь состояния слушания в совершенстве, другими словами, вы не слушаете, но вы хотите достичь какого-то состояния, и вам необходимо время и заинтересованность, чтобы получить это или любое другое состояние. Потребность во времени и заинтересованности порождает проблемы. Вы просто не осознаете, что вы не слушаете. Когда вы осознаете это, сам факт, что вы не слушаете, будет иметь его собственное воздействие, воздействует сама суть факта, а не вы воздействуете на факт. Но вы хотите воздействовать на него, изменить его, искусственно создать его противоположность, вызвать желательное состояние и так далее. Ваше усилие воздействовать на факт порождает проблемы, в то время как наблюдение сути факта приводит к его собственному освобождающему действию. Вы не осознаете истину, разве вы видите ложное как ложное, пока ваш ум поглощен усилием в любом его проявлении, сравнением, оправданием или осуждением.

«Все это может быть и так, но со всеми конфликтами и противоречиями, что продолжают во мне, мне все еще кажется, что слышать почти невозможно».

Само слушание — законченный акт, сам акт слушания приносит его собственную свободу. Но вы действительно заинтересованы в слушании, или же в изменении внутренней неразберихи?

Если бы вы слушали, сэр, в смысле осознавали бы ваши конфликты и противоречия без того, чтобы вынуждать соответствовать какому бы то ни было образу мышления, возможно, они могли бы в целом прекратить существовать. Видите ли, мы постоянно пытаемся быть этим или тем, достичь особого состояния, чтобы получить один вид опыта и избежать другого, так что ум постоянно чем-то занят. Он никогда не бывает спокоен, чтобы услышать шум его собственной борьбы и боли. Будьте просты, сэр, и не пробуйте стать кем-то или получить некий опыт.

Огонь недовольства

В течение нескольких дней шел очень сильный дождь, и потоки воды были огромными и шумными. Коричневые и грязные, они текли от каждого оврага и присоединились к более широкому потоку, который протекал через середину долины, а он в свою очередь впадал в реку, которая спускалась к морю несколькими милями дальше. Река была полной и быстро текла, пролегая через сады и открытую местность. Даже летом река никогда не высыхала, хотя все ручьи, которые питали ее, демонстрировали свои голые камни и сухие пески. Теперь же река текла быстрее, чем человек мог идти, и на обоих берегах люди наблюдали грязные воды. Это случалось не часто, когда река была настолько переполнена. Люди были возбуждены, их глаза блестели, потому что стремительная вода вызывала восхищение. Город около моря мог пострадать, поскольку река могла выйти из берегов, затопив поля и рощи и нанося ущерб домам. Но здесь, под одиноким мостом, коричневые воды пели. Несколько человек ударили рыбу, но они не могли бы поймать много, так как течение было слишком сильным, неся с собой развалины ото всех впадающих потоков. Снова пошел дождь, но люди все же остались, чтобы наблюдать и восхищаться простыми вещами.

«Я всегда была искателем, — сказала она. — О, я прочла так много книг по многим предметам. Я была католичкой, но оставила эту церковь, чтобы присоединиться к другой. Ее я оставила также и присоединилась к религиозному обществу. С недавних пор я читаю восточную философию, учение Будды, и, вдобавок ко всему этому, сама прошла психоанализ. Но даже это не остановило мой поиск, и теперь я здесь и говорю с вами. Я чуть ли не поехала в Индию в поисках мастера, но обстоятельства помешали мне поехать».

Она продолжала, рассказывая, что была замужем и имела двоих детей, ярких и интеллектуально развитых, которые ходили в колледж. Она не беспокоилась за них, они могли сами о себе заботиться. Общественные увлечения больше ничего не значили для нее. Она серьезно пробовала медитировать, но ни к чему не пришла, и ее ум был столь же глуп и блуждающ, как и прежде.

«То, что вы говорите о медитации и молитвах, так отличается от того, что я читала и думала, что меня это очень озадачило, — добавила она. — Но во всем этом утомительном беспорядке я действительно хочу найти истину и понять ее загадку».

Вы думаете, что, ища истину, вы ее найдете? Не может ли случиться так, что так называемый ищущий никогда не сможет найти истину? Вы никогда не вникали в это побуждение искать, не так ли? Все же вы продолжаете искать, переходя от одного к другому, в надежде найти то, что вы хотите, которое вы называете истиной и делаете из него тайну.

«Но что плохого в нахождении того, чего я хочу? Я всегда находила то, что хотела, и чаще, чем не находила».

Может быть и так, но не считаете ли вы, что можете добывать истину, как вы бы добывали деньги или картины? Вы думаете, что это еще одно украшение тщеславия? Или же ум, который стремится к приобретению, должен полностью прекратить это, чтобы возникла истина?

«Возможно, что я слишком стремлюсь найти ее».

Нисколько. Вы найдете то, что ищете в вашем рвении, но оно не будет реально.

«Тогда что же вы мне предложите делать, просто лежать и прозябать?»

Вы поспешно делаете выводы, не так ли? Разве не важно выяснить, почему вы ищете?

«Ну, я знаю, почему я ищу. Я полностью недовольна всем, даже тем, что я нашла. Боль недовольства возвращается снова и снова. Я считаю, что я овладела чем-то, но это вскоре исчезает, и снова боль недовольства сокрушает меня. Я испробовала все способы, о которых

можно только подумать, чтобы преодолеть ее, но так или иначе она слишком сильна внутри меня, и мне нужно найти что-нибудь, истину, ну, или что-то другое, что даст мне мир и удовлетворенность».

Не надо ли вам быть благодарной, что вам не удалось потушить этот огонь недовольства? Преодолеть недовольство было проблемой для вас, не так ли? Вы искали удовлетворенность, и, к счастью, вы его не нашли, найти ее означает остановиться в развитии, оставаться обездвиженной.

«Наверное, это то, что я в действительности ищу: спасение от этого грызущего недовольства».

Большинство людей недовольны, ведь так? Но они находят удовлетворение в простых вещах жизни, то ли это лазанье по горам, то ли удовлетворение некой амбиции. Неугомонность из-за недовольства по глупости превращают в достижения, которые удовлетворяют. Если мы потревожены в нашей удовлетворенности, мы скоро находим способы преодолеть боль недовольства, так что мы живем на поверхности и никогда не проникаем в глубины недовольства.

«Как же проникнуть под поверхность недовольства?»

Ваш вопрос указывает на то, что вы все еще желаете убежать от недовольства, верно? Жить с той болью, без того, чтобы пробовать убежать от нее или изменять ее, означает проникнуть в глубины недовольства. Пока мы пробуем добраться до чего-нибудь или быть кем-то, обязательно будет боль конфликта, и тогда, вызвав эту боль, мы хотим убежать от нее, и мы убегаем с помощью разных видов деятельности. Объединиться с недовольством, остаться с ним и быть его частью без наблюдателя, вынуждающего его вписаться в общепринятые виды удовлетворения или принятия его как неизбежного, значит позволить тому, что не имеет никакой противоположности, никакого секунданта, возникнуть.

«Я слежу за тем, что вы говорите, но я боролась с недовольством так много лет, что для меня теперь очень трудно быть его частью».

Чем больше вы боретесь с привычкой, тем больше жизни ей придаете. Привычка — это мертвая вещь, не боритесь с ней, не сопротивляйтесь ей. Но с восприятием сути недовольства прошлое потеряет значение. Хотя это и болезненно, но быть недовольным изумительно, вместо того, чтобы душить это пламя знанием, традицией, надеждой, достижением. Мы забываемся в таинстве достижения человека, в таинстве церкви или реактивного самолета. И опять же, все это поверхностно, пусто и приводит к разрушению и нищете. Есть тайна, которая вне способностей и силы ума. Вы не можете разыскать или пригласить ее, она должно прийти без спроса, и с нею приходит благословение для человека.

Переживание блаженства

Это был очень жаркий и влажный день. В парке многие люди разлеглись на траве или сидели на скамьях в тени густых деревьев. Они потягивали прохладительные напитки и жадно вдыхали чистый, свежий воздух. Небо было серым, не дуло ни малейшего ветерка, и пары этого огромного механизированного города заполнили воздух. В деревне, должно быть, было прекрасно, поскольку весна только что перешла в лето. На некоторых деревьях только пробивались листья, и по дороге, которая пробегала вдоль широкой, искрящейся реки, распустились всевозможные виды цветов. Глубоко в лесу наверняка стояла та особая тишина, при которой почти можно слышать, как все рождается, а горы, с их глубокими долинами, были синими и приятно пахнувшими. Но здесь же, в городе!..

Воображение извращает восприятие того, что есть, и все же, как мы гордимся нашим воображением и предположением. Предполагающий ум с его запутанными мыслями не способен к фундаментальному преобразованию, это не революционный ум. Он приодел себя в то, что должно быть, и следует за образцом его собственных ограниченных и замкнутых проекций. Хорошее не в том, что должно быть, оно находится в понимании того, что есть. Воображение мешает восприятию того, что есть, так же как и сравнение. Ум должен остановить воображение и предположение, чтобы была реальность.

Он был весьма молод, но у него была семья. Он был деловым человеком, как предполагали. Он выглядел очень взволнованным и несчастным и жаждал что-то рассказать.

«Некоторое время назад у меня было самое замечательное переживание, и, так как я никогда прежде не говорил об этом с кем-то, мне интересно, смогу ли я объяснить это вам. Я надеюсь, что смогу, поскольку я не могу пойти к кому-либо еще. Это было переживание, которое привело в полный восторг мое сердце, но оно прошло, и теперь у меня осталась лишь пустая память о нем. Возможно, вы сможете помочь мне вернуть его. Я расскажу вам настолько подробно, как смогу, каково было то благословение. Я читал о таких вещах, но это были всегда пустые слова и воздействовали только на мои чувства, но то, что случилось со мной, было вне всякой мысли, вне воображения и желания, а теперь я потерял это. Пожалуйста, помогите мне вернуть это». Он сделал паузу на мгновение, а затем продолжил.

«Однажды утром я проснулся очень рано, город все еще спал, и шум его еще не начался. Я почувствовал, что мне надо выйти, так что я быстро оделся и спустился на улицу. Даже грузовик с молоком еще не был на своем маршруте. Это было ранней весной, и небо было бледно-голубым. У меня было сильное чувство, что я должен пойти к парку, на милю или около того. С того момента, как я вышел из моей передней двери, у меня было странное чувство легкости, как если бы я шел по воздуху. Здание напротив, серый многоквартирный дом, потеряло все свое уродство, сами кирпичи казались живыми и понятными. Любой небольшой предмет, который обычно бы я никогда не заметил, казалось, имел в себе необычайное качество, и удивительно, но все, казалось, было частью меня. Ничто не было отдельно от меня, фактически, „я“ как наблюдатель, как воспринимающий, отсутствовало, если вы понимаете, что я имею в виду. Не было „меня“, отделенного от того дерева, или от той бумажки в грязи, или от птиц, которые кричали друг другу. Это было состояние сознания, которое мне никогда прежде не было известно.

На пути к парку, продолжал он, есть цветочный магазин. Я проходил мимо него сотни раз, и я имел обыкновение глядеть на цветы, когда я проходил. Но в это особое утро я остановился перед ним. Окно из плоского стекла было слегка матовым изнутри из-за высокой температуры и

влажности, но это по-настоящему мешало мне наблюдать большое разнообразие цветов. Когда я стоял и смотрел на них, я обнаружил, что улыбаюсь и смеюсь от радости, которую я никогда прежде не испытывал. Те цветы говорили со мной, и я говорил с ними, я был среди них, и они были частью меня. Из-за моего рассказа у вас может создаться впечатление, что я был в истерике, что моя крыша слегка поехала, но это было не так. Я очень тщательно оделся и осознавал, что одет в чистые вещи, как смотрел на свои часы, как видел названия магазинов, включая магазин моего портного, и как читал названия заглавий книг в книжном магазине. Все было живым, и я любил все. Я был ароматом тех цветов, но не было «меня», который нюхал цветы, если вы знаете, что я подразумеваю. Не было никакого разделения между ними и мной. Тот цветочный магазин был фантастически оживлен цветами, и красота всего этого, должно быть, была ошеломляющей, так как время и его измерение прекратило существовать. Я, должно быть, простоял там в течение более, чем двадцати минут, но я ручаюсь, у меня не было никакого чувства времени. Я едва мог оторваться от тех цветов. Мир борьбы, боли и печали был рядом, и все же его не было. Понимаете, в том состоянии слова не имеют никакого значения. Слова описывают, разделяют, сравнивают, но в том состоянии никаких слов не было. «Я» не переживало, было только то состояние, то переживание. Время остановилось, не было прошлого, настоящего или будущего. Было только — о, я не знаю, как выразить это словами, но это не имеет значения. Это было присутствие — нет, не то слово. Это было, как если бы земля со всем, что в ней и на ней, была в состоянии благословения, и я, идущий к парку, был частью этого. Когда я притащился к парку, я был абсолютно очарован красотой тех знакомых деревьев. От бледно-желтых до почти черно-зеленых листья танцевали с жизнью. Каждый листочек выделялся отдельно, и целостное богатство земли было в единственном листе. Я осознавал, что мое сердце быстро билось, у меня очень здоровое сердце, но я едва мог дышать, когда я вошел в парк, и я думал, что свалюсь в обморок. Я сел на скамью, и по моим щекам покатались слезы. Стояла тишина, которая была совершенно невыносимой, но та тишина все очищала от боли и горя. Когда я прошел глубже в парк, в воздухе заиграла музыка. Я удивился, так как поблизости не было дома, и никто не будет слушать радио в парке в тот утренний час. Музыка была частью всего этого. Все совершенство, все сострадание мира было в том парке, и там был господь.

Я не богослов и не очень-то набожный человек, — продолжил он. — Я побывал дюжину раз или около того внутри церкви, но она никогда не значила что-нибудь для меня. Я не перевариваю всю ту ерунду, которая происходит в церквях. Но в том парке было бытие, если можно применить такое слово, в котором все жило и имели свое бытие. Мои ноги затряслись, и я был вынужден присесть снова, облокотившись спиной о дерево. Ствол был живым существом, каким был я, и я был частью того дерева, частью того бытия, частью мира. Наверное, я упал в обморок. Это все было слишком для меня: яркие, живые цвета, листья, камни, цветы, невероятная красота во всем. И на всем было благословение...

Когда я пришел в себя, солнце взошло. Обычно мне требуется приблизительно двадцать минут, чтобы пройти к парку, но прошло почти два часа, как я вышел из дома. Физически, казалось, у меня не было сил, чтобы вернуться назад. Так что я сидел там, собираясь с силами и не осмеливаясь думать. Когда я медленно шел домой, все то переживание было полностью со мной, оно продолжалось два дня и исчезло так же внезапно, как и возникло. Тогда начались мои пытки. Я и близко не подходил к моему офису в течение недели. Я хочу опять вернуть это странное переживание жизни. Я хотел жить раз и навсегда в том блаженном мире. Весь это произошло два года назад. Я серьезно подумывал о том, чтобы отказаться от всего и удалиться в какой-нибудь укромный угол мира, но я знаю в глубине души, что таким образом не смогу вернуть это. Никакой монастырь не сможет дать мне то переживание, не сможет и освещенная свечами церковь, которая только имеет дело со смертью и темнотой. Я раздумывал над тем, не

отправиться ли мне в Индию, но эту мысль я также отбросил. Тогда я попробовал определенный наркотик, он делает все более ярким и так далее, но наркотик — это не то, что я хочу. Это дешевый путь к переживанию, это обман, а не реальная вещь».

Так что я здесь, — закончил он. — Я бы отдал все, свою жизнь и все имущество, чтобы жить снова в том мире. Что же делать?»

Это пришло к вам, сэр, незванно. Вы никогда это не искали. Пока вы ищете это, вам никогда не иметь это. Само желание жить снова в том экстатическом состоянии предотвращает новое, свежее переживание блаженства. Вы понимаете, что случилось: вы имели тот опыт, и теперь вы живете мертвой памятью о дне вчерашнем. То, что было, мешает новому.

«Вы хотите сказать, что я должен избавиться и забыть все то, что было, и продолжать жить своей глупой жизнью, умирая от голода внутри изо дня в день?»

Если вы не будете оглядываться назад и просить больше, что является трудной задачей, тогда, возможно, то самое, над которым вы не имеете никакого контроля, может действовать, как оно пожелает. Жадность, даже по отношению к возвышенному, порождает печаль, побуждение к большему открывает дверь для времени. То блаженство нельзя купить с помощью какой-либо жертвы, какой-либо добродетели, какого-либо наркотика. Это не награда, не результат. Это приходит, когда пожелает, не ищите его.

«Но было ли то переживание реальным, было ли оно наивысшим?»

Мы хотим, чтобы другие подтвердили, уверили нас в том, что было, и таким образом что находим в этом защиту. Стать уверенным или убежденным в том, что было, даже если это было реально, означает усилить нереальное и порождать иллюзию. Переносить в настоящее то, что является прошлым, неважно, радостным или болезненным, означает предотвращать реальное. Реальность не имеет никакого продолжения. Она есть от мгновения до мгновения, бесконечная и неизмеримая.

Политик, который хотел делать добро

В течение ночи шел дождь, и ароматная земля была все еще влажной. Тропа уводила от реки в гущу древних деревьев и манговых рощ. Это была тропа паломничества, утоптанная тысячами, поскольку считалось традицией в течение более, чем двадцати веков, что все хорошие паломники должны пройти по той тропе. Но это не было подходящее время года для паломников, и тем особым утром только сельские жители шли по ней. В своих забавных цветных одеждах, с солнцем позади себя и с грузом сена, овощей и дров на своих головах, они создавали красивое зрелище. Шли они с изяществом и достоинством, смеясь и разговаривая о делах в деревне. По обеим сторонам тропы простиралась, насколько было видно глазу, зеленые, засаженные поля озимой пшеницы, с широкими кусками земли гороха и других овощей для рынка. Это было прекрасное утро, с ясным синим небом, и на земле царил благодать. Земля была живым существом, изобилующим, щедрым и священным. Это не было священностью искусственных вещей, храмов, священников и книг, это была красота полного умиротворения и полной тишины. Каждый купался в ней, деревья, трава, и большой бык были частью нее, дети, играющие в пыли, осознали ее, хотя они не знали ее. Это не было мимолетным явлением, это было без начала и без окончания.

Он был политиком и хотел делать добро. Сам он отличался от других политических деятелей, говорил он, поскольку его беспокоило благосостояние людей, их нужды, здоровье и процветание. Конечно, он был амбициозен, но кто не был? Амбиция помогала ему быть более активным, а без нее он бы обленился, был бы неспособен делать много хорошего для других. Он хотел стать членом кабинета и преуспевал на пути к этому, и, когда добрался туда, то увидел, что его идеи выполнялись. Он путешествовал по всему миру, посещая различные страны и изучая системы различных правительств, и после тщательного раздумья он был способен разработать план, который действительно принесет пользу его стране.

«Но теперь я не знаю, смогу ли я довести его до конца, — сказал он с явной болью. — Понимаете, в последнее время мне не очень хорошо. Доктора говорят, что я должен успокоиться, и мне, вероятно, придется лечь на очень серьезную операцию. Но я не могу заставить себя смириться с этой ситуацией».

Если можно спросить, что мешает вам относиться к этому легко?

«Я отказываюсь смириться с перспективой быть инвалидом в течение оставшейся части моей жизни и неспособным делать то, что я хочу делать. Я знаю, по крайней мере на словах, что я не могу поддерживать на высоком уровне неопределенное время тот темп, к которому я привык, но если меня положат, то мой план никогда не сможет завершиться. Естественно, есть другие честолюбивые люди, и это вопрос жестокой конкуренции. Я побывал на нескольких из ваших встреч, так что я подумал, а не прийти ли мне и не поговорить ли с вами».

Ваша проблема, сэр, из-за расстройства? Существует возможность длительной болезни со ухудшением полноценности и снижением популярности, и вы находите, что не можете признать это, потому что жизнь была бы крайне бесполезной без завершения ваших планов, так ли это?

«Как я сказал, я столь же честолюбив, как рядом стоящий человек, но я к тому же хочу делать добро. С другой стороны, я действительно весьма болен, и я просто не могу принять эту болезнь, таким образом во мне происходит ожесточенный конфликт, который, как я вполне осознаю, делает меня более болезненным. Есть также и другой страх, не из-за моей семьи, в которой все хорошо обеспечены, а страх чего-то, что я никогда не был способен описать в словах, даже самому себе».

Вы подразумеваете страх смерти?

«Да, думаю, что он, или, скорее, уход из жизни, не выполнив то, что я намеревался сделать. Вероятно это мое самое большое опасение, и я не знаю, как успокоить его».

Эта болезнь полностью помешает вашим политическим действиям?

«Вы знаете, как это случается. Если я не нахожусь в центре событий, я буду забыт, и у моих планов не будет никакого шанса. Это будет фактически означать уход из политики, а я не желаю так поступать».

И так, вы можете либо добровольно и легко принять факт, что вы должны уйти, или одинаково счастливо продолжать выполнять вашу политическую работу, зная серьезную природу вашей болезни. В любом случае, болезнь может сорвать ваши намерения. Жизнь очень странная штука, не так ли? Если позволите предложить, почему бы не принимать неизбежное без горечи? Если присутствует цинизм или горечь, ваш ум будет ухудшать болезнь.

«Я полностью осознаю все это, и все же не могу принять с наименьшим счастьем, как вы предлагаете, мое физическое состояние.

Я мог бы, возможно, продолжить немного свою политическую работу, но этого недостаточно».

Вы считаете, что завершение вашего намерения делать добро — это единственный способ жизни для вас, и что только с помощью вас и ваших наработок ваша страна будет спасена? Вы — центр всего, как предполагается, делаемого добра, не так ли? В действительности же вы глубоко заинтересованы не в процветании людей, а в добре, проявленном через вас. Важны вы, а не процветание людей. Вы так отождествили себя с вашими планами и с так называемым процветанием людей, что вы принимаете ваше собственное исполнение за их счастье. Возможно, ваши планы превосходны, и они, с помощью какого-то счастливого случая смогут принести добро людям. Но вам хочется, чтобы ваше имя было отождествлено с этим добром. Жизнь странна, болезнь охватила вас, и вам мешают в продвижении вашего имени и вашей значимости. Именно это вызывает конфликт внутри вас, а не беспокойство о том, что людям нельзя будет помочь. Если бы вы любили людей и не баловались простым запудриванием мозгов, это бы оказало собственное непосредственное влияние, что принесло бы существенную помощь. Но вы не любите людей, они просто инструменты вашей амбиции и вашего тщеславия. Творение добра находится на пути к вашей собственной славе. Надеюсь, вы не возражаете, что я все это высказываю?

«Я по-настоящему счастлив, что вы выразили так открыто то, что глубоко скрыто в моем сердце, и мне стало лучше от этого. Я, так или иначе, чувствовал все это, но никогда не разрешил себе столкнуться с этим напрямую. Это огромное облегчение услышать, как об этом так открыто заявлено, и надеюсь, что я теперь буду понимать и успокаивать свой конфликт. Я посмотрю, как все обернется, но я уже чувствую себя немного более отстраненным от моих неприятностей и надежд. Но, сэр, как насчет смерти?»

Эта проблема более сложна, и она потребует глубокого понимания, правильно? Вы можете дать разумное объяснение смерти, говоря, что все живое умирает, что свежий зеленый весенний лист сдувает осенью и так далее. Вы можете рассуждать и находить объяснения смерти или пробовать победить с помощью воли страх смерти, или найти веру как замену этого страха. Но все это остается еще действием ума. И так называемая интуиция по поводу правды о перевоплощении или жизни после смерти может быть просто желанием выжить. Все эти рассуждения, интуиции, объяснения, находятся в пределах области мышления, не так ли? Они все являются действиями мысли, чтобы преодолеть страх смерти, но страх смерти нельзя так банально победить. Желание индивидуума выжить через нацию, через семью, через имя и идею или через верования является все еще страстным стремлением его собственного продолжения, не так ли? Именно это стремление, с его сложными сопротивлениями и надеждами, должно

добровольно, легко и счастливо завершиться. Нужно умирать каждый день для всех воспоминаний, опытов, знаний и надежд. Накопленные удовольствия и раскаяния, приобретенные добродетели должны прекращаться от мгновения до мгновения. Это не просто слова, а подтверждение действительности. То, что продолжается, никогда не сможет познать блаженство неизведанного. Не накапливать, а умирать каждый день, каждую минуту, вот что такое бесконечное бытие. Пока существует побуждение довести до конца с его конфликтами, всегда будет страх смерти.

Конкуренция как способ жизни

На дороге расположились обезьяны, а по середине дороги обезьяна-мальшка играла с собственным хвостом, за ней присматривала мать. Они все хорошо осознали, что кто-то там был, на безопасном расстоянии. Взрослые самцы были крупными, тяжелыми и довольно злобными, и большинство других обезьян избегало их. Они все ели какие-то ягоды, которые упали на дорогу с большого, тенистого дерева с толстыми листьями. Недавние дожди наполнили реку, и поток под узким мостом был булькающим. Обезьяны избегали воды и луж на дороге, и когда появился автомобиль, разбрызгивая грязь, когда он шел, они через секунду отошли от дороги, а мать взяла с собой малыша. Некоторые залезли на дерево, а другие спустились к берегу по каждой стороне дороги, но вернулись назад на нее, как только автомобиль умчался. Теперь они весьма привыкли к человеческому присутствию. Они были столь же беспокойны, как человеческий ум, и склонны ко всем видам уловок.

Рисовые поля с обеих сторон дороги были сочны, искрясь зеленью на согревающем солнце, а на фоне голубизны за рисовыми полями птицы были белыми и медленно летающими. Длинная, коричневатая змея выползла из воды и отдыхала на солнце. Блестяще-синий зимородок спустился на мост и готовился к следующему нырянию. Это было прекрасное утро, не слишком жаркое, и уединенные пальмы, разбросанные по полям, говорили о многом. Между зелеными полями и синими холмами была общность, песня. Время, казалось, проходило так быстро. В синем небе кружились коршуны, иногда они присаживались на ветки, чтобы почистить свои перья, а затем снова взлетали, крича и кружась. Парило также несколько орлов, с белыми шеями и золотисто-коричневыми крыльями и телами. Среди недавно выросшей травы бегали большие красные муравьи, они резкими рывками двигались вперед, внезапно останавливались, а затем разбегались в противоположном направлении. Жизнь была настолько насыщена, настолько изобильна и незаметна, что, возможно, и было именно то, чего все эти живые существа, большие и малые, хотели.

Молодой вол с колокольчиками вокруг его шеи тянул легкую телегу, которая была изящно сделана. Ее два больших колеса были соединены тонким стальным брусом, на котором была установлена деревянная платформа. На этой платформе сидел мужчина, гордящийся быстро несущимся волем и ездой. Вол, крепкий и в то же время стройный, придавал ему важность, теперь каждый смотрел бы на него, как делали проходившие сельские жители. Они останавливались, смотрели восхищенными глазами, делали комментарии и шли дальше. Как гордо и ровно сидел мужчина, смотря прямо вперед! Гордость по отношению ли к незначительным, или к большим достижениям является по существу одинаковой. То, что человек делает и что он имеет, придает ему важность и престиж, но человек сам по себе, как существо вообще, кажется, вообще едва имеет какое-либо значение.

Он пришел с двумя своими друзьями. Каждый из них имел хорошую степень колледжа, и у них все было хорошо, говорили они, в их различных профессиях. Они были женаты и имели детей, и казались довольными жизнью, но все же что-то их тревожило.

«Если можно, — сказал он, — я хотел бы задать вопрос, чтобы начать разматывать этот клубок. Это не праздный вопрос, и он несколько тревожил меня с тех пор, как я услышал вас несколько вечеров назад. Помимо других вещей вы сказали, что соревнование и амбиции — это разрушительные побуждения, которые человек должен понять и таким образом освободиться, если он хочет жить в мирном обществе. Но не является ли борьба и противоречие частью самой природы существования?»

Общество, как оно устроено в настоящем, основано на амбиции и конфликте, и почти

каждый принимает этот факт как неизбежный. Индивидуум находится в зависимости от его неизбежности, через образование, через различные формы внешнего и внутреннего принуждения, его заставляют быть конкурентоспособным. Если он хочет вписаться в это общество вообще, он должен принять условия, которые оно устанавливает, иначе он переживает довольно тяжелые времена. Мы, кажется, думаем, что нам надо вписаться в это общество, но почему мы должны?

«Если мы не сделаем это, мы скатимся на дно».

Интересно, случилось бы это, если бы мы увидели целостное значение проблемы? Мы могли бы и не жить согласно обычному образцу, но жили бы творчески и счастливо, с совершенно иной перспективой. К такому состоянию нельзя прийти, если мы принимаем существующий социальный образец как неизбежный. Но вернемся к вашей точке зрения: действительно ли амбиция, соревнование и конфликт составляют predetermined и неизбежный путь жизни? Вы, очевидно, предполагаете, что да. Теперь давайте начнем отсюда. Почему вы принимаете этот основанный на конкуренции путь жизни как единственный процесс существования?

«Я конкурентоспособен и амбициозен, как и все вокруг меня. Это факт, который часто доставляет мне удовольствие, а иногда причиняет боль, но я просто принимаю его без сопротивления, потому что я не знаю какого-либо другого жизненного пути, и, даже если б знал, наверняка я боялся бы попробовать его. На мне большая ответственность, и я бы серьезно беспокоился о будущем моих детей, если бы я покончил с обычными мыслями и привычками в жизни».

Вы можете быть ответственны за других, сэр, но нет ли на вас также ответственности за то, чтобы создать мир на планете? Не может быть никакого мира, никакого длительного счастья для человека, пока мы — индивидуум, группа и нация — принимаем это основанное на конкуренции существование как неизбежное. Конкурентоспособность, амбиция подразумевает конфликт внутри и снаружи, не так ли? Амбициозный человек — это не мирный человек, хотя он может говорить о мире и братстве. Политик никогда не сможет привести в мир умиротворение, не могут и те, кто принадлежит любой организованной вере, поскольку они все отвечали условиям мира лидеров, спасителей, руководителей и примеров. И когда вы следуете за другим, вы ищете удовлетворения вашей собственной амбиции либо в этом мире, либо в мире воображения, либо в так называемом духовном мире. Конкурентоспособность, амбиция подразумевает конфликт, верно?

«Я понимаю это, но что же делать? Оказавшись пойманным в этих сетях соревнования, как выбраться из них? И даже если удастся выбраться из них, какая гарантия, что между человеком и человеком будет мир? Пока все из нас не поймут суть проблемы одновременно, восприятие той сути одним или двумя вообще не будет иметь никакой ценности».

Вы хотите знать, как выбраться из этих сетей конфликта, удовлетворения расстройств. Сам вопрос «как?» подразумевает, что вы хотите быть уверенным, что ваша попытка не окажется напрасной. Вы все еще хотите преуспеть, только на ином уровне. Вы не видите, что всякая амбиция, всякое желание успеха в любом направлении создает конфликт, как внутренний, так и внешний. «Как?» является путем амбиции и конфликта, и этот самый вопрос мешает вам наблюдать суть проблемы. «Как?» — это лестница к дальнейшему успеху. Но сейчас мы не мыслим понятиями успеха или неудачи, скорее, понятиями устранения конфликта. И разве из этого следует, что без конфликта застой неизбежен? Конечно, мир возникает не благодаря мерам предосторожности, санкциям и гарантиям, а тогда, когда нет вас, вас, который является действующим лицом конфликта, с вашими амбициями и расстройствами.

Другая ваша точка зрения, сэр, что все должны понять суть этой проблемы одновременно,

является очевидной невозможностью. Но для вас возможно понять это, и когда вы так сделаете, та суть, которую вы поймете и которая приносит свободу, повлияет на других. Это должно начаться с вас, поскольку вы — это мир, так же как и другой.

Амбиция порождает посредственность ума и сердца, амбиция поверхностна, так как она постоянно стремится к результату. Человек, который хочет быть святым или успешным политиком, или крупным руководителем, заинтересован в личном достижении. Отождествленное ли с идеей, нацией, или системой, религиозной или экономической, побуждение быть успешным укрепляет эго, «я», чья структура хрупкая, поверхностная и ограниченная. Все это является довольно очевидным, если приглядеться к этому, верно?

«Это может быть очевидно для вас, сэр, но для большинства из нас конфликт дает смысл существования, чувство, что мы живы. Без амбиции и соревнования наши жизни были бы серыми и бесполезными».

Так как вы поддерживаете этот основанный на конкуренции путь жизни, ваши дети, и дети ваших детей будут порождать дальнейший антагонизм, зависть и войну, ни вы, ни они не будете знать покоя. Будучи в зависимости от условностей этого традиционного образца существования, вы, в свою очередь, учите ваших детей это принимать, так что все в мире происходит таким печальным образом.

«Мы хотим измениться, но...» Он осознал свою собственную тщетность и прекратил говорить.

Медитация — усилие — сознание

Море было за горами на востоке от долины, и через середину долины река неторопливо проделывала свой путь к морю. Река была полноводной круглый год, и она была прекрасной, даже когда протекала мимо города, который был весьма крупным. Горожане использовали реку для всего: для ловли рыбы, для купания, для питьевой воды, для сброса сточных вод, и отходы фабрики выливались в нее. Но река отбрасывала всю человеческую грязь, и ее воды были вновь ясными и синими вскоре после того, как она миновала места обитания человека.

Широкая дорога пошла вдоль реки на запад и вела к плантациям чая в горах. Она извивалась вправо и влево, иногда теряя реку, но большую часть времени река оставалась в поле зрения. Когда дорога поднялась, следуя за рекой, плантации стали побольше, и то там, то тут стояли фабрики, чтобы сушить и обрабатывать чай. Вскоре поместья стали обширными, а река зашумела из-за водопадов. Утром можно было бы видеть ярко одетых женщин, их тела были сутулыми, их кожа стала темной из-за обжигающего солнца, они собирали нежные листья с чайных кустарников. Это все нужно было собрать до определенного времени утром и отнести на ближайшую фабрику до того, как солнце станет слишком палящим. На той высоте солнце было сильным и глубоко проникающим, и, хотя они привыкли к нему, некоторые из женщин покрыли свои головы чем-то из одежды, которую они носили. Они были веселые, быстрые и умелые в своей работе, и скоро та особая задача на сегодня будет закончена, но большинство из них были женами и матерями, и им все еще придется готовить и заботиться о детях. У них был союз, и плантаторы обращались с ними достойно, поскольку это будет бедствием — получить забастовку и позволить нежным листьям дозреть до их нормального размера.

Дорога все продолжала подниматься вверх, и воздух стал весьма холодным. На высоте восьми тысяч футов больше не было чайных плантаций, но люди обрабатывали почву и много чего выращивали, что будет отправлено в города вдоль моря. С той высоты вид на леса и равнины был великолепным, а река, теперь серебристая, в нем преобладала. Возвращаясь другим путем, дорога вилась через зеленые, искрящиеся рисовые поля и дремучие леса. Всюду было множество пальм, манговых деревьев и цветов. Народ был весел, и вдоль обочины было выставлено много вещей, от безделушек до сочных фруктов. Люди были ленивы и спокойны, и казалось, они имели достаточно, чтобы поесть, в отличие от тех, кто жил в низменности, где жизнь была трудна, скудна и в тесноте.

Он был саньясином, монахом, но не какого-то специфического ордена, и он рассказывал о себе от третьего лица. Будучи еще молодым, он отрекся от мирской жизни и ее путей и блуждал по всей стране, останавливаясь у некоторых из известных религиозных учителей, говоря с ними и следуя их специфической дисциплине и ритуалам. Он много голодал, жил в одиночестве среди гор и делал большинство вещей, которые, как предполагается, делают саньясины. Он причинил себе физический вред из-за чрезмерной аскетической практики, и хотя, это было давно, его тело все еще страдало от этого. Тогда однажды он решил отказаться от всех этих практик, ритуалов и дисциплин как тщетных и не имеющих большого значения и ушел в какую-то далекую горную деревню, где он провел много лет в глубоком размышлении. Случилась обычная вещь, сказал он с улыбкой, и он в свою очередь стал известным и имел большое количество учеников-последователей, которым он преподавал простые вещи. Он читал древнюю литературу на санскрите, а теперь и это он оставил. Хотя было необходимо кратко описать, какой была его жизнь, добавил он, это не было целью, ради которой он пришел.

«Медитация превыше всякой добродетели, жертвы и акт беспристрастной помощи, — заявил он. — Без медитации знание и действие становятся утомительным бременем, имеющим

очень маленькое значение. Но немногие знают, что такое медитация. Если вы желаете, мы можем поговорить об этом. При медитации это был опыт говорящего, чтобы достигнуть различных состояний сознания. Он имел переживания, через которые все стремящиеся люди рано или поздно проходят, видения воплощенных Кришны, Христа, Будды. Они — это результат собственной мысли и образования и того, что можно называть культурой. Существует различное многообразие видений, переживаний и сил. К сожалению, большинство ищущих оказываются в сети их собственной мысли и желания, даже некоторые из самых великих толкователей истины. Имея силу, чтобы исцелять, и дар слова, они становятся узниками их собственных способностей и переживаний. Сам говорящий прошел через эти опыты и опасности, и на высоте своих возможностей понял и ушел вне их — по крайней мере, давайте так надеяться. Что тогда является медитацией?»

Конечно, при рассмотрении медитации усилие и тот, кто прилагает усилия, должны быть поняты. Хорошее усилие приведет к одному, а плохое к другому, но оба обязывающие, верно?

«Говорят, что вы не читали Упанишады или какую-либо из священной литературы, но вы говорите так, будто читали и знаете».

Это правда, что не читал ни одну из этих вещей, но это неважно. Хорошее усилие и плохое усилие являются оба обязывающими, и именно эту неволю необходимо понять и разрушить. Медитация — это разрушение всякой неволи, это состояние свободы, но не от чего-нибудь. Свобода от чего-то — это только культивирование сопротивления. Осознавать, что ты свободен — это не свобода. Сознание — это переживание свободы или неволи, и это сознание является переживающим тем, кто прилагает усилия. Медитация — это разрушение переживающего, что не может быть сделано сознательно. Если переживающий разрушается сознательно, то происходит укрепление воли, которая также является частью сознания. Наша проблема тогда касается целостного процесса сознания, а не одной его части, маленькой или большой, доминирующей или подчиненной.

«То, что вы говорите, кажется истинным. Пути сознания глубоки, вводящие в заблуждение и противоречащие. Только через беспристрастное наблюдение и осторожное изучение этот клубок может быть распутан, и порядок возобладает».

Но, сэр, распутывающий-то все еще здесь, можно назвать его высшее «я», атман, и так далее, но он все еще часть сознания, прилагающий усилия, тот, кто постоянно пробует добраться куда-нибудь. Усилие — это желание. Одно желание может быть преодолено большим желанием, а то желание еще одним и так далее до бесконечности. Желание порождает обман, иллюзию, противоречие и видение надежды. Всепобеждающее желание наивысшего или желание достигнуть того, что является, не имеет названия, является все еще путем сознания, переживающего хорошее и плохое, переживающего, который ожидает, наблюдает, надеется. Сознание не принадлежит одному специфическому уровню, это единое целое нашего бытия.

«То, что вы сказали, превосходно и истинно, но если можно поинтересоваться, что же это, что даст мир и спокойствие этому сознанию?»

Ничто. Естественно, что ум вечно ищет результат, путь для определенного достижения. Ум — это инструмент, который создали, это механизм времени, и он может только думать с помощью понятий результата, достижения, чего-то, что нужно получить или избежать.

«Это так. Вы утверждаете, что пока ум активен, выбирая, ища, переживая, должен быть тот, кто прилагает усилия, кто создает свой собственный образ, называя его различными именами, и это сеть, в которую поймана мысль».

Сама мысль — это породитель этой сети, мысль и есть сеть. Мысль опутывает, мысль может только привести к обширному пространству времени, области, в которой знание, действие, добродетель имеют важность. Каким бы ни было мышление очищенным или

упрощенным, оно не может контролировать любую мысль. Сознание как переживающий, наблюдатель, выбирающий, надсмотрщик, воля должно прекратить быть, добровольно и счастливо, безо всякой надежды на награду. Ищущий прекращает быть. Это медитация. Спокойствие ума нельзя вызвать актом воли. Спокойствие возникает, когда прекращает быть воля. Это медитация. Действительность нельзя отыскать, она есть тогда, когда нет ищущего. Ум — это время, а мысль не может раскрыть неизмеримое.

Психоанализ и проблема человечества

Птицы и козы все находились где-то в другом месте, и было удивительно тихо и уединенно под широко раскинувшимся деревом, стоявшим одиноко в просторе полей, хорошо ухоженных, и сочной зелени. Холмы виднелись на некотором расстоянии, суровые и непривлекательные в полуденном солнце, но под деревом было темно, прохладно и приятно. Это дерево, огромное и внушительное, содержало большую силу и симметрию в своем одиночестве. Оно было живым организмом, уединенным, и в то же время казалось, оно возвышалось над всем окружающим, даже над отдаленными холмами. Сельские жители поклонялись ему, напротив его широкого ствола лежал высеченный камень, на который кто-то положил яркие желтые цветы. Вечером никто не подходил к дереву, его одиночество было слишком одолевающим, и было лучше поклоняться ему в течение дня, когда была густая тень, чирикающие птицы и звуки человеческих голосов. Но в этот час все сельские жители были рядом с их хижинами, и под деревом было очень тихо. Солнце никогда не проникало к основанию дерева, и цветы держались до следующего дня, когда будут сделаны новые жертвоприношения. К дереву вела узкая тропинка и затем уходила в зеленые поля. По этой тропинке осторожно вели стадо коз, пока они не достигли холмов, затем они дико разбежались, поедая все в пределах досягаемости. К вечеру дерево было в полном своем величии. Когда солнце село за холмами, поля стали более насыщено-зелеными, и лишь вершина дерева ловила последние лучи, золотые и прозрачные. С приходом темноты дерево, казалось, отдалялось от всего окружающего и на ночь замыкалось в себе, его тайна, казалось, увеличивалась, проникая в тайну всех вещей.

Психолог и аналитик, он практиковал в течение многих лет и имел на счету много выздоровлений. Он работал как в больнице, так и в своем личном офисе. Многие преуспевающие пациенты сделали его таким же преуспевающим, с дорогими автомобилями, загородным домом и всем прочим. Он серьезно относился к своей работе, это не было просто прибыльным делом, и он использовал различные методы анализа в зависимости от пациента. Изучал гипноз и экспериментально практиковал его на некоторых из своих пациентов.

«Это очень любопытно, — сказал он, — как во время гипнотического состояния люди свободно и легко говорят о своих скрытых принуждениях и реакциях, и каждый раз, когда пациент подвергается гипнозу, я чувствую необычность этого. Я сам был добросовестен и честен, но полностью осознаю серьезную опасность гипноза, особенно в руках недобросовестных людей, медиков или других. Гипноз может или не может быть кратчайшим путем, но я не думаю, что он оправдан, кроме как в некоторых трудных случаях. Требуется длительный период, чтобы вылечить пациента, обычно несколько месяцев, и это довольно-таки утомляющее мероприятие». «Некоторое время назад, — продолжал он, — пациентка, которую я лечил в течение множества месяцев, пришла навестить меня. Совсем не глупая женщина, она была начитана и имела широкий круг интересов. Со значительным волнением и улыбкой, которую я не видел долгое время, она сказала мне, что подруга убедила ее посетить некоторые из ваших бесед. Оказалось, что во время бесед она чувствовала, как освобождалась от депрессий, которые были довольно серьезными. Она сказала, что первая беседа совершенно сбила ее с толку. Мысли и слова были ей плохо знакомы и казались противоречивыми, и она не хотела посещать вторую беседу, но ее подруга объяснила, что это часто случалось, и что она должна послушать несколько бесед, перед тем как делать свои выводы. В итоге она побывала на всех из них, и, как я говорю, она почувствовала облегчение. То, что вы сказали, казалось, задело некоторые точки в ее сознании и без приложения каких-либо усилий освободили от расстройств и депрессий, она обнаружила, что они прошли, просто прекратили существовать. Это было

несколько месяцев назад. Я видел ее снова на днях, и, конечно же, мы выяснили те депрессии. Она нормальна и счастлива, особенно в ее взаимоотношениях с семьей, и, кажется, все в порядке».

«Это все только начало, — продолжил он. — Понимаете, благодаря этой пациентке, я прочитал некоторые из ваших учений, и о чем я действительно хочу поговорить с вами, это вот что. Существует ли способ или метод, с помощью которого мы сможем быстро добраться до корня всего человеческого страдания? Наши существующие методики занимают время и требуют значительного исследования пациента».

Сэр, если позволите спросить, что вы пытаетесь сделать с вашими пациентами?

«Говоря просто, без психоаналитических терминов, мы пробуем помочь им преодолевать их трудности, депрессии и так далее, чтобы они могли вливаться в общество».

Вы думаете, что очень важно помочь людям вливаться в это испорченное общество?

«Оно может быть испорченным, но преобразование общества — не наше дело. Наше дело — помочь пациенту приспособиться к окружающей среде и быть более счастливым и полезным гражданином. Мы имеем дело с неординарными случаями и не пытаемся создавать супернормальных людей. Я не считаю это нашей функцией».

Вы думаете, что вы можете отделить себя от вашей функции? Если можно спросить, это не также ваша функция создать полностью новый порядок, мир, в котором не будет никаких войн, никакого антагонизма, никакого убеждения конкурировать и так далее? Разве не все эти побуждения и принуждения вызывают социальную окружающую среду, которая порождает ненормальных людей? Если беспокоиться только о помощи индивидууму соответствовать существующему социальному образцу, здесь или в другом месте, разве это не значит поддерживать те самые причины, которые приводят к расстройству, нищете и разрушению?

«Конечно кое-что есть в том, что вы говорите, но как аналитики я не думаю, что мы подготовлены, чтобы вникнуть столь глубоко во всю причинную обусловленность человеческого страдания».

Тогда, сэр, вы заинтересованы не в полном развитии человека, а только в одной специфической части его полного сознания. Исцеление некоторой части может быть необходимо, но без понимания целостного процесса в человеке мы можем вызвать другие формы болезни. Конечно, это не вопрос спора или предположения, очевидный факт, который должен быть учтен не просто специалистами, но каждым из нас.

«Вы затрагиваете очень серьезные темы, к которым я не привык, и обнаруживаю, что мне это не по зубам. Я думал как-то неопределенно об этих вещах и о том, что мы фактически пытаемся проделать с нашими пациентами помимо обычной процедуры. Понимаете, большинство из нас не имеет ни склонности, ни необходимого времени, чтобы изучить все это. Но я предполагаю, что нам действительно следует делать это, если мы хотим освободить себя и помогать нашим пациентам освобождаться от замешательства и страдания нынешней западной цивилизации».

Замешательство и страдание существуют не только на западе, потому что люди во всем мире находятся в таком же тяжелом положении. Проблема индивидуума — это также всемирная проблема, они не являются двумя отдельными и отличными процессами. Мы, конечно, обеспокоены человеческой проблемой, неважно, находится ли человек на востоке или на западе, что является произвольным географическим разделением.

Целое сознание человечества озабочено Богом, смертью, правильными и счастливыми средствами к существованию, детьми и их образованием, войной и миром. Без понимания всего этого не может быть никакого исцеления человечества.

«Вы правы, сэр, но я думаю, очень немногие из нас способны на такое обширное и глубокое

исследование. Большинство из нас неправильно образованы. Мы становимся специалистами, техниками, в чем есть польза, но, к сожалению, это цель для нас. Является ли его специализацией душа или комплекс, каждый специалист строит собственный маленький рай, как делает священник, и хотя он может иногда прочесть кое-что на стороне, он остается там, пока он не умирает. Вы правы, но это так.

Теперь же, сэр, я хотел бы возвратиться к моему вопросу: есть ли метод или техника, с помощью которой мы можем проникнуть непосредственно к корню наших страданий, особенно страданий пациента, и таким образом их быстро устранить?»

И снова, если позволите спросить, почему вы всегда мыслите понятиями методов и техник? Могут ли метод или техника освободить человека или же они просто сформируют его для желаемой цели? А желаемая цель, являющаяся противоположностью человеческих неприятностей, страхов, расстройств, давлений, сама и является их результатом. Реакция противоположности — это не истинное действие, как в экономическом, так и в психологическом мире. Помимо техники или метода может быть фактор, который по-настоящему поможет человеку.

«Что же это?»

Возможно, это любовь.

Очищение от прошлого

Ухоженная дорога вела к подножию холма, а оттуда продолжалась в виде тропинки. На вершине холма находились руины очень древней цитадели. Тысячи лет назад это было труднопреодолимое место, крепость из гигантских камней, из гордых колонных залов с мозаичными полами, мраморными ваннами и палатами. Чем ближе приближаешься к этой цитадели, тем выше и толще ее стены становились, и более отчаянно ее, должно быть, защищали. Все же она была захвачена, разрушена и построена заново. Внешние стены были сделаны из огромных кусков скалы, помещенные один поверх другого без какого-либо раствора для их скрепления. За стенами был древний колодец, с глубиной множество футов, со ступеньками, ведущими вниз. Ступеньки были гладкими и скользкими, и стороны колодца блестели из-за влаги. Все это превратилось теперь в руины, но вид с вершины холма оставался изумительным. Вдалеке слева было искрящееся море, ограничивавшее широкие открытые равнины с холмами позади них. Чуть ближе было два меньших холма, которые в те далекие дни также были крепостями, но ничто нельзя было сравнить с этой высокой цитаделью, которая смотрела свысока на соседние холмы и на равнины. Было прекрасное утро, ветер дул от моря, колебля яркие цветы среди руин. Они были очень красивы, их цвета богаты и насыщены, и росли они в необычных местах, на камнях, в щелях сломанных стен и во внутренних дворах. Они росли там, дикими и свободными, в течение неисчислимых столетий, и казалось кощунством наступать на них, поскольку они заполнили тропинку. Это был их мир, а мы были незнакомцами, но они не заставляли нас так себя чувствовать.

Вид с этой вершины не был поразительным, подобно тем, которые иногда можно видеть, и которые вводят в забвение из-за великолепия и тишины. Здесь было не так. Здесь упоительное очарование, нежное и всеохватывающее, здесь вы могли жить бесконечно, без прошлого и будущего, так как вы были едины с этим всем восторженным миром. Вы не были человеком, незнакомцем из другой страны, а вы были теми холмами, теми козами и всем стадом коз. Вы были небом и цветущей землей, вы не были отделены от этого, вы принадлежали этому. Но вы не осознавали, что принадлежали этому, так же как и те цветы. Вы были теми улыбающимися полями, синим морем и далеким поездом с его пассажирами. Вы не существовали, вы тот, кто выбирает, сравнивает, действует и ищет, вы были со всем.

Кто-то сказал, что уже поздно и нам пора, поэтому мы спустились по тропе с другой стороны холма, и затем пошли по дороге, ведущей к морю.

Мы сидели под деревом, и он рассказывал, как будучи молодым и средних лет человеком, он работал в разных частях Европы на протяжении двух мировых войн. Во время последней мировой у него не было дома, он часто ходил голодным и чуть не был застрелен из-за чего-то то одной, то другой побеждающей армией. Он провел бессонные и мучительные ночи в тюрьме, поскольку в блужданиях потерял паспорт, и ни один не стал верить его голословному утверждению относительно того, где он был рожден и какой стране принадлежал. Он говорил на нескольких языках, был инженером, затем участвовал в некотором виде бизнеса, а теперь рисовал. Сейчас у него был паспорт, сказал он с улыбкой, и местом где жить.

«Есть много таких, как я, людей, которые были истреблены и возвратились к жизни снова, — продолжал он. — Я не сожалею об этом, но так или иначе я потерял близкий контакт с жизнью, по крайней мере с тем, что называют жизнью. Я сыт по горло армиями и королями, флагами и политикой. Они причинили так много вреда и горя, так же, как и наша официальная религия, которая пролила больше крови, чем любая другая. Даже мусульманский мир не может сравниться с нами в насилии и ужасе, и теперь все мы снова погрязли в этом. Раньше я был

очень циничным, но это также прошло. Я живу один, поскольку моя жена и ребенок умерли во время войны, и любая страна, если там тепло, достаточно хороша для меня. Так или иначе, я не сильно переживаю, продаю мои картины время от времени, что поддерживает меня. Временами довольно-таки трудно сводить концы с концами, но кое-что всегда появляется, и так как мои нужды очень просты, я не очень-то беспокоюсь о деньгах. Я — монах в душе, но вне пределов заточения в монастыре. Я рассказываю вам все это, не только чтобы молоть вздор о себе самом, но и чтобы описать вам условия моего воспитания и обучения, потому что в ходе разговора с вами я смогу понять кое-что, что стало жизненно важным для меня. Ничто иное не интересует меня, даже моя живопись.

Однажды я отправился к тем холмам с моими принадлежностями для живописи, поскольку я увидел там кое-что такое, что я хотел нарисовать. Было довольно раннее утро, когда я добрался к месту, и в небе было несколько облаков. Оттуда, где я был, я мог видеть расстояние от долины до яркого моря. Я был очарован тем, что был один, и начал рисовать. Я, должно быть, рисовал в течение некоторого времени, и выходило красиво. Я был так поглощен своей живописью, что некоторое время не замечал, что происходило со мной, а затем внезапно я осознал это. Я не мог продолжать рисовать и сидел очень спокойно».

После секундной паузы он продолжил.

«Не посчитайте меня сумасшедшим, я не такой, но, сидя там, я осознавал необычно творческую энергию. Это не было творческим настроением, но кое-что было во мне, кое-что, что было также в тех муравьях и в той суетливой белке. Возможно, что я объясняю не очень хорошо, но наверняка вы понимаете то, что я имею в виду. Это не было творческим порывом некоего Тома, Дика или Гарри, пишущих поэму, или мое рисование глупой картины, это было просто творчество, чистое и простое, а вещи, сотворенные умом или рукой, были всего лишь на внешних краях этого творчества и имели небольшое значение. Казалось, я купался в нем, в нем была священность, благословение. Если бы мне надо было выразить это религиозными словами, я бы сказал...нет, не буду. Религиозные слова застревают у меня в горле, они больше не имеют никакого значения. Это был центр Творения, сам Бог... Снова эти слова! Но говорю вам, это было что-то святое, не искусственно созданная святость церквей, ладана и песнопений, которые являются всей незрелой бессмыслицей. Это было что-то неоскверненное, немислимое, и слезы покатались по моим щекам. Я очищался от всего моего прошлого. Белка прекратила суетиться о своем следующем обеде, и возникла удивительная тишина, не тишина ночи, когда все спит, а тишина, в которой все бодрствовало.

Я, должно быть, просидел там неподвижно очень длительное время, так как солнце оказалось на западе. Я немного одеревенел, одна нога отекала, и я мог вставать только с трудом. Я не преувеличиваю, сэр, но время, казалось, остановилось, или, скорее, времени не было. У меня не было часов, но, должно быть, прошло несколько часов с момента, когда я отложил свою кисть, до момента, когда я встал. У меня не было истерики, и я не был без сознания, как некоторые могли бы сделать вывод, напротив, я был полностью начеку, осознавая все, что происходило вокруг меня. Собрав все свои вещи и тщательно сложив их в рюкзак, я ушел, и в том необычном состоянии я пошел домой. Все шумы маленького города никоим образом не нарушали то состояние, и это продолжалось несколько часов после того, как я добрался домой. Когда я проснулся следующим утром, оно полностью прошло. Я посмотрел на мой рисунок, он был хорош, но ничего выдающегося.

Простите, что говорил так долго, — закончил он, — но я сдерживал это в себе, и я не мог поговорить с кем-то еще. Если бы я рассказал, они вызвали бы священника или предложили сходить к психологу. Теперь я не прошу объяснений, на вопрос как это возникает? Какие

обстоятельства необходимы для его возникновения?»

Вы задаете этот вопрос, потому что хотите испытать это снова, не так ли?

«Кажется, что это скрытый мотив моего вопроса, но...»

Пожалуйста, давайте продолжим оттуда. Что является важным — не то, что случилось, а что вам не надо искать это. Жадность порождает высокомерие, а что является необходимым — так это смирение. Вы не можете искусственно взрастить смирение, если вы так сделаете, это больше не смирение, а еще одно приобретение. Важно, не то, что вам не следует иметь другой такой же опыт, а что должна быть невинность, свобода от памяти об опыте, хорошем или плохом, приятном или болезненном.

«О, господи, вы просите меня забыть то, что стало иметь для меня всеобъемлющее значение. Вы просите невозможного. Я не могу забыть это и не хочу».

Да, сэр, это трудно. Пожалуйста, послушайте с терпением и пониманием. Что у вас теперь? Мертвая память. В то время, как это происходило, это было живым существом и не было «меня», которое переживало бы то живое существо, никакая память не цеплялась за то, что было. Ваш ум был тогда в состоянии чистоты, без поиска, выяснения или удержания, он был свободен. Но сейчас вы ищете и цепляетесь за мертвое прошлое. О, да, оно мертво, ваше воспоминание разрушило его и создает противоречие дуальности, противоречие между тем, что было, и тем, на что вы надеетесь. Конфликт смертелен, а вы живете с темнотой. Это по-настоящему случается, когда эго отсутствует, но память об этом, жаждущая большего, усиливает эго и мешает живой действительности.

«Тогда, как мне стереть это захватывающее воспоминание?»

Снова, ваш вопрос указывает на желание вернуть то состояние, не так ли? Вы хотите стереть память о том состоянии, чтобы испытать его в дальнейшем, так что жажда все еще остается, хотя вы и хотите забыть то, что было. Ваша жажда того необычайного состояния похожа на ту, когда человек находится в зависимости от выпивки или от наркотиков. Что на самом деле важно, это не дальнейшее переживание той действительности, а то, что эту жажду необходимо понять и она должна добровольно раствориться, без сопротивления, без воздействия воли.

«Вы имеете в виду, что само запоминание того состояния и мое страстное побуждение испытывать его снова, мешает произойти чему-то подобному или, возможно, иной природы? Неужели я не должен ничего делать, сознательно или подсознательно, чтобы вызвать его?»

Если вы действительно понимаете, то это так.

«Вы просите почти невозможного, но никто этого не знает».

Авторитет и сотрудничество

Она была секретарем крупного представителя деловых кругов, объяснила она, и работала с ним много лет. Она, должно быть, была трудоспособной, так как это проявлялось в ее отношении и в ее словах. Собрав немного денег, она оставила ту работу пару лет назад, потому что желала помогать миру. Все еще весьма молодая и энергичная, она хотела посвятить остальную часть своей жизни чему-то разумному, так что подумывала о различных духовных организациях. Перед поступлением в институт она обучалась в женском монастыре, но то, что ей там преподавали, теперь казалось ограниченным, догматическим и авторитарным, и, естественно, она не могла принадлежать такому религиозному учреждению. После изучения нескольких других она наконец-то остановилась на том, который, казалось, был более углубленным и имел большую важность, чем большинство, и теперь она активно действовала в самом центре той организации, помогая одному из ее главных рабочих.

«Наконец-то я нашла то, что дает удовлетворительное объяснение целой проблемы существования, — продолжала она. — Конечно, они имеют свои авторитеты в лице Мастеров, но не стоит верить в них. Я, бывало, верила, но это ни здесь, ни там. Я принадлежу внутренней группе, и, как вам известно, мы занимаемся некоторыми видами медитации. Очень немногим теперь рассказывают об их инициировании Мастерами, не столь много как прежде. В эти времена они более осторожны».

Если можно спросить, почему вы все это объясняете?

«Я присутствовала на вашем обсуждении недавно, когда было заявлено, что всякое следование — это зло. С тех пор я посетила еще несколько обсуждений, и, естественно, встревожена всем, о чем говорилось. Видите ли, работать на Мастеров не обязательно означает следовать им. Существуют авторитеты, но именно мы нуждаемся в авторитетах. Они не требуют от нас повиновения, но мы отдаем его им или их представителям».

Если, как вы говорите, вы принимали участие в обсуждениях, разве вы не думаете, что то, что вы говорите сейчас, довольно незрело? Искать защиты в Мастерах или их представителях, чей авторитет основан на их собственной ими выбранной обязанности и удовольствии, является по существу тем же самым, что искать защиту в авторитете церкви, не так ли? Одно можно рассматривать как узкое, а другое как обширное, но оба очевидно обязывающие.

Когда кто-то сбит с толку, он ищет руководства, но то, что он найдет, будет неизменно результатом собственного замешательства. Лидер так же сбит с толку, как и последователь, который из-за собственного противоречия и страдания выбрал лидера. Следовать за другим, будь то Лидер, Спаситель или Мастер, не вызывает ясности и счастья. Только понимание замешательства и его породителя — вот что является освобождением от противоречия и страдания. Это кажется довольно очевидным, верно?

«Возможно, для вас, сэр, но я все еще не понимаю. Мы должны работать по правильным направлениям, и те, кто знает, могут и действительно устанавливают некоторые планы ради нашего руководства. Это не подразумевает слепое следование».

Нет никакого поучающего следования, всякое следование есть зло. Авторитет развращает, в высоких ли кругах или среди бездумных. Бездумные не станут вдумчивыми следуя за другим, каким бы великим и благородным он ни был.

«Мне нравится сотрудничать с моими друзьями в работе ради чего-то, что имеет всемирное значение. Чтобы работать вместе, мы нуждаемся в некотором авторитете над нами».

Разве это сотрудничество, когда существует вынуждающее влияние, приятное или неприятное, авторитета? Разве это сотрудничество, когда вы работаете ради плана,

установленного другим? Разве тогда вы не сознательно или подсознательно приспосабливаетесь из-за страха, надежды на награду и так далее? И соответствие является сотрудничеством? Когда над вами авторитет, доброжелательный или тиранический, может ли быть сотрудничество? Несомненно, сотрудничество возникает только тогда, когда есть любовь к вещи самой по себе, без страха наказания или неудачи и без жажды успеха или признания. Сотрудничество возможно только, когда имеется свобода от зависти, жадности и от стремления личного или коллективного господства, власти.

«Не слишком ли вы радикальны в этих вопросах? Ничего никогда не было бы достигнуто, если бы нам пришлось ждать, пока мы не освободились бы от всех тех внутренних причин, которые являются очевидно злом».

Но чего вы достигаете теперь? Должна быть глубокая честность и внутренняя революция, если суждено быть иному миру, должны быть по крайней мере некоторые, кто сознательно или подсознательно не увековечивают противоречия и страдания. Личная амбиция и амбиция по отношению к коллективному должна исчезнуть, поскольку амбиция в любой ее форме мешает любви.

«Я слишком расстроена всем, что вы сказали, и я надеюсь, что смогу вернуться в другой день, когда я немного успокоюсь».

Она возвратилась многими днями спустя.

«После того, как я вас навестила, я ушла одна, чтобы объективно и ясно обдумать все это, и провела несколько бессонных ночей. Мои подруги предупредили меня не слишком тревожиться из-за того, что вы сказали, но я была встревожена, и мне самой пришлось разобраться с некоторыми вещами. Я прочитала некоторые из ваших бесед более вдумчиво, без сопротивления, и многое прояснилось. Никакого возвращения не будет, и я не драматизирую. Я ушла из организации на совсем, со всеми вытекающими последствиями. Мои подруги, естественно, расстроены и думают, что я вернусь, но боюсь, что нет. Я сделала это, потому что понимаю суть сказанного. Посмотрим, что теперь произойдет».

Посредственность

Шторм продолжался в течение нескольких дней, с сильными ветрами и обильными дождями. Земля впитывала воду, и с деревьев смывалась пыль многих лет. В этой части страны не было настоящего дождя в течение нескольких лет, но этот дождь теперь восполнил это, по крайней мере каждый надеялся, и радость сопутствовала шуму дождя и водных потоков. Дождь все еще шел, когда мы ложились спать, очень сильно барабанил по крыше. Он создавал ритм, танец, и слышалось журчание множества ручьев. Что это было за прекрасное утро! Тучи развеялись, все холмы вокруг сияли в раннем утреннем солнце, они все были омыты и чистыми, и в воздухе витала благодать. Еще ничто не шевелилось, и только высокие вершины сверкали. Через несколько минут начнется повседневный шум, но сейчас в долине стояло глубокое умиротворение, хотя ручьи бурлили, и вдалеке закукарекал петух. Все краски оживились, все было настолько ярким, молодая трава и то огромное дерево, которое, казалось, возвышалось над долиной. Новая жизнь была в изобилии, и теперь боги получают жертвоприношения, отданные с удовольствием и свободно. Теперь поля станут урожайными из-за прорастающего риса, и не будет никакой нехватки корма для коров и коз, теперь колодцы будут полны, и свадьбы будут сыграны с радостью. Земля будет рыжей, и будет празднование.

«Я хорошо осознаю состояние моего ума, — объяснил он. — Я учился в колледже и получил так называемое образование, довольно много читал. Политически я принадлежал к крайне левым, и мне весьма знакома их литература. Партия стала подобна любой организованной религии, она такая же, чем был и продолжает быть католицизм, с отлучениями от церкви, угрозами и лишениями. Какое-то время я честолюбиво работал в политике, надеясь на улучшение мира, но увидел насквозь фальшивую игру, хотя мог бы быть впереди всего этого. Еще раньше я понял, что реальное преобразование не происходит через политику, политика и религия не смешиваются. Я знаю, что это нужно сказать, что мы должны привнести религию в политику, но в тот момент, когда мы так сделаем, это больше не будет религией, это станет просто ерундой. Бог не говорит с нами политическими терминами, но мы творим нашего собственного бога в терминах наших политических или экономических условий.

Но я не пришел, чтобы поговорить с вами о политике, и вы совершенно правы, что отказываетесь обсуждать это. Я пришел, чтобы обговорить кое-что, что действительно сдает меня. Недавно вечером вы сказали что-то относительно посредственности. Я слушал, но не мог принять это, так как был слишком встревожен, но когда вы говорили, то слово «посредственность» очень сильно действовало на меня. Я никогда не думал о себе как о посредственности. Я не использую это слово в социальном смысле, и, как вы заметили, оно не имеет никакого отношения к классовым и экономическим различиям или к рождению».

Естественно. Посредственность находится полностью вне пределов сферы произвольных социальных разногласий.

«Понимаю, что это так. Вы также сказали, если я правильно помню, что по-настоящему религиозный человек — это единственный революционер, и такой человек не посредственен. Я говорю о посредственности ума, а не работы или положения. Те, кто находится в самых высоких и наиболее властных позициях, и тех, кто имеет удивительно интересные занятия, могут все еще быть посредственны. У меня нет ни возвеличенного положения, ни особо интересного увлечения, и я осознаю состояние моего собственного ума. Он просто посредственен. Я студент западной и восточной философии и заинтересован во многих других вещах, но несмотря на это мой ум совершенно обыкновенный. У него есть некоторая способность к скоординированному мышлению, но он все еще посредственен и не способен к творчеству».

Тогда, в чем же проблема, сэр?

«Во-первых, я по-настоящему сильно стыжусь состояния, в котором нахожусь, моей собственной чрезвычайной глупости, и говорю это без какой-либо жалости к себе. Глубоко внутри меня, несмотря на все мое обучение, я нахожу, что не склонен к творчеству в самом глубоком смысле этого слова. Должно быть, возможно получить ту творческую способность, о которой вы говорили на днях, но как пробудить ее? Не слишком ли это прямолинейный вопрос?»

Можем ли мы подумать над этой проблемой чуть попроще? Что же это, что делает посредственными ваше сердце и ум? Можно иметь энциклопедические знания, огромные способности и так далее, но за пределами всех этих поверхностных приобретений и талантов что делает ум совершенно глупым? Может ли ум быть, в какое-либо время другим, чем каким он всегда был?

«Я начинаю понимать, что ум, как бы умен, способен он ни был, может к тому же быть глупым. Его нельзя переделать во что-то другое, потому что он всегда будет таким, какой он есть. Он может быть безгранично способен к рассуждению, предположению, разработке, вычислению, но как бы он ни расширялся, он всегда будет оставаться в той же самой области. Я только что уловил значение вашего вопроса. Вы спрашиваете, может ли ум, который способен на такие удивительные подвиги, превзойти себя в его собственной воле и усилении».

Это один из вопросов, которые возникают. Каким бы ни был он умным и способным, если ум все еще посредственен, может ли он через его собственную волю когда-либо выйти за пределы себя? Простое осуждение посредственности с ее широким набором оригинальностей никоим образом не изменит факт. А когда осуждение, со всеми его последствиями, прекратилось, возможно ли выяснить, что же вызывает состояние посредственности? Мы теперь понимаем значение этого слова, так что давайте придерживаться его. Не является ли одним из факторов посредственности побуждение достичь, получить результат, преуспеть? И когда мы хотим стать творческими, мы все еще поверхностно имеем дело с вопросом, не так ли? Я есть это, которое я хочу заменить на то, поэтому я спрашиваю как, но когда способность к творчеству — это что-то, за что надо бороться, результат, который надо достичь, ум уменьшает ее до его собственного условия. Это процесс, который мы должны понять, а не пытаться заменять посредственность на что-либо другое.

«Вы имеете в виду, что любое усилие со стороны ума, чтобы изменить то, чем он является, просто ведет к продолжению его самого в другой форме, и таким образом никакого изменения вообще нет?»

Это так, верно? Ум породил его существующее состояние через его собственное усилие, через его желания и страхи, через его надежды, радости и боли, и любая попытка с его стороны изменять то состояние совершается все еще в том же самом направлении. Мелочный ум, пытающийся не быть им, является все еще мелочным. Конечно же, проблема в прекращении всякого усилия со стороны ума быть чем-то в любом из направлений.

«Конечно. Но это не подразумевает отрицание, состояние пустоты, не так ли?»

Если просто слышать слова без того, чтобы улавливать их значение, без того, чтобы экспериментировать и переживать, то умозаключения не имеют никакого основания под собой.

«Так что за способностью к творчеству нельзя гнаться. Ее нельзя изучить, практиковать или вызвать с помощью какого-либо действия, какой-либо формы принуждения. Я понимаю суть этого. Если можно, я буду размышлять вслух и медленно прорабатывать это с вами. Мой ум, который стыдился своей посредственности, теперь осознает значение осуждения. Это обвинительное отношение вызвано желанием измениться, но само это желание измениться — результат мелочности, так что ум все еще остается тем, чем он был, и никакого изменения

вообще не произошло. Насколько я понял».

Что это за состояние ума, когда он не пытается изменить себя, стать кем-то?

«Он принимает себя таким, какой он есть».

Принятие подразумевает, что существует личность, которая принимает, верно? И не является ли это принятие также формой усилия, чтобы получить, испытать еще? Таким образом, запускается конфликт дуальности, который является снова той же самой проблемой, поскольку это конфликт, который порождает посредственность ума и сердца. Свобода от посредственности — это то состояние, которое возникает, когда прекращается всякий конфликт, но принятие — это просто смирение. Или же это слово «принятие» имеет иное для вас значение?

«Я вижу последствия принятия, так как вы дали мне понимание его значения. Но что это за состояние ума, которое больше не принимает и не осуждает?»

Почему вы спрашиваете, сэр? Это то, что можно обнаружить, а не просто объяснить.

«Я не ищу объяснения и не размышляю, но не является ли это невозможным для ума быть спокойным, без всякого движения, и в то же самое время не осознавать свое собственное спокойствие?»

Осознавать это означает породить конфликт дуальности, не так ли?

Активное и пассивное обучение

Дорожка была неровной и пыльной и вела к маленькому городу в низовье. Несколько деревьев остались разбросанными по склону, но большинство из них было срублено для дров, и надо было подниматься на приличную высоту, чтобы найти густую тень. Там, вверху, деревья не были больше низкорослыми и искалеченными человеком, они вырастали в полный рост, с толстыми ветвями и нормальной листвой. Бывало, люди срезали ветку, чтобы отдать ее листья на съедение козам, и, когда она становилась голой, они пускали ее в расход на дрова. На более низких уровнях была нехватка древесины, и теперь они шли выше, карабкаясь и разрушая. Дожди уже не были столь обильны, как раньше, население увеличивалось, и людям надо было жить. Был голод, и люди жили так же безразлично, как и умирали. Здесь поблизости не было никаких диких животных, они, должно быть, ушли повыше. Было видно несколько птиц, порхающих среди кустарников, но даже они выглядели потрепанными, с некоторыми сломанными перьями. Черно-белая сойка оглушительно верещала, перелетая с сука на сук одинокого дерева.

Становилось теплее, и к полудню будет очень жарко. Обильных дождей не было много лет. Земля была выжженной и растрескавшейся, немногие деревья были покрыты коричневой пылью, и не было даже утренней росы. Солнце было беспощадным, день за днем, месяц в за месяцем, и сомнительный сезон дождей был все еще далек. Некоторые козы поднимались на холм с мальчиком, присматривающим за ними. Он был удивлен, увидев здесь кого-то, но не стал улыбаться и с серьезным видом последовал за козами. Это было уединенное место, и из-за поднимающейся высокой температуры была тишина.

Две женщины спустились по дорожке, неся на своих головах дрова. Одна была старой, а другая совсем молодой, а ноши, которые они несли, выглядели довольно-таки тяжелыми. Каждая удерживала на своей голове прикрытую рулоном ткани длинную связку сухих веток, связанных вместе зеленой виноградной лозой, и поддерживая ее на месте одной рукой. Их тела свободно покачивались, когда они спускались с холма легкой, бегущей походкой. На их ногах ничего не было, хотя дорожка была неровной. Ноги, казалось, сами находили дорогу, так так женщины никогда не смотрели вниз, они держали головы прямо, а их глаза были налиты кровью и задумчивы. Они были очень худыми, были видны их ребра, а волосы старшей женщины были спутаны и немыты. В одно время волосы девушки, должно быть, были причесаны и смазаны маслом, потому что все еще оставалось несколько чистых, блестящих прядей. Но она тоже была истощенной, и в ней присутствовала некая усталость. Недавно она, должно быть, пела и играла с другими детьми, но это было позади. Теперь же собирание древесины среди этих холмов было ее жизнью и будет, пока она не умрет, с передышками время от времени в ожидании ребенка.

Все мы пошли вниз по дорожке. Маленький провинциальный город был на расстоянии нескольких миль, и там они продадут свою ношу за гроши, чтобы только начать завтра снова. Они болтали, с долгими промежутками молчания. Внезапно молодая девушка сказала своей матери, что она голодна, а мать ответила, что они были рождены в голоде, жили в голоде и умирали в голоде, это было их участием. Это было утверждение факта, в ее голосе не было ни упрека, ни гнева, ни надежды. Мы продолжали спускаться по той каменистой дорожке. Не было наблюдателя, слушающего, жалеющего и идущего позади них. Он не был их частью из-за любви и жалости, он был ими, он прекратил быть, а они были. Они не были незнакомками, которых он встретил на вершине холма, они принадлежали ему. Это были его руки, которые держали связки дров, и пот, и истощение, и запах, и голод не принадлежали им, чтобы поделиться ими и погоревать. Время и место прекратили быть. В наших головах не было мыслей, слишком

утомленных, чтобы думать, а если все же мы думали, то только о том, как продать древесину, поесть, отдохнуть и начать снова. Ногам на каменистой дорожке никогда не было больно, не причиняло страдания и солнце над головами. Нас было только двое, спускавшихся по этому знакомому холму, проходивших мимо того колодца, где мы обычно пили, шедших дальше через сухое русло припоминаемого ручья.

«Я читал и слушал некоторые из ваших бесед, — сказал он, — и для меня то, что вы говорите, кажется очень пагубным. В этом нет никакого точного указания, никакого определенного жизненного пути. Этот восточная точка зрения является наиболее разрушительной, и посмотрите, куда она привела восток. Ваше негативное отношение, а особенно ваша настойчивость на том, что должна быть свобода от всякой мысли, очень сильно вводит в заблуждение нас, жителей запада, которые активны и трудолюбивы из-за темперамента и потребности. То, чему вы учите, в целом противоречит нашему образу жизни».

Если позволите заметить, это деление людей на тех, кто с запада, и тех, кто с востока, географически обусловлено и произвольное, не так ли? Оно не имеет никакого фундаментального значения. Живем ли мы на востоке или на западе от некой границы, независимо от того, являемся ли мы коричневыми, черными, белыми или желтыми, мы все люди, страдающие и надеющиеся, боящиеся и верящие. Радость и боль существуют здесь, также как они существуют и там. Мысль не принадлежит ни западу, ни востоку, но человек подразделяет ее согласно его условиям. Любовь не имеет географической характеристики, поддерживаемая как священная на одном континенте и отвергаемая на другом. Разделение человеческих существ происходит ради экономических и эксплуатационных целей. Это не означает, что индивидуумы не отличаются по характеру и тому подобному, есть сходство и все же есть различие. Все это является довольно очевидным и в психологическом отношении, и фактически, не так ли?

«Может быть, для вас, но наша культура, наш образ жизни полностью отличаются от восточного. Наше научное знание, медленно развивающееся со времен древней Греции, теперь огромно. Восток и запад развиваются по двум различным линиям».

Наблюдая различия, мы должны все же осознать подобие. Внешние проявления могут и действительно варьируются, но позади этих внешних форм и атрибутов убеждения, принуждения, тоска и страхи схожи. Не позволяйте быть обманутым словами. И здесь, и там человек хочет иметь мир и достаток и найти кое-что большее, чем материальное счастье. Цивилизации могут различаться в зависимости от климата, окружающей среды, питания и так далее, но культура во всем мире по существу одинакова: быть сострадательным, избегать зла, быть щедрым, не быть завистливым, прощать и так далее. Без этой фундаментальной культуры любая цивилизация, здесь или там, распадется или ее уничтожат. Знание может быть приобретено так называемыми отсталыми народами, они могут очень быстро изучать «ноу-хау» запада. Они также могут быть подстрекателями войны, генералами, адвокатами, полицейскими, тиранами, могут создавать концентрационные лагеря и все прочее. Но культура — это совершенно иной вопрос. Любовь к Богу и свобода человечества — не так легко достаются, а без них материальное благосостояние немного значит.

«Вы правы насчет этого, сэр, но мне хотелось бы, чтобы вы подумали над тем, что я сказал относительно того, что ваши учения являются пагубными. Я действительно хотел бы понять их, и не посчитайте меня невежливым, если я кажусь несколько прямолинейным в моих заявлениях».

Что является пагубным и что является созидательным? Большинство из нас привыкли, что нам указывают, что делать. Предоставление и следование указаниям рассматривается как

созидательное учение. Быть ведомым кажется созидательным, конструктивным, а для тех, кто вынужден следовать, истина, которая следует за злом, кажется пагубной, разрушительной. Истина — это отрицание ложного, а не противоположность ложного. Истина полностью отличается от созидательного и пагубного, а ум, который думает противоположными понятиями, никогда не сможет осознать ее.

«Боюсь, что я не полностью понимаю все это. Не могли бы вы объяснить еще раз?»

Вы видите ли, сэр, мы привыкли к авторитету и руководству. Побуждение, чтобы нами руководили, возникает из-за желания быть в безопасности, быть защищенным, а также из-за желания быть успешным. Это одно из наших самых глубоких побуждений, верно?

«Думаю, да, но без защиты и безопасности, человек был бы...»

Пожалуйста, давайте проникнем в суть дела и не будем делать поспешных выводов. В нашем побуждении быть в безопасности, не только как личности, но и как группы, нации и расы, не построили ли мы мир, в котором война внутри и снаружи определенного общества стала основной заботой.

«Я знаю, мой сын был убит в войне за океаном».

Мир — это состояние ума, это свобода от всякого желания быть в безопасности. Сердце и ум, которые ищут безопасности, всегда вынуждены быть в тени страха. Наше желание относится не только к материальной безопасности, но гораздо больше к внутренней, психологической безопасности, и именно это желание быть внутри в безопасности с помощью добродетельности, с помощью веры, с помощью нации создает ограниченные и от этого противоречащие группы людей и идеи. Это желание быть в безопасности, достичь желанного результата приводит к принятию указаний, к следованию за примером, к поклонению успеху, авторитету лидеров, спасителей, мастеров, гуру, и все это называют созидательным учением. Но это в действительности бездумность и подражание.

«Я понимаю это, но неужели невозможно направлять или быть направляемым, не превращая себя или другого в авторитет, спасителя?»

Мы пытаемся понять побуждение, чтобы нами руководили, верно? Что является этим побуждением? Разве оно не результат страха? Не будучи в безопасности, видя вокруг непостоянство, возникает побуждение найти кое-что безопасное, постоянное, но такое побуждение — это импульс страха. Вместо понимания, каков этот страх, мы убегаем от него, и сам этот побег — это страх. Каждый обращается в бегство в известное, а известное является верованиями, ритуалами, патриотизмом, утешающими формулами религиозных учителей, заверениями священников и так далее. Они в свою очередь порождают конфликт между человеком и человеком, и таким образом проблема сохраняется, переходя от одного поколения к другому. Если бы вы стали решать проблему, нужно было бы исследовать и понимать ее корень. Это так называемое созидательное учение, религии, указывающие, что думать, включая коммунизм, придают продолжение страху, так что созидательное учение на самом деле разрушительно.

«Думаю, что я начинаю понимать суть вашего подхода, и надеюсь, что мое восприятие правильно».

Это не личный, самоуверенный подход, нет личного подхода к истине, также как и к открытию научных фактов. Идея, что существуют отдельные пути к истине, что истина имеет различные аспекты, нереальна, это теоретическая мысль нетерпимых, пытающихся быть терпимыми.

«Надо быть очень осторожным, как я понимаю, при использовании слов. Но я хотел бы, если можно, возвратиться к пункту, который я поднял ранее. Так как большинство из нас научили думать — или научили, что думать, как вы выразились, не принесет ли это нам только

больше беспорядка, когда вы продолжаете утверждать различными способами, что всякая мысль обусловлена и что нужно идти за пределы всякой мысли?»

Для большинства из нас размышление необычайно важно, верно? Оно имеет определенное значение, но мысль не может найти то, что не является продуктом мышления. Мысль — это результат известного, поэтому она не может постичь неизвестное, непостижимое. Разве мысль — это не желание, желание материальных потребностей или самой высокой духовной цели? Мы говорим не о мысли ученого на работе в лаборатории, или о мысли поглощенного математика и так далее, а о той мысли, которая управляет нашей ежедневной жизнью, нашими повседневными контактами и реакциями. Чтобы выжить, мы вынуждены думать. Размышление — это процесс выживания либо индивидуума, либо нации. Размышление, которое является желанием в его самой низкой и его наивысшей форме, вечно вынуждено быть самоограничивающим, обусловленным. Думаем ли мы о вселенной, о нашем соседе, непосредственно о нас или о Боге, всякое наше размышление ограничено, обусловлено, не так ли?

«В том смысле, в каком вы используете слово „размышление“, предполагаю, что да. Но не знание ли помогает сломать это созданные условия?»

Разве? Мы накопили знания о таких многочисленных аспектах жизни — о медицине, о войне, о законе, о науке, и, по крайней мере, имеются хоть какие-то знания о нас самих, о нашем собственном сознании. Со всем этим обширным багажом информации свободны ли мы от горя, войны, ненависти? Неужели большее количество знаний освободит нас? Можно знать, что война неизбежна, пока личность, группа, или нация корыстно стремятся к власти, и все же продолжать идти путями, которые ведут к войне. Может ли центр, который порождает антагонизм, ненависть, быть радикально преобразован через знание? Любовь — это не противоположность ненависти, если через знания ненависть превращается в любовь, тогда это не любовь. Это превращение, вызванное мыслью, волей, является не любовью, а просто другим самозащитным приспособлением.

«Я вообще не улавливаю этого, если можно так сказать».

Мысль — это отклик того, что было, ответ памяти, не так ли? Память — это традиция, опыт, и ее реакция на любой новый опыт — это результат прошлого, так что опыт всегда усиливает прошлое. Ум — это результат прошлого, времени, мысль — это продукт многих вчерашних дней. Когда мысль стремится изменить себя, пробуя быть или не быть этим или тем, она просто увековечивает себя под другим названием, будучи результатом времени, она никогда не сможет понимать бесконечное, вечное. Мысль должна прекратить быть для того, чтобы возникло реальное.

Видите ли, сэр, мы так боимся потерять то, что, как мы думаем, имеем, что никогда не проникаем в эти вещи очень глубоко. Мы смотрим на поверхность нас самих и повторяем слова и фразы, которые имеют небольшое значение. Так что мы остаемся мелочными и порождаем антагонизм так же бездумно, как и детей.

«Как вы сказали, мы бездумны в нашей кажущейся вдумчивости. Я приду снова, если можно».

Улицы были переполнены, а магазины были полны товаров. Это была богатая часть города, но по улицам передвигались люди разного вида, богатые и бедные, чернорабочие и офисные служащие. Были мужчины и женщины со всех частей света, меньшинство в национальных одеждах, а большинство одеты на западный манер. Было много автомобилей, новых и старых, и тем весенним утром дорогие авто искрились из-за хромированного покрытия и полировки, а лица людей были светящимися и улыбающимися. Магазины также были полны народа, и очень немногие, казалось, осознавали синеву неба. Их привлекали витрины, одежда, обувь, новые автомобили и продовольствие. Всюду были голуби, перелетавшие с места на место среди множества ног и между бесконечными автомобилями. Был тут и книжный магазин со всеми последними книжными новинками бесчисленных авторов. Люди, казалось, никогда не имели забот в этом мире. Война была далеко, на другой части земного шара. Деньги, продовольствие и работа были в изобилии, и происходило повсеместно получение и расход. Улицы были подобны каньонам между высокими зданиями, и не было никаких деревьев. Было шумно, странная неутомимость была присуща народу, который имел все и в то же самое время ничего.

Огромная церковь стояла среди фешенебельных магазинов, а напротив нее был такой же большой банк, и оба были внушительны и очевидно необходимы. В просторной церкви священник в стихари и епитрахили (меховой накидке) проповедовал о Том, кто страдал ради человечества. Люди становились на колени в молитвах, там были свечи, иконы и запах ладана. Священник запевал первым, а прихожане подхватывали. Наконец они поднялись и вышли на залитые солнцем улицы и в магазины с их множеством товаров. Теперь в церкви было тихо, только некоторые остались, забывшись в собственных мыслях. Декорации, богато украшенные окна, кафедра проповедника, алтарь и свечи — все было там, чтобы успокоить человеческий ум.

Бога надо искать в церквях или в наших сердцах? Побуждение, чтобы вас кто-то утешил, порождает иллюзию, именно это побуждение создает церкви, храмы и мечети. Мы забываемся в них или в иллюзии всемогущего Государства, а реальное проходит мимо. Незначительное становится всепоглощающим. Истина, или то, что вы пожелаете, не может быть найдена с помощью ума, мысль не может найти ее, к ней нет никакого пути, ее нельзя купить через поклонение, молитву или жертвоприношение. Если мы хотим успокоения, утешения, мы так или иначе получим его, но вместе с ним приходит боль и страдание. Желание утешения, безопасности имеет силу создавать любую форму иллюзии. Только когда ум молчит, есть возможность для возникновения реального.

Нас было несколько, и В. начал, спрашивая, необходимо ли получать помощь, если нам надо понять всю эту запутанную проблему жизни. Не должен ли быть направляющий, освещенная сущность, кто сможет показать нам истинный путь?

«Не достаточно ли мы пресытились всем этим в течение многих лет? — спросил С. — Я из-за одного этого не ищу гуру или учителя».

«Если ты действительно не ищешь помощи, тогда, почему ты здесь? — настаивал В. — Ты хочешь сказать, что избавился от всякого желания руководства?»

«Нет, не думаю, что избавился, и мне хотелось бы исследовать побуждение искать руководство или помощь. Я теперь не засматриваюсь на витрины, как это бывало, бегая к различным учителям, древним и современным, как я однажды делал. Но я нуждаюсь в помощи, и хотел бы знать почему. И наступит ли когда-либо время, когда я больше не буду нуждаться в ней?»

«Лично я не был бы здесь, если не была доступна помощь от кого-либо, — сказал М. — мне

помогли в предыдущих случаях, и именно поэтому я здесь опять. Даже при том, что вы указали на зло из-за следования совету кого бы то ни было, сэр, мне помогли вы, и я буду продолжать приходить на ваши беседы и обсуждения так часто, как смогу».

Мы ищем свидетельство того, помогают ли нам или нет? Доктор, улыбка ребенка или прохожего, взаимоотношения, лист, унесенный ветром, изменение климата, даже учитель, гуру — все эти вещи могут помогать. Для человека, который внимателен, помощь есть всюду, но многие из нас в спящем состоянии по отношению ко всему окружающему нас, кроме определенного учителя или книги, и в этом наша проблема. Вы обращаете внимание, когда я говорю что-то, верно? Но когда кто-то другой говорит ту же самую вещь, возможно, иными словами, вы становитесь глухими. Вы слушаете того, кого вы считаете авторитетом, и не внимательны, когда говорят другие.

«Но я обнаружил, что то, что вы говорите, обычно имеет значение, — ответил М. — так что я слушаю вас внимательно. Когда другой говорит что-то, это часто простая банальность, глупый ответ, или, возможно, я сам глуп. Смысл в том, что мне помогает слушать вас, так почему я не должен делать этого? Даже если каждый будет упорно утверждать, что я просто повторяю за вами, я буду все же приходить так часто, как мне это удастся.

Почему мы открыты для помощи в одном особом направлении и закрыты для каждого другого направления? Сознательно или подсознательно вы можете отдавать мне вашу любовь, ваше сострадание, вы можете помогать мне понимать мои проблемы, но почему я упорно утверждаю, что вы — это единственный источник помощи, единственный спаситель? Почему я создаю вас как авторитет для себя? Я слушаю вас, я внимателен ко всему, что вы говорите, но я безразличен или глух к высказыванию другого. Почему? Не в этом ли проблема?»

«Вы не говорите, что мы не должны искать помощь, — сказал Л., — а вы спрашиваете нас, почему мы придаем важность тому, кто помогает, делая из него авторитет для нас. Верно?»

Я также спрашиваю, почему вы ищете помощь. Когда кто-то ищет помощь, что за побуждение скрывается за этим? Когда кто-то сознательно, преднамеренно приступает к поиску помощи, разве он хочет помощи, или спасения, утешения? Что же это, что мы ищем?

«Есть разные виды помощи, — сказал В. — От прислуги до наиболее выдающегося хирурга, от преподавателя средней школы до самого великого ученого — все они дают некоторую помощь. При любой цивилизации помощь необходима, не только обычного вида, но также и руководство духовного учителя, который достиг просветления и помогает установить порядок и мир человечеству».

Пожалуйста, давайте отставим обобщения и рассмотрим, что руководство или помощь значат для каждого из нас. Разве она не подразумевает решение индивидуальных трудностей, болей, печали? Если вы являетесь духовным учителем или доктором, я прихожу к вам для того, чтобы вы мне показали счастливый жизненный путь или вылечили от какой-то болезни. Мы ищем путь жизни у просветленного человека, а знания или информацию у ученого. Мы хотим достичь, мы хотим быть успешными, мы хотим быть счастливыми, поэтому ищем образец для жизни, который поможет нам достичь того, чего мы желаем, священного или светского. Перепробовав многое другое, мы думаем о истине как о высшей цели, окончательном успокоении и счастье, и мы хотим заполучить ее. Так что мы начеку, чтобы найти то, чего желаем. Но может ли желание когда-либо проделать свой путь к действительности? Разве желание чего-то, каким бы благородным это ни было, не порождает иллюзию? И когда желания действуют, разве они не основывают структуру авторитета, подражания и страха? Это фактический психологический процесс, ведь так? И помощь ли это или же самообман?

«Я с большим трудом не позволяю себя убедить в том, что вы говорите! — воскликнул В. — Я понимаю причину, значение этого. Но я знаю, что вы мне помогли, и я должен отрицать это?»

Если кто-то помог вам, и вы делаете из него ваш авторитет, тогда не мешаете ли вы всей дальнейшей помощи, не только от него, но и от всего окружающего вас? Разве помощь не лежит всюду вокруг вас? Зачем смотреть только в одном направлении? И когда вы так замкнуты, так привязаны, может ли какая-либо помощь достичь вас? Но когда вы открыты, есть бесконечная помощь во всех вещах, от пения птицы до зова человека, от листика травы до необъятности небес. Яд и коррупция начинаются тогда, когда вы относитесь к одному человеку как к вашему авторитету, вашему руководителю, вашему спасителю. Это ведь так, правда?

«Кажется, я понимаю то, что вы говорите, — сказал Л., — но моя трудность вот в чем. Я был последователем, искателем руководства много лет. Когда вы указываете на более глубокое значение следования кому-то или чему-то, разумом я соглашаюсь с вами, но часть меня восстает против. Теперь как же мне объединить это внутреннее противоречие так, чтобы я больше не был последователем?»

Два противостоящих желания или импульса не могут быть объединены, и когда вы представляете третий элемент, который является желанием объединения, вы только усложняете проблему, вы ее не решаете. Но когда вы понимаете целостное значение просьбы о помощи, следования за авторитетом, пусть это будет авторитет другого человека или же вашего собственного выдуманного образца, тогда само это восприятие кладет конец всему следованию.

Молчание ума

За далекой дымкой тумана скрывались белые пески и прохладное море, но здесь было невыносимо жарко, даже под деревьями и в доме. Небо больше не было голубым, а солнце, казалось, поглощало каждую частицу влажности. Ветерок, дувший от моря, прекратился, а горы позади, четкие и близкие, отражали палящие лучи солнца. Беспокойная собака лежала, задыхаясь, как если бы ее сердце разорвалось из-за этой невыносимо высокой температуры. Ясные, солнечные дни шли неделя за неделей, в течение многих месяцев, и холмы, больше не зеленые и мягкие из-за весенних дождей, были сожжены до коричневого цвета, земля была сухой и твердой. Но даже теперь в этих холмах была красота мерцающих за зелеными дубами и золотистым сеном с голыми скалами гор выше них.

Дорога, ведущая вверх через холмы к высоким горам, была пыльной, каменистой и неровной. Не было никаких ручьев, никакого звука воды. Жара была сильной на этих холмах, но в тени некоторых деревьев вдоль высохшего русла реки было терпимо, потому что здесь дул небольшой легкий ветерок, поднимающийся к каньону от долины. С этой высоты синева моря была видима на многие мили вдаль. Было очень тихо, даже птицы молчали, а синяя сойка, которая была шумной и склочной, теперь отдыхала. Коричневый олень спускался по дороге, внимательный и осторожный, направляясь к небольшой луже воды в так или иначе сухом русле ручья. Он передвигался по камням так тихо, его большие уши дергались, а большие глаза наблюдали за каждым движением среди кустарников. Он напился досыта и было улегся в тени около водоема, но, должно быть, учуял присутствие человека, которого он не мог видеть, поскольку он тревожно пошел вниз по дороге и исчез. А как трудно было наблюдать за койотом, своего рода дикой собакой, среди холмов! Он был того же самого цвета, как и камни, и хорошо старался, чтобы быть незамеченным. Вам пришлось бы прочно зафиксировать свой взгляд на нем, но даже тогда он исчез бы, и вы не могли бы снова различить его. Вы все смотрели и искали какое-либо движение, но его не было бы. Возможно, он мог бы прийти к водоему. Не слишком давно возник отвратительный пожар среди этих холмов, и дикие твари разбежались, но теперь некоторые возвратились. Через дорогу самка перепела вела своих новорожденных цыплят, их было больше дюжины, она мягко подбадривала, ведя их к густому кустарнику. Они были круглыми, желтовато-серыми комочками из пуха, столь плохо знакомыми с этим опасным миром, но живыми и очаровательными. Там под кустарником несколько из них взобрались на спину матери, но большинство их было под ее успокаивающими крыльями, отдыхая от борьбы за рождение.

Что связывает нас вместе? Это не наши потребности. Это ни торговля и крупные отрасли промышленности, ни банки и церкви, они всего лишь идеи и результаты идей. Идеи не связывают нас вместе. Мы можем быть вместе из-за удобства, или из-за необходимости, опасности, ненависти или поклонения, но ни одна из этих вещей не скрепляет нас. Они должны все отпасть от нас, так, чтобы мы были одни. В этом уединении есть любовь, и именно любовь скрепляет нас.

Озабоченный ум никогда не является свободным умом, неважно, занят ли он возвышенным или тривиальным.

Он прибыл из очень далекой страны. Хотя у него был полиомиелит, парализующее заболевание, теперь он был способен ходить и вести автомобиль.

«Подобно многим другим, особенно в таком же состоянии, я посещал различные церкви и религиозные организации, — сказал он, — и ни одна из них не дала мне никакого удовлетворения, но поиск никогда не прекращался. Думаю, что я серьезен, но одна из моих

трудностей — это то, что я завистлив. Большинство из нас движет амбиция, жадность или зависть, они неустанные враги человека, и все же, кажется, нельзя без них обойтись. Я пробовал выстроить различные типы сопротивления против зависти, но несмотря на все мои усилия, я оказываюсь в ее ловушке снова и снова, она, подобно воде, просачивающейся через крышу, и прежде, чем я осознаю, где я, я еще более сильно завидую, чем когда-либо. Вы, вероятно, отвечали на тот же самый вопрос множество раз, но если у вас есть терпение, я хотел бы спросить, как высвободить себя из этого водоворота зависти?»

Вы, должно быть, обнаружили, что вместе с желанием не быть завистливым возникает конфликт противоположностей. Желание или воля не быть этим, но быть тем, приводит к конфликту. Мы вообще полагаем, что этот конфликт является естественным процессом жизни, но так ли это? Эта постоянная борьба между тем, что есть, и тем, что должно быть, считается благородной, идеалистической, но желание и попытка быть независтливым — это то же самое, что быть завистливым, верно? Если по-настоящему понять это, то не будет никакого сражения между противоположностями; конфликт дуальности прекращается. Это не вопрос, который надо обдумать, когда вы придете домой, это факт, который надо понять немедленно, и такое восприятие — вот что важно, а не то, как быть свободным от зависти. Свобода от зависти приходит не через конфликт ее противоположности, а с пониманием того, что есть, но это понимание невозможно, пока ум заинтересован в изменении того, что есть.

«Не является ли изменение необходимостью?»

Может ли быть изменение с помощью акта воли? Разве воля — это не сконцентрированное желание? Породив зависть, желание теперь стремится к состоянию, в котором нет зависти, оба состояния — это порождения желания. Желание не может вызвать фундаментальное изменение.

«Тогда что вызовет?»

Восприятие сути того, что есть. Пока ум или желание стремится изменить себя от этого до того, всякое изменение поверхностно и тривиально. Полное значение этого факта нужно прочувствовать и понять, и только тогда может произойти радикальное преобразование. Пока ум сравнивает, оценивает, стремится к результату, нет никакой возможности изменения, а лишь ряд бесконечных сражений, которые он называет жизнью.

«То, что вы говорите, кажется столь истинным, но даже когда я слушаю вас, я обнаруживаю, что я охвачен борьбой за изменение, достижение цели, получение результата».

Чем больше вы боретесь против привычки, какими глубокими не были бы ее корни, тем больше силы вы ей придаете. Осознание одной привычки, не выбирая и возвращая искусственно другую, является окончанием привычки.

«Тогда я должен молча остаться с тем, что есть, не принимая это, не отклоняя. Это трудная задача, но я вижу, что это единственный путь, если нужна свобода».

Теперь я могу перейти к другому вопросу? Разве тело не влияет на ум, а ум в свою очередь на тело? Я особенно заметил это в моем случае. Мои мысли заняты воспоминаниями о том, каким я был — здоровым, сильным, быстрым на подъем — и тем, каким я надеюсь быть, по сравнению с тем, каким я являюсь сейчас. Кажется, я не способен принять мое нынешнее состояние. Что мне делать?»

Это постоянное сравнение настоящего с прошлым и будущим причиняет боль и износ ума, не так ли? Оно мешает вам рассмотреть факт вашего существующего состояния. Прошлое никогда не может повториться, а будущее непредсказуемо, так что у вас есть только настоящее. Вы можете адекватно иметь дело только с настоящим, когда ум свободен от бремени прошлой памяти и будущей надежды. Когда ум внимателен к настоящему, без сравнения, тогда есть возможность для других вещей случиться.

«Что вы подразумеваете под „другими вещами“?»

Когда ум поглощен его собственными болями, надеждами и страхами, нет никакого пространства для освобождения от них. Процесс самоизоляции мысли только наносит вред уму в дальнейшем, так что запускается порочный круг. Озабоченность делает ум тривиальным, мелочным, пустым. Озабоченный ум — это не свободный ум, а озабоченность свободой все еще мелочность. Ум мелочен, когда он поглощен Богом, государством, добродетелью или своим собственным телом. Эта озабоченность телом мешает приспособиться к настоящему, обретению живости и движения, даже ограниченных. Эго, с его озабоченностями, порождает его собственные боли и проблемы, которые затрагивают тело, и беспокойство о телесных болезнях только далее является помехой для тела. Это не означает, что здоровьем нужно пренебрегать, но озабоченность здоровьем, как и озабоченность истиной, идеями, только укрепляет ум в его собственной мелочности. Существует огромное отличие между озабоченным умом и активным умом. Активный ум молчалив, он осознает и разрывается между противоположностями.

«Сознательно довольно трудно вобрать все это в себя, но, возможно, подсознание поглощает то, что вы говорите, по крайней мере, я так надеюсь.

Я хотел бы задать еще один вопрос. Видите ли, сэр, есть моменты, когда мой ум молчит, но эти моменты очень редки. Я обдумывал проблему медитации и читал некоторые вещи, которые вы сказали о ней, но в течение долгого времени мое тело слишком много для меня значило. Теперь, когда я более или менее привык к моему физическому состоянию, чувствую, что важно искусственно добиться этого молчания. Как приступить к этому?»

Разве можно искусственно добиться молчания, тщательно лелеять его и усиливать? И кто тот, культивирующий его? Отличается ли он от всего вашего бытия? Есть ли молчание, спокойный ум, когда одно желание доминирует над всеми остальными, или когда оно устраивает сопротивление против них? Есть ли молчание, когда ум дисциплинирован, сформирован и контролируется? Разве все это не подразумевает надсмотрщика, так называемое высшее «я», которое контролирует, судит, выбирает? А есть ли такая сущность? Если есть, не является ли она продуктом мысли? Мысль, подразделяя себя как высшую и низшую, постоянную и непостоянную, является все еще результатом прошлого, традиции, времени. В этом разделении он находит его собственную безопасность. Мысль или желание теперь ищут безопасности в молчании, и поэтому они просят метод или систему, которая предлагает то, что требуется. Вместо мирских утех они теперь жаждут удовольствия от молчания, таким образом, они порождают конфликт между тем, что есть, и тем, что должно быть. Нет никакого молчания, где есть конфликт, подавление, сопротивление.

«Не стоит стремиться к молчанию?»

Не может быть никакого молчания, пока есть стремящийся. Молчание спокойного ума может быть только, когда нет стремящегося, когда нет никакого желания. Не отвечая, задайте этот вопрос самому себе: может ли замолчать все ваше бытие? Может ли единый, целостный ум, сознательный, также как и подсознательный, быть спокойным?

Самолет был переполнен. Он летел на высоте в двадцать с лишним тысяч футов над Атлантическим океаном, а ниже был виден толстый ковер из облаков. Небо выше было яркосиним, а солнце было позади нас, мы держали курс на запад. Дети играли, бегали вверх и вниз по проходу, а теперь, вымотавшись, они спали. После долгой ночи все до одного не спали, курили и пили. Впереди сидящий мужчина рассказывал другому о своем бизнесе, а женщина на заднем сиденье описывала в довольных тонах те вещи, которые она купила, и размышляла на тему, сколько пошлины ей придется заплатить. На той высоте полет был ровным, не было ни одной воздушной ямы, хотя ниже нас дули резкие ветра. Крылья самолета были яркими в ясном солнечном свете, и пропеллеры вертелись плавно, разрезая воздух с фантастической скоростью. Ветер был позади нас, и мы летели с скоростью более, чем три сотни миль в час.

Двое мужчин на расстоянии всего лишь узкого прохода говорили довольно громко, и было трудно не подслушать то, о чем они говорили. Они были крупными людьми, а один имел красное, обветренное лицо. Он объяснял то, каков бизнес охоты китов, насколько опасно это было, какая от этого имелась прибыль и какими ужасно бурными были моря. Некоторые киты весили сотни тонн. Считалось, что матерей с детенышами нельзя убивать, и при этом не разрешалось убивать больше, чем определенное количество китов в пределах указанного времени. Убийство этих огромных монстров, очевидно, было разработано большей частью с научной точки зрения, каждая группа имела специальную наработку для выполнения того, для чего она была технически обучена. Запах промышленного судна был почти невыносим, но к нему привыкаешь, как почти к любому. Но в этом крутились большие деньги, если все шло хорошо. Он начал объяснять то удивительное очарование от убийства, но в тот момент принесли напитки, и предмет беседы сменился.

Людам нравится убивать, неважно, друг друга ли, или безвредного, ясноглазого оленя в глубине леса, или тигра, который охотится на домашних животных. Змею на дороге специально переезжают, устанавливают капкан, и волк или койот попадает. Хорошо одетые, смеющиеся люди выходят с их драгоценным оружием и убивают птиц, которые недавно пели друг другу. Мальчик убивает трещащую синюю сойку из своего духового ружья, а взрослые вокруг не говорят никогда и слова сочувствия и не ругают его, напротив, они говорят, как метко он выстрелил. Убийство ли ради так называемого спортивного интереса, ради пропитания, ради страны, ради мира — нет большого различия во всем этом. Оправдание — это не ответ. Остается только одно: не убивать. На западе мы считаем, что животные существуют для наших желудков или ради удовольствия убийства, или ради их меха. На востоке же в течение столетий каждый родитель учил и повторял: не убивайте, будьте сострадательными, жалейте. Здесь у животных нет души, так что они могут быть убиты безнаказанно, там животные имеют души, так что подумайте и позвольте вашему сердцу познать любовь. Есть животных и птиц здесь расценивается как нормальное, естественное явление, санкционированное церковью и рекламными объявлениями, там же не так, и вдумчивые, религиозные личности по традиции и культуре никогда этого не делают. Но это также быстро разрушается. Здесь мы всегда убивали от имени бога и страны, и теперь это происходит всюду. Убийство распространяется, почти внезапно древние культуры отметаются в сторону, и продуктивность, жестокость и средства разрушения тщательно лелеются и укрепляются.

Мир не приходит вместе с политическим деятелем или священником, не приходит он и с адвокатом или полицейским. Мир — это состояние ума, когда есть любовь.

Он был мелким бизнесменом, соперничающим, но способным лишь сводить концы с

концами.

«Я не пришел, чтобы говорить о своем деле, — сказал он. — Оно дает мне все, что мне нужно, а так как мои потребности невелики, я справляюсь. Будучи не слишком амбициозным, я не участвую в игре жестокой конкуренции. Однажды, когда я проходил мимо, я увидел толпу под деревьями, и я остановился, чтобы послушать вас. Это было пару лет назад, но то, что вы сказали, что-то во мне расшевелило. Я не слишком хорошо образован, но я теперь читаю ваши беседы и вот я здесь. Раньше я быть доволен моей жизнью, моими мыслями и немного верил временами во что-нибудь, что не обременяло мой мозг. Но с того воскресного утра, когда я блуждал по той долине в своем автомобиле и случайно наткнулся и услышал вас, я был постоянно недоволен. То, что я недоволен, не так сильно связано с моей работой, но недовольство охватило все мое существо. Раньше я испытывал жалость к людям, которые были недовольны. Они были так несчастны, ничто не удовлетворяло их, а теперь я присоединился к их рядам. Когда-то я был удовлетворен моей жизнью, моими друзьями, и тем, чем я занимался, но теперь я недоволен и несчастен».

Если позволите спросить, что вы подразумеваете под словом «недовольство»?

«До того воскресного утра, когда я услышал вас, я был удовлетворенный человек, и, как предполагаю, довольно скучный для других, теперь же я вижу, насколько глуп я был, и я пробую быть разумным и внимательным ко всему вокруг себя. Я хочу равняться на что-то, добраться куда-нибудь, и это побуждение, естественно, приводит к недовольству. Раньше я как будто спал, если можно это так выразить, но теперь я пробуждаюсь».

Вы пробуждаетесь или вы пробуете погрузиться снова в сон через желание стать кем-то? Вы говорите, что вы спали, и что теперь вы пробуждены, но это пробужденное состояние делает вас недовольными, что не радует вас, причиняет вам боль, и, чтобы убежать от этой боли, вы пытаетесь стать кем-то, следовать за идеалом и так далее. Это подражание погружает вас снова в сон, не так ли?

«Но я не хочу возвратиться к моему прежнему состоянию, и мне действительно хочется остаться бодрствующим».

Не очень ли странно, как ум обманывает себя? Ум не любит, когда его беспокоят, он не любит, когда с него вытряхивают старые образцы, его удобные привычные мысли и действия. Будучи потревоженным, он ищет пути и средства, чтобы установить новые границы и пастбища, в которых он может безопасно жить. Именно эту зону безопасности ищет большинство из нас, и именно это желание быть в безопасности, оставаться непотревоженным погружает нас в сон. Обстоятельства, слово, жест, переживание могут пробудить нас, потревожить, но мы хотим снова, чтобы нас погрузили в сон. Это происходит все время с большинством из нас, и это не является состоянием пробуждения. Что нам надо понять, так это способы, которыми ум погружает себя в сон. Ведь так?

«Но, должно быть, имеется очень много способов, с помощью которых ум погружается в сон. Возможно ли знать их всех и избежать их?»

Можно указать несколько, но это не решило бы проблему, не так ли?

«Почему нет?»

Просто изучить способы, которыми мнение погружает себя в сон, означает снова найти средство, возможно, иное, чтобы быть безмятежным, быть в безопасности. Важно вот что: не спать и не спрашивать, как не спать, преследование «как» — это побуждение быть в безопасности.

«Тогда что же делать?»

Оставайтесь с недовольством, не желая умиротворить его. Именно это желание быть безмятежным должно быть понято. Это желание, которое принимает многие формы, является

побуждением убежать от того, что есть. Когда эти побуждения уйдут одно за другим, но не из-за какой-либо формы принуждения, сознательной или неосознанной, только тогда боль недовольства прекращается. Сравнение того, что есть, с тем, что должно быть, приносит боль. Прекращение сравнения — это не состояние довольства, это состояние бодрствования без деятельности «я».

«Все это довольно-таки ново для меня. Мне кажется, что вы вкладываете в слова совершенно иное значение, а общение возможно только, когда оба из нас одновременно вкладывают одно и то же значение в одно и то же слово».

Общение — это взаимоотношения, верно?

«Вы преждевременно используете более широкое значение, чем я сейчас способен уловить. Я должен глубже вникнуть во все это, и, возможно, тогда я пойму».

Дорога петляла в стороны через низкие холмы, миля за бесконечной милей. Палящие лучи полуденного солнца ложились на золотистые холмы, а под рассеянными деревьями образовались глубокие тени, которые говорили об их уединенном существовании. На мили вокруг не было какого-либо жилища, там и здесь попадались несколько одиноких домашних животных, и только иногда какой-нибудь автомобиль вдруг появлялся на гладкой, ухоженной дороге. Небо на севере было ярко-голубым и ослепительным — на западе. Дикая местность была странно оживлена, хотя она и была бесплодной, изолированной и далекой от человеческой радости и боли. Не было птиц, и вы не увидели бы никаких диких животных, кроме нескольких бурундуков, которые пробежали через дорогу. Никакой воды не было видно, кроме одного или двух мест, где были домашние животные. Во время дождей холмы покроются зеленью, мягкой и манящей, но теперь они были суровыми и строгими, с красотой великого спокойствия. Это был удивительный вечер, насыщенный и полный, но пока дорога извивалась туда-сюда среди холмистой местности, время подошло к концу. Знак оповещал, что осталось восемнадцать миль до главной дороги, ведущей на север. Потребуется полчаса или около того, чтобы добраться туда: время и расстояние. Все же в тот момент, время и расстояние прекратилось. Это был неизмеримый момент, у него не было ни начала, ни конца. Синее небо и покатые, золотистые холмы были там, обширные и вечные, но они были частью этого безвременья. Глаза и ум следили за дорогой. Темные и одинокие деревья были яркими и впечатляющими, и каждая отдельная травинка сена на извилистых холмах выделялась, простая и ясная. Свет того позднего вечера вокруг деревьев и среди холмов был очень спокойным, и единственное, что двигалось, был автомобиль, так быстро мчавшийся. Молчание между словами обладало неизмеримым спокойствием. Эта дорога окончится, соединяясь с другой, и та тоже где-нибудь сойдет на нет. Те неподвижные, темные деревья упадут, а пыль от них будет рассеяна и забыта, нежная зеленая трава взойдет после дождей, и она тоже увянет.

Жизнь и смерть неотделимы, и в их разделении скрывается постоянный страх. Разделение — это начало времени, страх конца рождает боль начала. Ум оказывается пойманным в этом колесе и начинает плести паутину времени. Мысль — это процесс и результат времени, и мысль не может искусственно возвращать любовь.

Он был хорошо известным актером, который сделал себе имя, но он был все еще достаточно молод, чтобы познавать и страдать.

«Почему мы играем? — спросил он. — Для одних сцена — это просто средство для существования, для других она предлагает возможность для выражения их собственного тщеславия, а еще для некоторых играть различные роли — это огромный стимул. Сцена также предлагает изумительное бегство от жизненных реалий. Я играю по всем этим причинам, и, возможно, также потому, — я говорю это с колебанием — что надеюсь принести какое-то добро через сцену».

Разве театральная игра не придает силу «я», эго? Мы позируем, мы надеваем маски, и постепенно позирование, маска становится ежедневной привычкой, прикрывая многочисленные «я»: противоречия, жадность, ненависть и так далее. Идеал — это позирование, маска, прикрывающая факт, реальное. Может ли кто-то делать добро через сцену?

«Вы подразумеваете, что не может?»

Нет, это вопрос, а не осуждение. При написании пьесы у автора имелись определенные идеи и намерения, которые он хочет объяснить. Актер — это посредник, маска, а публику развлекают или поучают. Разве такое образование делает добро? Или же оно просто ставит

условия для ума в соответствии образцу, хорошему или плохому, разумному или глупому, изобретенному автором?

«О, господи, я никогда не думал обо всем этом. Понимаете, я могу стать довольно успешным актером, и прежде, чем я полностью погружусь в это, я задаю себе вопрос, суждено ли актерской игре быть моим жизненным путем. В ней присутствует присущее ей загадочное обаяние, иногда очень разрушительное, а в другое время очень приятное. Вы можете принимать игру всерьез, но сама по себе она не очень серьезна. Поскольку я склонен быть довольно-таки серьезным, я задался вопросом, стоит ли делать сцену своей карьерой. Есть что-то во мне, что протестует против абсурдной поверхностности всего этого, и все же меня очень влечет к этому, поэтому мне тревожно, мягко говоря. Через все это проходит нить серьезности».

Может ли кто-то другой решать то, каков должен быть ваш жизненный путь?

«Нет, но, обговорив вопрос с другим, иногда становится ясно».

Если можно напомнить, любая деятельность, которая делает акцент на «я», на эго, разрушительна, она приносит горе. Это основная проблема, верно? Ранее вы сказали, что хотели бы делать добро, но, конечно, добро невозможно, когда сознательно или подсознательно «я» лелеется и поддерживается через какую-либо карьеру или деятельность.

«Разве не всякое действие основано на выживании "я"?»

Возможно, не всегда. Внешне может казаться, что действие носит самозащитный характер, но внутри оно может не быть таким вообще. То, что другие говорят или думают по этому поводу, не имеет особого значения, но не следует обманывать себя. А обмануть себя в психологических вопросах очень легко.

«Мне кажется, что, если я в действительности заинтересован в отречении от моего „я“, мне надо будет уйти в монастырь или вести жизнь отшельника».

Неужели необходимо вести жизнь отшельника, чтобы отречься от «я»? Понимаете, у нас есть концепция самоотверженной жизни, и именно эта концепция предотвращает понимание жизни, в которой нет «я». Концепция — это другая форма «я». Без бегства в монастыри и тому подобное, разве невозможно быть пассивно внимательным к деятельности «я»? Это осознание может вызывать совершенно иную деятельность, которая не порождает горе и страдание.

«Тогда существуют некоторые профессии, которые являются очевидно вредными для нормальной жизни, и я отношу мою к ним. Я все еще весьма молод. Я могу отказаться от сцены и, вникнув во все это, я совершенно уверен, что так и будет. Но тогда что же мне делать? У меня есть некоторые таланты, которые могут развиваться и быть полезными».

Талант может стать проклятием. «Я» может воспользоваться и укрепить себя через способности, и тогда талант становится проявлением и прославлением «я». Одаренный человек может принести свой дар в жертву богу, зная об его опасности. Но он осознает свой дар, иначе он не принес бы его в жертву, и именно это осознание того, что вы есть такой или вы имеете то-то, нужно понять. Отказ от того, кем кто-то является, или от того, что он имеет, с целью быть скромным — это тщеславие.

«Я начинаю получать представление обо всем этом, но это все еще очень запутанно».

Возможно, но что важно, так это не основанное на выборе понимание очевидных и скрытых действий «я».

Солнце село за горами, и розоватый багрянец все еще оставался над цепью скал на востоке. Дорожка вела вниз, сворачивая то вправо, то влево, через зеленую долину. Это был спокойный вечер, и среди листьев дул легкий ветерок. Вечерняя звезда только что появилась в небе над горизонтом, и через некоторое время будет совсем темно, потому что не было луны. Деревья, которые раньше были открыты и приветливы, уходили в себя из-за темноты ночи. Среди этих холмов было прохладно и тихо, и теперь на небе было полно звезд, а горы были ясными и четкими на фоне холмов. Тот запах, присущий только ночи, заполнял воздух, а вдалеке лаяла собака. Это была очень спокойная ночь, и это спокойствие, казалось, проникало в камни, в деревья, во все вещи вокруг, и шаги по неровной дорожке не нарушали его.

Ум также был совершенно спокоен. В конце концов, медитация — это не средство, чтобы вызвать результат, то состояние, которое было или которое могло бы быть. Если медитация делается с намерением, желаемый результат может быть достигнут, но тогда это не медитация, это только лишь выполнение желания. Желание никогда не бывает удовлетворенным, нет конца желанию. Понимание желания без попытки положить ему конец или поддержать его является началом и концом медитации. Но есть кое-что помимо этого. Удивительно, как медитирующий упорствует. Он стремится к продолжению, становится наблюдателем, переживающим, механизмом воспоминаний, тем, кто оценивает, накапливает, отклоняет. Когда медитация исходит от медитирующего, она только усиливает медитирующего, переживающего. Спокойствие ума — это отсутствие переживающего, наблюдателя, который осознает, что спокоен. Когда ум спокоен, возникает состояние бдительности. Вы можете быть периодически бдительным по отношению ко многим вещам, вы можете исследовать, искать, исследовать, но это действия желания, воли, признания и выгоды. То, что вечно начеку, не является ни самим желанием, ни продуктом желания. Желание порождает конфликт дуальности, а конфликт — это невежество.

Имея хорошие связи и богатство, теперь она была на охоте за духовным. Она разыскала католических духовных лидеров и индусских учителей, училась вместе с суфистами и немного увлекалась буддизмом.

«Конечно, — добавила она, — я также изучала оккультизм, и теперь я пришла, чтобы учиться у вас».

Разве мудрость находится в накоплении больших знаний? Если позволите поинтересоваться, что же вы ищете?

«Я стремилась к различным вещам в разные периоды моей жизни, и то, что я искала, я обычно находила. Я накопила огромный опыт и вела богатую и разнообразную жизнь. Я много читала на разнообразные темы и побывала у одного из выдающихся психиатров, но я все еще ищу».

Почему вы делаете все это? Зачем этот поиск, неважно, поверхностный или глубокий?

«Какой странный вопрос! Если не искать, можно было бы остановиться в развитии, если постоянно не учиться, жизнь не имела бы никакого значения, можно было бы с таким же успехом умереть».

Опять же, чему вы учитесь? При чтении того, что сказали другие о структуре и поведении людей, при анализе социальных и культурных различий, при изучении любой из различных наук или школ философии, что же это, что вы накапливаете?

«Я чувствую, что если только имела бы достаточно знаний, то это спасло бы людей от борьбы и страданий, так что я собираю их, где могу. Знание необходимо для понимания».

Разве понимание приходит через знания? Или же знания мешают творческому пониманию? Мы, кажется, считаем, что, накапливая факты и информацию, получая энциклопедические знания, мы будем освобождены из нашей неволи. Это не так просто. Антагонизм, ненависть и война не прекратились, хотя все мы знаем, насколько они разрушительны и бесполезны. Знание не обязательно является профилактикой всех этих явлений, напротив, оно может стимулировать и поощрять их. Так что не важно ли выяснить, почему мы накапливаем знания?

«Я говорила со многими педагогами, которые считают, что если знание может быть распространено достаточно широко, оно рассеет ненависть человека к человеку и предотвратит полное разрушение мира. Я думаю, что это то, чем наиболее серьезные педагоги обеспокоены».

Хотя теперь мы имеем так много знаний в таких многочисленных областях, они не остановили жестокость человека по отношению к человеку даже среди одной и той же группы, нации или религии. Возможно, знания делают нас слепыми в отношении некоего другого фактора, который является реальным выходом из всего этого хаоса и страдания.

«Что это?»

В каком смысле вы задаете этот вопрос? Можно дать устный ответ, но это только добавит слова в уже перегруженный ум. Для большинства людей знание — это накопление слов или подкрепление их предубеждений и верований. Слова, мысли — это структура, в которой существует собственная концепция. Эта концепция сжимается или расширяется благодаря опыту и знаниям, но твердое ядро «я» остается, и простое знание или изучение никогда не может растопить его. Революция — это добровольное растворение этого ядра, этой концепции, в то время, как действие, рожденное увековечивающим знанием, может только привести к большему страданию, разрушению.

«Вы предполагаете, что должен быть иной фактор, который является истинным решением всех наших бедствий, и я спрашиваю со всею серьезностью, каков тот фактор. Если такой фактор существует, можно было знать его и строить всю свою жизнь вокруг него, и в результате могла бы возникнуть новая культура».

Мысль никогда не сможет найти его, ум никогда не сможет отыскать его. Вы хотите узнать и построить вашу жизнь вокруг него, но «вы» с его знанием, его страхами, его надеждами, расстройствами и иллюзиями, никогда не сможете обнаружить его, а без его обнаружения просто приобретение большего количества знания, большего изучения, будет только действовать как дальнейший барьер для возникновения того состояния.

«Если вы не будете вести меня к нему, мне придется разыскать его самой, и все же вы предполагаете, что всякий поиск должен прекратиться».

Если бы было руководство, не было бы никакого открытия. Нужна свобода для обнаружения, не руководство. Открытие — это не награда.

«Боюсь, что не понимаю всего этого».

Вы ищете руководства, чтобы найти, но если вами руководят, вы больше не свободны, вы становитесь рабом того, кто знает. Тот, кто утверждает, что он знает, уже раб его знания, и он также должен быть свободен, чтобы найти. Обнаружение происходит от мгновения до мгновения, так что знание становится препятствием.

«Пожалуйста, объясните еще немного?»

Знание всегда принадлежит прошлому. То, что вы знаете — уже в прошлом, не так ли? Вы не знаете настоящее или будущее. Укрепление прошлого — вот путь знания. То, что может быть обнаружено, может оказаться полностью новым, а ваши знания, которые являются накоплением прошлого, не могут постичь новое, неизвестное.

«Вы имеете в виду, что нужно избавиться от всякого знания, если надо найти бога, любовь

или что-либо другое?»

«Я» — это прошлое, сила, чтобы накапливать вещи, добродетели, идеи. Мысль — это результат этих созданных условий дня вчерашнего, и с помощью этого инструмента вы пробуете раскрыть непостижимое. Это невозможно. Знание должно прекратить быть для того, чтобы было непостижимое.

«Тогда как освободить ум от знаний?»

Не существует «как». Практика по методике только далее обуславливает ум, и тогда вы имеете результат, а не ум, который свободен от знаний, от «я». Нет никакого пути, а только лишь пассивное осознание сути в отношении знаний.

Убеждения — мечты

Как прекрасна земля с ее пустынями и богатыми полями, с ее лесами, реками и горами, с ее бесчисленными птицами и животными и людьми! Есть деревни, грязные и пораженные болезнями, где не было достаточно дождей в течение многих сезонов, все колодцы почти сухие, и домашняя скотина — это кожа да кости. Поля растрескались, арахис увядает, сахарный тростник больше не сажают, а река без воды уже несколько лет. Сельские жители попрошайничают, крадут и ходят голодными, они ожидают дождей. А есть богатые города с чистыми улицами и сияющими новыми автомобилями, в них вымытые и одетые люди, бесконечные магазины, забитые товарами, библиотеки, университеты и трущобы. Земля прекрасна, и ее почва вокруг храма и в бесплодной пустыне священна.

Вообразить — это одно, а воспринимать то, что есть, — это другое, но оба связывают. Легко воспринимать то, что есть, но быть свободным от этого — это другой вопрос, потому что восприятие омрачено осуждением, сравнением, желанием. Воспринимать без вмешательства цензора трудно. Воображение строит образ «я», и мысль тогда функционирует в пределах его тени. Из-за этой концепции «я» возникает конфликт между тем, что есть, и тем, что должно быть, конфликт дуальности. Восприятие факта и идея о факте являются двумя совершенно разными состояниями, и только ум, который не повязан мнением, сравнительной оценкой, способен к восприятию того, что является истинным.

Она проделала длинный путь на поезде и автобусе, и последнюю часть пути ей пришлось идти пешком, но поскольку это был прохладный день, восхождение не было слишком трудным.

«У меня довольно-таки неотложная проблема, о которой я хотела бы поговорить, — сказала она. — Когда два человека, которые любят друг друга, непреклонны в своих диаметрально противоположных убеждениях, что надо делать? Должен ли один или другой уступить? Может ли любовь соединить этот разделяющий и разрушительный разрыв?»

Если бы была любовь, были бы тогда эти застывшие убеждения, которые разделяют и обязывают?

«Возможно, нет, но теперь это переросло за пределы состояния любви, убеждения стали твердыми, жесткими, неумолимыми. Один может быть гибок, но, если другой нет, обязательно будет взрыв. Можно ли что-то с этим сделать, чтобы избежать этого? Один может уступать, приспособливаться, но, если другой полностью непримирим, жизнь с этим человеком становится невозможной, нет никаких взаимоотношений с ним. Эта непримиримость ведет к опасным результатам, но заинтересованный человек, кажется, не против таких мучений из-за своих убеждений. Все это кажется довольно абсурдным, если рассмотреть иллюзорный характер идей, но идеи пускают глубокие корни, когда нет ничего иного. Доброта и внимание исчезают в ярком блеске идей. Человек полностью убежден, что его идеи, теории, которые он почерпнул из книг, спасут планету, принесут мир и изобилие, и он полагает, что убийство и разрушение, когда необходимо, оправданы как средства для того идеалистического результата. Важен результат, а не средства. Ничто и никто не имеет значения, пока не достигнут тот результат».

Спасение для такого ума находится в уничтожении тех, кто не имеет то же самое убеждение. Некоторые религии в прошлом считали, что это был божественный путь, и они все еще отлучают от церкви, угрожают вечным адом и так далее. То, о чем вы говорите, — это новейшая религия. Мы ищем надежду в церквях, в идеях, в «летающих тарелках», в мастерах, в гуру, а все это только ведет к большему страданию и разрушению. В себе каждый должен быть свободен от этого непримиримого отношения, поскольку идеи, пусть даже великие, или утонченные и убедительные, являются иллюзорными, они разделяют и уничтожают. Когда ум

больше не оказывается пойманным в сети идей, мнений, убеждений, тогда возникает что-то совершенно отличное от проекций ума. Ум — это не самая последняя инстанция для решения наших проблем, наоборот, это породитель проблем.

«Я знаю, что вы не даете советы людям, сэр, но все равно, что делать? Я постоянно задавала себе этот вопрос в течение многих месяцев, но не нашла ответа. Но даже сейчас, когда я задала этот вопрос, я начинаю понимать, что нет точного ответа, что нужно жить от мгновения до мгновения, принимая вещи такими, какими они приходят, и забывая о себе. Тогда, возможно, можно быть кроткой и прощать. Но как же трудно это будет!»

Когда вы говорите, «как трудно это будет», вы уже прекратили жить от мгновения до мгновения с любовью и кротостью. Ум запроектировал себе в будущее создание проблемы, что есть сама природа «я». Прошлое и будущее — это его хлеб насущный.

«Можно я спрошу еще кое-что? Возможно ли интерпретировать свои собственные сны? В последнее время мне много снится, и я знаю, что эти сны пытаются мне что-то сообщить, но я не могу интерпретировать их символы и образы, которые продолжают повторяться в моих снах. Эти символы и образы не всегда одни и те же, они изменяются, но в своей основе все они имеют одинаковое содержание и значение, по крайней мере, я так думаю, хотя, конечно, я могу ошибаться».

Что означает слово «интерпретировать» по отношению ко снам?

«Как я объясняла, у меня очень тяжелая проблема, которая беспокоила меня в течение многих месяцев, и все мои сны касаются этой проблемы. Они пытаются сообщить мне кое-что, возможно, дать мне намек, что я должна сделать, и, если бы только я могла правильно интерпретировать их, я знала бы то, что они пытаются передать».

Конечно, спящий неотделим от его снов, спящий — это сон. Разве вы не считаете, что это важно понять?

«Я не понимаю, что вы имеете в виду. Объясните, пожалуйста».

Наше сознание — это целостный процесс, хотя оно и может иметь противоречия внутри себя. Оно может разделить себя на сознательное и бессознательное, скрытое и открытое. В нем могут быть противостоящие желания, ценности, убеждения, но это сознание — это тем не менее полный, единый процесс. Сознательный ум может осознавать сон, но сон — это результат деятельности целостного сознания. Когда верхний слой сознания пробует интерпретировать сон, который является проекцией целого сознания, тогда его интерпретация будет частичной, неполной, искаженной. Интерпретирующий неизбежно искажает символ, сон.

«Простите, но мне это непонятно».

Сознательный, поверхностный ум так поглощен беспокойством, попыткой найти решение своей проблемы, что в течение периода бодрствования он никогда не успокаивается. Во время так называемого сна, будучи возможно несколько более тихим, менее тревожащимся, ум принимает сообщения о деятельности целого сознания. Такое сообщение — это сон, который беспокойный ум после пробуждения пытается интерпретировать, но его интерпретация будет неправильной, поскольку он заинтересован в немедленном действии и его результате. Побуждение интерпретировать должно прекратиться до того, как наступит понимание целостного процесса сознания. Вы очень озабочены выяснением, как поступить правильно по отношению к вашей проблеме. Не так ли? Сама эта озабоченность мешает пониманию проблемы, и поэтому происходит постоянное изменение символов, за которыми содержание кажется всегда тем же самым.

Так в чем же теперь проблема?

«Не бояться того, что произойдет, что бы ни случилось».

Вы так легко можете избавиться от страха? Простое устное заявление не покончит с

беспокойством. Но в это ли проблема? Вы можете желать покончить со страхом, но тогда «как», образ действия становится важным, и вы имеете новую проблему, наряду со старой. Таким образом, мы двигаемся от проблемы к проблеме и никогда не свободны от них. Но сейчас мы говорим о чем-то, совершенно другом, верно? Нас не интересует замена одной проблемы на другую.

«Тогда, как мне кажется, реальная проблема состоит в том, чтобы иметь спокойный ум».

Естественно, это является единственной проблемой: спокойный ум.

«Как можно иметь спокойный ум?»

Посмотрите, что вы говорите. Вы хотите обладать спокойным умом, как вы обладали бы платьем или домом. Имея новую цель, спокойствие ума, вы начинаете исследовать способы и средства получения этого, и таким образом, на вашей ответственности еще одна проблема. Просто осознайте чрезвычайную необходимость и важность спокойного ума. Не боритесь за спокойствие, не мучайте себя дисциплиной, чтобы обрести его, не создавайте его искусственно и не практикуйте его. Все эти усилия приводят к результату, и то, что является результатом, — это не спокойствие. То, что притянато искусственно, может распасться на части. Не ищите продолжения спокойствия. Спокойствие нужно переживать от мгновения до мгновения, его нельзя накопить.

Смерть

Река была очень широкой здесь, почти в милю, и очень широкой. По середине реки воды были чистыми и голубыми, но к берегам они были в пятнах, грязными и медленно текущими. Солнце садилось за огромным, раскинувшимся за рекой городом. Дым и пыль города придавали изумительные цвета садящемуся солнцу, которые отражались в широких, танцующих водах. Это был прекрасный вечер, и каждая травинка, деревья и щебечущие птицы были охвачены бесконечной красотой. Ничто не было отделено, отвержено. Шум поезда, грохочущего по отдаленному мосту, был частью этого полного спокойствия. Недалеко пел рыбаки. По обоим берегам были широкие, засаженные полосы, и в течение дня зеленые, сочные поля улыбались и манили, но сейчас они были темными, тихими и отчужденными. На этой стороне реки было большое, незасаженное место, где дети из деревни запускали бумажных змеев и шумно играли, громко ликуя, и где развешивались сети рыбаков для просушки. Там же они ставили на якорь их примитивные лодки.

Деревня была чуть-чуть выше, вдоль берега, и обычно они устраивали там пение, танцы или какие-нибудь другие шумные мероприятия. Но этим вечером, хотя они и вышли из хижин и расселись по округе, сельские жители были тихими и удивительно задумчивыми. Группа их спускалась с крутого берега, неся на бамбуковых носилках мертвое тело, накрытое белой тканью. Они прошли мимо, и я последовал за ними. Подойдя к краю реки, они поставили носилки почти у самой воды. С собой они принесли быстро горящую древесину и тяжелые бревна, и, сделав из них погребальный костер, они положили на него тело, обрызгивая его водой из реки и накладывая на него больше веток и сена. Костер зажег очень молодой человек. Нас было приблизительно двадцать человек, и все мы собрались вокруг. Среди присутствующих не было женщин, мужчины сидели на корточках, обернувшись белой тканью, полностью затихнув. Пламя становилось сильно обжигающим, и нам пришлось отступить назад. Обугленная черная нога поднялась из огня и была задвинута назад с помощью длинной палки, но она не слушалась, и на нее бросили тяжелое бревно. Яркое желтое пламя отражалось в темной воде, также как и звезды. С заходом солнца утих легкий ветерок. За исключением треска костра все было очень тихим. Там была смерть. Посреди всех тех неподвижных людей и живого огня было бесконечное пространство, неизмеримое расстояние, глубокая уединенность. Это не было чем-то обособленно разделенным и отдельным от жизни. Там было начало, вечное начало.

Только что череп треснул, и сельские жители начали расходиться. Последний, кто должен был уйти, должно быть, был родственником, он скрестил руки, попрощался и медленно пошел вверх по берегу. Теперь там мало что осталось, вздымающееся пламя затихло, и лишь тлеющие угольки остались. Несколько костей, которые не сгорели, завтра утром бросят в реку. Необъятность смерти, ее неминуемость, и так близко! Вы так же умирали вместе со сгоранием того тела. Это было полное уединение и все же не обособленность, уединение, но не изоляция. Изоляция исходит от ума, а не от смерти.

Уже в годах, со спокойными манерами и достоинством, у него были ясные глаза и живая улыбка. В комнате было холодно, и он закутался в теплую шаль. Говоря по-английски, так как получил образование за границей, он объяснил, что ушел на пенсию после работы в правительстве и имел множество свободного времени. Он изучал различные религии и философии, сказал он, но долго не решался обсуждать такие вопросы.

Раннее утреннее солнце было над рекой, и воды искрились подобно тысячам драгоценных камней. На веранде сидела маленькая золотисто-зеленая птица, греясь на солнце, в безопасности и спокойствии.

«Для чего я действительно пришел, — продолжил он, — это спросить или, быть может, обсудить то, что больше всего тревожит меня: смерть. Я читал „Тибетскую книгу мертвых“ и знаком с тем, что наши собственные книги говорят на предмет этого. Христианские и исламские предположения о смерти слишком поверхностны. Я говорил с различными религиозными учителями здесь и за границей, но для меня, по крайней мере, все их теории кажутся абсолютно неудовлетворительными. Я много думал на предмет смерти и часто медитировал над ним, но я, кажется, не продвигаюсь дальше. Мой друг, который недавно услышал вас, рассказал мне кое-что из того, что вы говорили, поэтому я и пришел. Для меня проблема — это не только страх смерти, страх может не быть, но верно также и то, что происходит после смерти. Это являлось проблемой для человечества на протяжении веков, и никто, кажется, не решил ее. Что вы скажете?»

Давайте сначала избавимся от побуждения убежать от факта смерти через некую форму верования, типа перевоплощения или восстания из мертвых, или через легкое рационалистическое объяснение. Ум так жаждет найти разумное объяснение смерти или удовлетворяющий ответ на эту проблему, что он с легкостью проскальзывает в некую иллюзию. Из-за этого надо быть чрезвычайно осторожным.

«Но не это ли одна из наших самых больших трудностей? Мы жаждем некоего заверения, особенно от тех, кто, как мы считаем, обладает знаниями или опытом в этом вопросе. И когда мы не можем найти такого заверения, мы придумываем из-за отчаяния и надежды наши собственные успокаивающие верования и теории. Таким образом, вера, самая возмутительная или самая разумная, становится потребностью».

Каким бы удовлетворяющим ни было спасение, оно никоим образом не привносит понимание проблемы. Само это бегство — вот причина страха. Страх приходит при движении прочь от факта, от того, что есть. Вера, какой бы утешительной она ни была, имеет внутри себя семя страха. Каждый отстраняется от факта смерти, потому что каждый не хочет смотреть на него, а веры и теории предлагают легкий выход. Итак, если ум хочет обнаружить чрезвычайную значимость смерти, он должен отказаться легко, без сопротивления, от стремления к некоему обнадеживающему утешению. Это довольно очевидно, разве вы так не думаете?

«Не просите ли вы слишком много? Чтобы понять смерть, мы должны быть в отчаянии, не это ли вы хотите сказать?»

Абсолютно нет, сэр. Есть ли отчаяние, когда нет того состояния, которое мы называем надеждой? Почему мы всегда думаем противоположностями? Является ли надежда противоположностью отчаяния? Если является, тогда надежда содержит в себе семя отчаяния, и такая надежда имеет оттенок страха. Если мы хотим понимания, не важно ли быть свободным от противоположностей? Состояние ума имеет наибольшую важность. Деятельность отчаяния и надежды мешают пониманию или переживанию смерти. Движение противоположностей должно прекратиться. Ум должен приблизиться к проблеме смерти с полностью новым осознанием, при котором знакомое с процессом узнавания отсутствует.

«Боюсь, что не совсем понимаю это утверждение. Думаю, я с трудом схватываю значение ума, являющегося свободным от противоположностей. Хотя это и чрезвычайно трудная задача, думаю, что я вижу необходимость этого. Но то, что означает быть свободным от процесса узнавания, в целом мне неясно».

Узнавание — это процесс известного, это результат прошлого. Ум пугается того, что ему незнакомо. Если бы вы знали смерть, не было бы никакого страха из-за нее, никакой потребности в сложных объяснениях. Но вы не можете знать смерть, это что-то совершенно новое, никогда не испытанное прежде. То, что испытано, становится известным, прошлым, и именно от этого прошлого, от этого известного отталкивается узнавание. Пока существует это

движение от прошлого, новое не может быть.

«Да, да, я начинаю чувствовать это, сэръ»

То, о чем мы разговариваем вместе, — это то, о чем нужно думать позже, а надо непосредственно переживать, когда мы продолжаем. Это переживание не может храниться для того, чтобы стать памятью, а память, способ узнавания, блокирует новое, неизвестное. Смерть — это неизвестное. Проблема не в том, чем таким смерть является и что случается после нее, а в том, как уму очистить себя от прошлого, известного. Тогда живой ум может войти в обитель смерти, он может встретить смерть, неизвестное.

«Вы говорите, что можно узнать смерть, все еще оставаясь живым?»

Несчастный случай, болезнь и старость приводят к смерти, но при этих обстоятельствах невозможно быть полностью осознающим. Существует боль, надежда или отчаяние, страх изоляции, и ум, «я», сознательно или подсознательно борется против смерти, неизбежного. Мы умираем в страхе и сопротивлении смерти. Но возможно ли без сопротивления, без болезненности, без садистского или убийственного побуждения и, оставаясь при том полностью живым, мысленно энергичным, войти в дом смерти? Это возможно только, когда ум умирает по отношению к известному, к «я». Так что наша проблема — это не смерть, а то, как уму освободить себя от столетиями накопленного психологического опыта, от вечно увеличивающейся памяти, укрепления и облагораживания «я».

«Но как это нужно сделать? Как может ум освободить себя от собственной неволи? Мне кажется, что необходимо какое-то внешнее содействие, или же высшая и более благородная часть ума должна вмешаться, чтобы очистить ум от прошлого».

Это весьма сложная задача, верно? Внешнее содействие может быть влиянием окружающей среды, или оно может быть чем-то вне границ ума. Если внешнее содействие — это влияние окружающей среды, то именно это самое влияние, с его традициями, верами и культурами, удерживало и удерживает ум в неволе. Если внешнее содействие — это что-то вне, тогда мысль в любой ее форме не может касаться этого. Мысль — это результат времени, мысль поставлена на якорь у прошлого, она никогда не сможет быть свободной от прошлого. Если мысль освобождает себя от прошлого, она прекращает быть мыслью. Размышлять над тем, что же там, за пределами ума, совершенно бесполезно. Для вмешательства того, что вне мысли, мысль, которая является «я», должна прекратить быть. Ум должен быть без всякого движения, он должен быть спокоен спокойствием безо всякого повода. Ум не может пригласить его. Ум может действительно делить его собственную область действий на благородную и позорную, желательную и нежелательную, высшую и низшую, но все такие деления и подразделения все еще в пределах границ самого ума. Так что любое движение ума в любом направлении является реакцией прошлого, «я», времени. Эта истина — вот единственный фактор освобождения, и тот, кто не прочувствует, что это истина, будет вечно в неволе, что бы он ни делал. Его кара, клятвы, дисциплины, жертвы могут иметь социологическое и успокаивающее значение, но они не имеют никакой ценности по отношению к истине.

Медитация — это очень важное действие в жизни, возможно, это действие, которое имеет самое большое и самое глубокое значение. Это аромат, который нельзя с легкостью уловить, это не нельзя купить через стремление и практику. Система может давать только плоды, которые она сеет, а система, метод основаны на зависти и жадности.

Не быть способным медитировать не означает быть неспособным видеть солнечный свет, темные тени, искрящиеся воды и нежный лист. Но как немногие видят эти вещи! Медитации нечего вам предложить, вы можете не приходить, умоляя с протянутыми руками. Она не спасет вас от всякой боли. Она делает вещи совершенно ясными и простыми, но чтобы почувствовать эту простоту, ум должен освободить себя, без всякой причины или повода, от всех вещей, которые он накопил по причине и поводу. Вот это главная задача при медитации. Медитация — это очищение от известного. Преследовать известное в различных формах — это игра в самообман, и тогда медитирующий — это хозяин, и нет и малейшего акта медитации. Медитирующий может действовать только в сфере известного, он должен прекратить действовать, чтобы возникло неизвестное.

Непостижимое не приглашает вас, и вы не можете пригласить его. Оно приходит и уходит, как ветер, и вы не можете захватить его и хранить в укромном месте для вашей выгоды, для вашего пользования. Оно не имеет никакой утилитарной ценности, но без него жизнь неизмеримо пуста.

Вопрос в том, не как медитировать, какой системе следовать, а что такое медитация? «Как» может только выдать то, что предложит метод, но самое исследование того, что есть медитация, откроет дверь к медитации. Исследование не находится вне ума, а в пределах движения самого ума. При стремлении к этому исследованию то, что становится существенным, это понять самого ищущего, а не то, что он ищет. То, что он ищет, — это проекция его собственного стремления, его собственных принуждений, желаний. Когда этот факт осознан, весь поиск прекращается, что само по себе является чрезвычайно важным. Тогда мнение больше не хватается за что-то за его пределами, нет движения, направленного наружу, с его реакцией внутри. Но когда поиск полностью остановился, возникает движение ума, которое не является направленным ни наружу, ни внутрь. Поиск не завершается с помощью акта воли или же сложного процесса умозаключений. Остановить поиск требует огромного понимания. Окончание поиска — вот начало спокойствия ума.

Ум, который способен к концентрации, не обязательно способен медитировать. Личный интерес действительно вызывает концентрацию, подобно любому другому интересу, но такая концентрация подразумевает повод, причину, сознательную или неосознанную. Всегда есть что-то, что можно получить или отбросить, усилие постичь, добраться до другого берега. Внимание с целью заинтересовано в накоплении. Внимание, которое приходит с этим движением или от чего-то, — это привлечение удовольствия или отвращение от боли, но медитация — это то чудесное внимание, при котором нет ни того, кто прилагает усилия, никакого результата или цели, которые надо заполучить. Усилие — это часть процесса приобретения, это накопление переживающим опыта. Переживающий может концентрироваться, обращать внимание, осознавать, но стремление переживающего к опыту должно полностью прекратиться, поскольку переживающий — это просто накопление известного. В медитации есть великое блаженство.

Он объяснил, что изучал философию и психологию, и читал то, что пропагандировал Патаньяли. Он полагал, что христианская мысль довольно-таки поверхностна и направлена на

простое преобразование, так что он ушел на восток, занялся какой-то йогой и был немного знаком с мыслью хинду.

«Я читал кое-что относительно того, что вы говорили, и считаю, что могу следовать этому до определенного предела. Я вижу важность не осуждения, хотя нахожу это чрезвычайно трудным — не осуждать, но я вообще не могу понять, когда вы говорите „не оценивайте, не судите“. Всякое размышление, мне кажется, — это процесс оценки. Наша жизнь, вся наша жизненная позиция основана на выборе, на ценностях, на хорошем и плохом и так далее. Без ценностей мы бы просто распались, и, конечно же, вы не это имеете в виду. Я пробовал освободить свой ум от всех норм или ценностей, но по крайней мере для меня это невозможно».

Есть ли размышление без словесного выражения, без символов? Действительно ли слова необходимы для размышления? Если бы не было никаких символов, ссылок, было бы тогда то, что мы называем размышлением? Всякое ли мышление выражается в словах или же есть мышление без слов?

«Я не знаю, я никогда не думал над этим вопросом. Насколько я могу ощущать, без образов и слов не было бы размышления».

Разве нам не следует сейчас выяснить суть этого вопроса, пока мы здесь говорим об этом? Неужели невозможно выяснить для себя, есть или нет мышление без слов и символов?

«Но каким образом это связано с оценкой?»

Ум состоит из ссылок, ассоциаций, образов и слов. Оценка берет начала от этого фона. Слова, такие как Бог, любовь, социализм, коммунизм и так далее, играют необычайно важную роль в наших жизнях. Неврологически также как в психологическом отношении, слова имеют значение согласно культуре, в которой мы воспитаны. Для христианина некоторые слова и символы имеют огромное значение, а для мусульманина другой набор слов и символов имеет такое же жизненно важное значение. Оценка происходит в пределах этой области.

«Можно ли выйти за пределы этой области? И даже если можно, зачем это?»

Размышление всегда обусловлено, нет такого понятия как свобода мысли. Вы можете думать, что вы любите, но ваше размышление является и будет всегда ограничиваться. Оценка — это процесс размышления, выбора. Если ум доволен тем, какой он обычно и есть, что остается в пределах замкнутого пространства, широкого или узкого, то его не беспокоит какая-либо фундаментальная проблема, он имеет свое собственное удовлетворение. Но если ему надо выяснить, есть ли кое-что за пределами мысли, тогда всякая оценка должна прекратиться, процесс размышления должен прийти к завершению.

«Но непосредственно ум — это неотъемлемая часть этого процесса размышления, поэтому каким усилием или практикой с мыслью можно покончить?»

Оценка, осуждение, сравнение являются способами выражения мысли, и, когда вы спрашиваете, через какое усилие или метод процесс размышления может быть закончен, не стремитесь ли вы получить кое-что? Это побуждение заниматься методом или прилагать дальнейшее усилие — результат оценки и все еще является умственным процессом. Ни практикой метода, ни любым усилием никоим образом с мыслью нельзя покончить. Почему мы прилагаем усилие?

«По самой простой причине, потому что если бы мы не прилагали усилий, мы бы деградировали и умерли. Все прилагают усилия, все в природе борется, чтобы выжить».

Мы боремся, чтобы просто выживать, или же мы боремся, чтобы выжить в пределах определенного психологического или идеологического образца? Мы хотим быть кем-то, побуждение из-за амбиции, удовлетворения, страха формирует нашу борьбу в пределах образца общества, которое возникло через коллективную амбицию, удовлетворение и страх. Мы прилагаем усилие, чтобы получить или избежать. Если бы мы были заинтересованы только в

выживании, то наши все взгляды на будущее были бы существенно иными. Усилие подразумевает выбор, выбор — это сравнение, оценка, осуждение. Мысль состоит из этой борьбы и противоречий, и может ли такая мысль освободить себя от ее собственных нескончаемых барьеров?

«Тогда должна иметься внешняя воздействующая сила, называйте это божьей милостью или по-другому, которая вмещивается и кладет конец замкнутым в себе путям ума. То ли это, на что вы указываете?»

Как жаждем мы достичь удовлетворяющего состояния! Если позволите заметить, сэр, разве вы не заинтересованы в достижении, в прибытии, в освобождении ума от специфического условия? Ум оказался в заключении его собственного создания, его собственных желаний и усилий, и каждое движение, которое он делает в любом направлении, происходит в пределах тюрьмы, но он не осознает этого, поэтому в своей боли и конфликте он молится, он ищет внешнюю воздействующую силу, которая освободит его. Обычно он находит то, что ищет, но то, что он нашел, есть результат его собственного движения. Ум — все еще узник, только в новой тюрьме, которая больше удовлетворяет и успокаивает.

«Но что же, ради бога, делать? Если каждое движение ума — это продление его собственной тюрьмы, то нужно оставить всякую надежду».

Надежда — это еще одно движение мысли, пойманной в ловушку отчаяния. Надежда и отчаяние — это слова, которые наносят вред уму их эмоциональным содержанием, их кажущимися противостоящими и противоречащими побуждениями. Возможно ли не оставаться в состоянии отчаяния или в любом подобном состоянии, не убегая от этого к противоположной идее или отчаянно не цепляясь за состояние, которое называется радостным, обнадеживающим и так далее? Конфликт возникает, когда ум обращается в бегство от состояния, называемого страданием, болью, к другому, называемому надеждой, счастьем. Понимать состояние, в котором находишься, не означает принимать его. И принятие, и отвержение — это в пределах области оценки.

«Боюсь, что я все еще не улавливаю, как мысль может завершиться без некоторого действия в том направлении».

Всякое действие воли, желания, принудительного побуждения рождено умом, умом, который оценивает, сравнивает, осуждает. Если ум воспримет суть этого не через аргументацию, убеждение или веру, а будучи простым и внимательным, тогда мысль завершится. Окончание мысли — это не сон, не ослабление жизни, не состояние отрицания, это совершенно иное состояние.

«Наша совместная беседа показала мне, что я не очень глубоко думал обо всем этом. Хотя я много читал, я только ассимилировал то, что сказали другие. Я чувствую, что впервые я испытываю состояние моего собственного размышления и, возможно, я способен услышать кое-что больше, чем просто слова».

Зависть и одиночество

Под деревом тем вечером было очень тихо. Ящерица вытягивалась вверх и вниз на скале, все еще теплой. Ночь будет холодной, и солнца вновь не будет в течение многих часов. Домашние животные были утомлены и медленно возвращались с отдаленных полей, где они трудились с людьми. Сова со вздымающейся глоткой кричала с вершины холма, которая служила ей домом. Каждый вечер приблизительно в это время она начинала, и, когда становилось темнее, крики были менее частыми, но иногда поздно ночью вы бы услышали их снова. Одна сова, было, кричала другой через долины, и их глубокий крик, казалось, придавал большую тишину и красоту ночи. Это был прекрасный вечер, и молодая луна садилась позади темного холма.

Сострадания нетрудно достичь, когда сердце не наполнено хитрыми уловками ума. Именно ум с его требованиями и страхами, его подтверждениями и опровержениями, его намерениями и побуждениями уничтожает любовь. И насколько трудно быть простым относительно всего этого! Вы не нуждаетесь в философиях и доктринах, чтобы быть нежным и добрым. Эффективные и властные люди земли организуют все, чтобы прокормить и одеть людей, обеспечить их защитой и медицинским обслуживанием. Это неизбежно с быстрым увеличением производства, это функция хорошо организованного правительства и сбалансированного общества. Но организация не придает щедрости сердцу и руке. Щедрость приходит от совершенно иного источника, источника вне всякой меры. Амбиция и зависть уничтожают его так же основательно, как пожар. Этого источника нужно коснуться, но нужно прийти к нему с пустыми руками, без просьбы, без жертвы. Книги не могут научить, как и любой гуру не сможет привести к этому источнику. Его нельзя достичь через культивирование добродетели, хотя добродетель необходима, ни через способность и повиновение. Когда ум безмятежен, безо всякого движения, он — там. Ясность — она есть без повода, без стремления к большему.

Она была молодой леди, но довольно ослабленной болью. Вовсе не физическая боль так сильно беспокоила ее, а боль другая. Телесную боль она была способна контролировать с помощью лекарств, но агонию ревности она никогда не была способна усмирить. Она была с нею, объяснила она, с детства. В том возрасте это было ребячеством, с которым мирились и над которым смеялись, но теперь она превратилась в болезнь. Она была замужем и имела двух детей, но ревность уничтожала все ее взаимоотношения.

«Я, кажется, ревную не только моего мужа и детей, но и почти любого, кто имеет больше, чем я, лучший сад или более красивое платье. Все это может казаться довольно глупым, но меня это замучило. Некоторое время назад я ходила к психологу и временно я нашла успокоение, но вскоре это началось снова».

Разве культура, в которой мы живем, не поощряет зависть? Рекламные объявления, конкуренция, сравнение, поклонение успеху с его многочисленными последствиями, разве все эти вещи не поддерживают зависть? Требование большего — это ревность, верно?

«Но...»

Давайте рассмотрим саму зависть в течение нескольких минут, а не вашу борьбу с ней. Мы вернемся к этому позже. Хорошо?

«Да, конечно».

Зависть поощряется и уважается, не так ли? Дух конкуренции лелеют с детства. Идея о том, что вы должны делать и быть лучше, чем другие, повторяется постоянно различными способами. Примеры успеха, героя и его храброго поступка бесконечно шумят в голове. Существующая культура основана на зависти, на жадности. Если вы не жадно стремитесь к мирским вещам, а

вместо этого следуете за неким религиозным учителем, вам обещают соответствующее место в будущем. Мы все воспитаны на этом, и желание преуспеть глубоко укоренилось почти в каждом. Преуспевание преследуется различными способами, преуспевание в качестве художника, делового человека, религиозного деятеля. Все это является формой зависти, но только, когда зависть становится беспокоящей, болезненной мы пытаемся избавиться от нее. Пока она дает компенсацию и радость, зависть является принятой частью природы. Мы не видим, что в самом этом удовольствии есть боль. Привязанность дает удовольствие, но она также порождает ревность и боль, и это не любовь. В этой сфере деятельности мы живем, страдаем и умираем. Только, когда боль этого самоизолированного действия становится невыносимой, мы боремся, чтобы прорваться через это.

«Я думаю, что туманно мне это понятно, но что мне делать?»

Перед тем, как рассмотреть, что же делать, давайте посмотрим, в чем проблема. Так в чем проблема?

«Меня замучила ревность, и я хочу освободиться от нее».

Вы хотите освободиться от боли из-за нее, но разве вы не хотите держаться за особое удовольствие, которое приходит с обладанием и привязанностью?

«Конечно, да. Вы же не ожидаете, что я откажусь от всего моего имущества, не так ли?»

Нас не интересует отказ, а желание обладать. Мы хотим обладать людьми также, как вещами, мы цепляемся за верования также, как за надежды. Откуда это желание иметь вещи и людей, эта страстная привязанность?

«Я не знаю, я никогда не думала об этом. Кажется, естественно завидовать, но это стало ядом, страшно пугающим фактором в моей жизни».

Мы нуждаемся в некоторых вещах, продовольствии, одежде, защите и так далее, но они используются для психологического удовлетворения, которое вызывает много других проблем. Таким же образом, психологическая зависимость от людей порождает беспокойство, ревность и страх.

«Предполагаю, что в этом смысле я завишу от определенных людей. Они для меня маниакальная потребность, и без них я была бы полностью потерянна. Если бы я не имела мужа и детей, думаю, что я бы медленно сходила с ума или же я бы привязалась к кому-то другому. Но я не вижу, что плохого в привязанности».

Мы не говорим, что это правильно или неправильно, а рассматриваем ее причины и следствия, верно? Мы не осуждаем и не оправдываем зависимость. Но почему один в психологическом отношении зависит от другого? Не в этом ли проблема и не в том, как освободиться от пыток ревности? Ревность — это просто следствие, призрак, и было бы бесполезно иметь дело только с призраком. Почему один в психологическом отношении зависит от другого?

«Знаю, я зависима, но я по-настоящему не думала об этом. Я принимала как должное, что один зависит от другого».

Конечно, мы физически зависим друг от друга и всегда будем зависеть, что является естественным и неизбежным. Но пока мы не поймем нашу психологическую зависимость от другого, разве вы не считаете, что боль ревности продолжится? Так почему же существует эта психологическая потребность в другом?

«Я нуждаюсь в моей семье, потому что я люблю их. Если бы я не любила их, я не заботилась бы о них».

Вы говорите, что любовь и ревность приходят вместе?

«Так это кажется. Если бы я не любила их, я, конечно же, не ревновала бы».

В таком случае, если вы освободились бы от ревности, вы также избавились бы от любви, не

так ли? Тогда почему вы хотите освободиться от ревности? Вы хотите удержать удовольствие от привязанности, но избавиться от боли из-за нее. Это возможно?

«Почему бы нет?»

Привязанность подразумевает опасение, не так ли? Вы боитесь того, чем вы являетесь, или того, чем вы будете, если другие покинут вас или умрут, и вы являетесь привязанными из-за этого опасения. Пока вы поглощены удовольствием от привязанности, страх скрыт, заперт далеко, но, к сожалению, он всегда рядом, и пока вы не освободитесь от этого страха, попытки ревности будут продолжаться.

«Чего я боюсь?»

Вопрос не в том, чего вы боитесь, но осознаете ли вы, что вы боитесь?

«Сейчас, когда вы целенаправленно задаете этот вопрос, предполагаю, что да. Хорошо, я боюсь».

Чего?

«Того, что растеряюсь, буду не в безопасности, того, что не будут любить, заботиться, боюсь быть одинокой, одной. Я думаю, что этого: я боюсь быть одинокой, не способной выстоять перед жизнью одной, поэтому-то я завишу от мужа и детей, я отчаянно держусь за их. Во мне имеется всегда страх, что что-то с ними случится. Иногда мое отчаяние принимает форму ревности, безудержной ярости и тому подобное. Я была бы испугана в меньшей степени, если бы мой муж ушел к другой. Меня съедает беспокойство. Клянусь вам, я провела многие часы в слезах. Все это противоречие и суматоха — это то, что мы называем любовью, и вы спрашиваете меня, является ли это любовью. Является ли это любовью, когда есть привязанность? Понимаю, что нет. Это уродливо, совершенно эгоистично, я думаю все время о самой себе. Но что же мне делать?»

Осуждать, называть себя ненавистной, уродливой, эгоистичной, это никоим образом не уменьшает проблему, напротив, это увеличивает ее. Важно понять это. Осуждение или оправдание мешает вам взглянуть, что же скрывается за страхом, это является активным отвлечением от столкновения с тем фактом, что реально происходит. Когда вы говорите «я ужасна и эгоистична», эти слова нагружены осуждением, а вы усиливаете обвинительную характеристику, которая является частью «я».

«Я не уверена, что понимаю это».

Осуждая или оправдывая действие вашего ребенка, вы понимаете его? У вас нет времени или желания объяснить, таким образом, чтобы получить немедленный результат, вы говорите «делай» или «не делай». Но вы не поняли ребенка. Точно так же осуждение, оправдание или сравнение мешают пониманию вас самих. Вы должны понять сложную сущность, которой являетесь вы сами.

«Да, да, я схватываю это».

Тогда вникайте в суть дела медленно, без осуждения или оправдания. Вы обнаружите, что это довольно трудно — не осуждать и не оправдывать, потому что столетиями опровержения и утверждения были обычными явлениями. Наблюдайте за вашими собственными реакциями, старайтесь освободиться от страха. Что такое страх? Как он возникает?

«Он точно есть, но какой он, я не знаю».

Страх не может существовать в изоляции, он существует только относительно чего-то, не так ли? Есть состояние, которое вы вызываете одиночеством, и когда вы ощущаете то состояние, возникает страх. Так что страх не существует отдельно. Чего вы боитесь на самом деле?

«Наверное, моего одиночества, как вы говорите».

Почему, наверное? Разве вы не уверены?

«Я колеблюсь, из-за чего он, но одиночество — это одна из моих самых глубоких проблем».

Оно всегда было там, на заднем плане, но только теперь, в этом разговоре, я вынуждена взглянуть на него прямо, чтобы увидеть, что оно здесь, рядом. Это огромная пустота, пугающая и неизбежная».

Возможно смотреть на эту пустоту, не давая ей названия и какой-либо формы описания? Простое обозначение состояния не подразумевает то, что мы понимаем его, напротив, это помеха для понимания.

«Я понимаю, что вы имеете в виду, но я не могу не обозначить ее, это практически мгновенная реакция».

Чувствование и обозначение происходят почти одновременно, верно? Могут ли они быть отделены? Может ли быть промежуток между чувствованием и обозначением этого? Если этот промежуток действительно испытан, то произойдет то, что мыслитель прекращает быть как сущность, отделенная и отличная от мысли. Процесс словесного обозначения — это часть «я», эго, сущности, которая ревнует и которая пытается преодолеть собственную ревность. Если вы действительно поймете суть этого, то страх прекратится. Обозначение имеет физиологическое, также как психологическое следствие. Только когда нет никакого обозначения, тогда возможно полностью осознать то, что называется пустотой одиночества. Тогда ум не отделяет себя от того, что есть.

«Я нахожу, что чрезвычайно трудно следовать за всем этим, но чувствую, что я по крайней мере поняла часть из этого, и я позволю этому пониманию раскрыться».

Смятение ума

Весь день стоял туман, и, когда к вечеру он исчез, с востока подул ветер, сухой, резкий, сдувающий сухие листья и иссушающий землю. Это была бурная и грозная ночь, ветер усиливался, дом скрипел, и ветки отрывались от деревьев. Следующим утром воздух был настолько ясен, что вы могли почти прикоснуться к горам. Вместе с ветром возвратилась высокая температура, но, как только ветер стих в конце полудня, туман от моря снова расстелился.

Как необычно красива и богата земля! Нет никакой усталости от нее. Высохшие русла реки полны живых существ: горсы, маки, высокие желтые подсолнечники. На валунах лежали ящерицы, с коричневыми и белыми кольцами королевская змея грелась на солнце, ее черный язык выстреливал туда и обратно, а через ущелья лаяла собака, преследуя суслика или кролика.

Довольство никогда не является результатом полного удовлетворения, достижения или обладания вещами, это не рождено в действии или бездействии. Оно приходит с полнотой того, что есть, а не с его изменением. То, что является полным, не нуждается в изменении, замене. Именно незавершенное, которое пытается стать полным, знает суматоху недовольства и изменения. То, что есть неполное, оно не является полным. Полное нереально, а стремление к нереальному — это боль недовольства, которую никогда не излечить. Сама попытка излечить эту боль — поиск нереального, из-за которого недовольство возникает. Нет никакого выхода из недовольства. Осознавать недовольство означает осознавать то, что есть, и в полноте этого возникает состояние, которое может называться довольством. Оно не имеет никакой противоположности.

Дом был с видом на долину, и самый высокий пик отдаленных гор сверкал в лучах заката. Его скалистая масса казалась подвешенной над небом и освещенной изнутри, и в темнеющей комнате красота того света была неземной.

Он был молодежью мужчиной, нетерпеливым и стремительным.

«Я прочел несколько книг по религии и религиозным практикам, по медитации и различным методам, пропагандирующих самые высокие достижения. Я был в одно время приверженцем коммунизма, но скоро нашел, что это было движение к регрессу, несмотря на многих интеллектуалов, его сторонников. Меня также привлекал католицизм. Некоторые из его доктрин понравились мне, и какое-то время я подумывал о том, чтобы стать католиком, но однажды, когда я говорил с очень ученым священником, я внезапно почувствовал, как похож католицизм на тюрьму коммунизма. Во время моих скитаний, когда я был моряком на грузовом судне, я отправился в Индию и провел там почти год, и я подумывал о том, чтобы стать монахом, но это было слишком далеко от жизни и слишком идеалистично и нереально. Я пробовал жить один, чтобы медитировать, но этому тоже наступил конец. После всех этих лет я все еще, кажется, совсем неспособен контролировать свои мысли, и это именно то, о чем мне хочется поговорить. Естественно, у меня есть и другие проблемы, секс и тому подобное, но если бы я был полностью хозяином своих мыслей, я мог бы тогда уметь обуздывать мои горячие желания и побуждения».

Приведет ли контроль над мыслями к успокоению желания или же просто к его подавлению, что, в свою очередь, породит другие и более глубокие проблемы?

«Вы, конечно, не поощряете потакание желаниям. Желание — это путь мысли, и моими попытками управлять мыслями я надеялся поработить мои желания. Желания должны быть либо порабощены, либо возвышены, но даже при их возвышенности они должны быть сначала удержаны под контролем. Большинство учителей настаивает на том, что нужно переступить

пределы желания, и они предписывают различные методы для этого».

Помимо того, что сказали другие, что думаете вы? Решит ли простой контроль над желаниями многие проблемы желания? Будет ли подавление или возвышение желания вызывать его понимание или освобождать вас от него? С помощью определенных упражнений, религиозных или иных, ум можно дисциплинировать каждый час дня. Но занятый ум — это не свободный ум, и, конечно, только свободный ум может осознать бесконечный творческий потенциал.

«Неужели нет освобождения через переступание пределов желания?»

Что вы подразумеваете под переступанием пределов желания?

«Для реализации собственного счастья и также наивысшего, необходимо не попасть под влияние желания, не оказаться пойманным в ловушку его порыва и замешательства. Чтобы держать желание под контролем, необходима некая форма покорения. Вместо преследования в жизни тривиальных вещей, это самое желание может искать возвышенное».

Вы можете изменить объект желания от дома до знания, от низкого к самому-самому высокому, но это все еще деятельность желания, не так ли? Можно не хотеть мирового признания, но побуждение достичь небес — это все равно преследование выгоды.

Желание вечно ищет реализации, достижения, и именно это движение желания должно быть понято и не должно отгоняться или рассеиваться. Без понимания путей желания простой контроль над мыслью имеет небольшое значение.

«Но надо вернуться к сути, с которой я начал. Даже, чтобы понять желание, необходима концентрация, и это для меня настоящая трудность. Кажется, я не могу управлять своими мыслями. Они блуждают повсюду, наталкиваясь друг на друга. Нет ни одной мысли, которая бы доминировала и была непрерывной среди всех ненужных мыслей».

Ум подобен механизму, работающему день и ночь, болтающему и постоянно занятому, спит ли он или бодрствует. Он быстр и столь же беспокоен, как море. Другая часть этого запутанного и сложного механизма пробует управлять всем движением, и таким образом начинается конфликт между противостоящими желаниями и побуждениями.

Одну часть можно называть высшее «я», а другую — низшее «я», но оба находятся в пределах области ума. Действие и реакция ума, мысли являются почти одновременными и почти автоматическими. Этот целостный сознательный и неосознанный процесс принятия и отрицания, приспособления и стремления быть свободным является чрезвычайно быстрым. Так что вопрос не в том, как управлять этим сложным механизмом, поскольку контроль порождает трение и только рассеивает энергию, а в том, может ли этот очень быстрый ум замедлиться?

«Но как?»

Если это можно напомнить, сэр, проблема не в «как». «Как» просто приводит к результату, к цели без особого значения, а после того, как его получают, начнется другой поиск другой желаемой цели, с ее страданием и противоречием.

«Тогда что же делать?»

Вы неправильно задаете вопрос, не так ли? Вы не обнаруживаете сами истину или ошибочность замедления ума, а заинтересованы в получении результата. Получение результата сравнительно легко, верно? Действительно ли это возможно для ума — замедлиться без применения тормоза?

«Что вы подразумеваете под замедлением?»

Когда вы очень быстро едете в автомобиле, близлежащий пейзаж размыт, только при скорости ходьбы вы можете рассматривать в деталях деревья, птиц и цветы. Самопознание приходит с замедлением ума, но это не значит что ум надо вынуждать быть медленным.

Принуждение только приводит к сопротивлению, но при замедлении ума не должно быть никакой растраты энергии. Это так, верно?

«Думаю, что я начинаю понимать, что усилия, которые каждый прилагает, чтобы управлять мыслью, расточительны, но я не понимаю того, что еще нужно сделать».

Мы еще не подошли к вопросу о действии, не так ли? Мы пробуем понять, что для ума важно замедлиться, мы не рассматриваем, как замедлить его. Ум может замедляться? И когда это случается?

«Я не знаю, я никогда прежде об этом не думал».

Вы не заметили, сэр, что когда вы за чем-либо наблюдаете, ум замедляется? Когда вы наблюдаете автомобиль, движущийся там, по дороге, или пристально смотрите на любой физический объект, разве ваш ум не функционирует более медленно? При наблюдении, рассматривании ум действительно замедляется. Рассматривание картины, изображения, объекта помогает утихомирить ум, как происходит и при повторении фразы. Но тогда объект или фраза становятся очень важными, а не замедление ума и то, что таким образом обнаруживается.

«Я наблюдаю за тем, что вы объясняете, и возникает осознание спокойствия ума».

Мы когда-либо действительно наблюдаем за чем-нибудь или же мы вставляем между наблюдателем и наблюдаемым призму различных предубеждений, ценностей, суждений, сравнений, осуждений?

«Почти невозможно не иметь эту призму. Я не думаю, что способен наблюдать без искажения».

Если можно, я предложу вам, не блокируйте себя словами или умозаключениями, уверенным или отрицательным. Может ли быть наблюдение без этой призмы? Чтобы выразиться по-другому, есть ли внимание, когда ум занят? Только незанятый ум может следить. Ум замедлен, насторожен, когда есть наблюдательность, которая является вниманием незанятого ума.

«Я начинаю испытывать то, о чем вы, сэр, говорите».

Давайте исследуем это немного далее. Если нет оценки, нет призмы между наблюдателем и наблюдаемым, то есть ли тогда разделение, разрыв между ними? Не является ли наблюдатель наблюдаемым?

«Боюсь, что не успеваю понять».

Алмаз не может быть отделен от его качеств, не так ли? Чувство зависти не может быть отделено от переживающего это чувство, хотя иллюзорное разделение существует, которое порождает конфликт, а в ловушке этого конфликта оказывается ум. Когда это ложное разделение исчезает, появляется возможность свободы, и только тогда ум спокоен. Только когда переживающий прекращает быть, возникает творческое движение реальности.

Контроль над мыслями

При любой скорости всегда была пыль, мелкая и всюду проникающая, и она сыпалась в автомобиль. Хотя это было рано утром, и солнца не будет еще в течение часа или двух, уже стояла сухая, бодрящая жара, которая не была слишком неприятна. Даже в тот час на дороге были телеги с волами. Водители спали, но волы, придерживаясь дороги, медленно шли назад к деревне. Иногда бывало две или три телеги, иногда десять, а однажды было двадцать пять, во всей этой длинной веренице все водители спали, и единственная керосиновая лампа была на ведущей телеге. Автомобилю пришлось съехать с дороги, чтобы пропустить их, поднимая горы пыли, а волы с их ритмично звенящими колокольчиками никогда не сворачивали в сторону.

Было все еще довольно темно после часа непрерывной езды. Деревья были темными, таинственными и уединенными. Дорога была теперь асфальтированной, но узкой, и каждая новая телега означала большее количество пыли, большее количество звона колокольчиков и еще большее количество телег впереди. Мы направлялись на восток, и скоро начался рассвет, едва видимый, нежный и не создающий теней. Это не был ясный рассвет, яркий с блестящей росой, а один из тех утренних часов, которые довольно тяжелы из-за наступающей жары. И все же как это было прекрасно! Вдали были горы, их еще нельзя было заметить, но чувствовалось, что они были там, огромные, прохладные и свободные от времени.

Дорога проходила через всякие виды деревень, некоторые чистые, аккуратные и ухоженные, другие грязные и гниющие из-за безнадежной бедности и деградации. Люди шли в поля, женщины к колодцам, а дети на улицах кричали и смеялись. Виднелись мили правительственных ферм с тракторами, рыбными садками и экспериментальными сельскохозяйственными школами. Мимо промчался мощный новенький автомобиль, нагруженный богатыми, хорошо питающимися людьми. Горы все еще были далеко, а земля была богатой. В нескольких местах дорога проходила через сухое русло реки, где это вовсе не было дорогой, но автобусы и телеги срезали путь. Попугаи, зеленые и красные, перекрикивались в своем сумасшедшем полете. Были также и птицы поменьше, золотистые и зеленые, и белые рисовые птицы.

Теперь дорога покидала равнины и начинала подниматься. Густую растительность в предгорьях убирали с помощью бульдозеров и садили мили фруктовых деревьев. Автомобиль продолжил подниматься, когда холмы стали горами, покрытыми каштанами и соснами. Сосны были стройными и прямыми, а каштаны густо расцвели. Сейчас нам открывался вид, неизмеримые долины, простирающиеся далеко вниз, а впереди виднелись заснеженные пики.

Наконец мы объехали изгиб на верхнем уровне подъема, и там открылись горы, ясные и ослепительные. Они были на расстоянии шестидесяти миль, а между ними и нами была обширная голубая долина. Простираясь на более чем две сотни миль, они заполнили горизонт непрерывной цепью, и, повернув голову, мы могли видеть от начала до конца. Это был изумительный вид. Пролетавшие между нами шестьдесят миль, казалось, исчезли, и осталась лишь та неприступность и уединение. Те пики, достигающие высоты более чем 25,000 футов, имели божественные названия, потому что там жили боги, и люди приходили к ним через огромные расстояния для паломничества, чтобы поклониться и умереть.

Он получил образование за границей, сказал он, и поддерживал хорошие взаимоотношения с правительством, но более чем двадцать лет назад он принял решение отказаться от этого положения и мирских путей, чтобы провести свои оставшиеся дни жизни в медитации.

«Я занимался различными методами медитации, — продолжил он, — до тех пор, пока не добился полного контроля над своими мыслями, и это принесло некоторые силы и влияние над

самим собой. Однако один друг взял меня с собой на одну из ваших бесед, в которых вы ответили на вопрос о медитации, сказав, что часто практикуемая медитация — это форма самогипноза, искусственное порождение самоспроецированных желаний, даже и очищенных. Это поразило меня, так как было настолько истинным, что я искал этой беседы с вами. И, принимая во внимание, что я отдал свою жизнь медитации, надеюсь, что мы сможем вникнуть в этот вопрос довольно глубоко.

Я хотел бы начать, несколько объяснив ход моего развития. Я понял из всего, что я прочитал, что необходимо быть полностью хозяином своих мыслей. Для меня это было чрезвычайно трудно. Концентрация на официальной работе была чем-то совершенно отличным от уравновешенности ума и обуздания всего процесса мысли. Согласно книгам, надо было взять все бразды управления мыслями в свои руки. Мысль не может быть настолько обостренной, чтобы проникнуть в многочисленные иллюзии, если ею не управлять и не направлять, так что это была моя первостепенная задача».

Если можно спросить, не перебивая ваше повествование, действительно ли контроль над мыслью — это первостепенная задача?

«Я слышал то, что вы сказали в вашем рассказе о концентрации, но, если позволите, я хотел бы насколько возможно описать весь мой опыт и затем приняться за некоторые жизненные проблемы, связанные с ним».

Как хотите, сэр.

«С самого начала я был неудовлетворен моим делом, и отбросить многообещающую карьеру было сравнительно легким шагом. Я прочел очень много книг по медитации и размышлению, включая письма разных мистиков, и здесь, и на западе, и для меня казалось очевидным, что контроль над мыслью — это наиболее важная вещь. Это потребовало значительных усилий, постоянных и целенаправленных. Когда я продвигался в медитации, у меня было много переживаний, видений Кришны, Христа и некоторых из индусских святых. Я стал ясновидцем, начал читать мысли людей и приобрел некоторые другие сидхи или сверхспособности. Я продвигался от опыта к опыту, от одного видения с его символическим значением к другому, от отчаяния до наивысшей формы благодати. У меня появилась гордость завоевателя, того, кто был хозяином самого себя. Аскетизм, владение собой, действительно придает ощущение власти, и это порождает тщеславие, силу и самоуверенность. Я имел все это в изобилии. Хотя я слышал о вас много лет, гордость из-за моих достижений всегда мешала мне прийти, чтобы вас послушать, но мой друг, другой саньясин, настаивал, чтобы я пришел, и то, что я услышал, потревожило меня. До этого я думал, что я был выше всяких тревог! Это была моя история о медитации вкратце».

«Вы сказали в вашем рассказе, что ум должен идти выше всякого опыта, иначе он в заключении его собственных проекций, его собственных желаний и стремлений, и я был глубоко удивлен, обнаружив, что мой ум был в плену у тех самых вещей. Осознавая этот факт, как уму сломать стены тюрьмы, которую он построил вокруг себя? Неужели эти двадцать с лишним лет были потрачены впустую? Неужели все это было простое блуждание в иллюзиях?»

Какое действие нужно предпринять, можно сейчас обговорить, но давайте рассмотрим, если пожелаете, контроль над мыслями. Действительно ли этот контроль необходим? Это выгодно или вредно? Различные религиозные учителя пропагандировали контроль над мыслями как первичный шаг, но действительно ли они правы? Кто этот контролер? Не является ли он частью той самой мысли, которую он пробует контролировать? Он может думать о себе как отделенном, отличном от мысли, но разве он не есть результат мысли? Конечно, контроль подразумевает принудительное воздействие воли поработить, подавить, доминировать, создать сопротивление против того, что нежелательно. В этом целостном процессе присутствует

обширное и печальное противоречие, верно? Может ли что-либо хорошее получиться из противоречия?

Концентрация при медитации — это форма эгоцентричного усовершенствования, она подчеркивает действие в пределах границ «я», эго, «меня». Концентрация — это процесс сужения мысли. Ребенок поглощен своей игрушкой. Игрушка, образ, символ, слово приковывает беспокойное блуждание ума, и такое поглощение называется концентрацией. Ум занят образом, объектом, внешним или внутренним. Тогда становятся важными образ или объект, а не понимание самого ума. Концентрация на чем-то сравнительно легка. Игрушка действительно поглощает ум, но она не освобождает ум для того, чтобы исследовать, обнаруживать то, что есть, если имеется что-нибудь за пределами его собственных границ.

«То, что вы говорите, настолько отличается от того, что мы читаем или чему нас учили, но все же это кажется истинным, и я начинаю понимать значение контроля. Но как ум может быть свободен без дисциплины?»

Подавление и соответствие — это не шаги, ведущие к свободе. Первый шаг к свободе — это понимание неволи. Дисциплина действительно формирует поведение и лепит мысль согласно желаемому образцу, но без понимания желания простой контроль или дисциплина извращает мысль. Тогда как когда имеется осознание путей желания, это осознание вносит ясность и порядок. В конце концов, сэр, концентрация — это путь желания. Человек бизнеса сконцентрирован, потому что он хочет накопить богатство или получить власть, а когда кто-то другой концентрируется в медитации, он также бежит за достижениями, наградой. Оба страстно стремятся к успеху, что придает уверенность в себе и чувство безопасности. Это так, верно?

«Я слушаю то, что вы объясняете, сэр».

Одно лишь словесное понимание, которое является разумным схватыванием того, что слышится, имеет малую ценность, вы так не считаете? Фактор освобождения никогда не является простым словесным пониманием, а восприятием истинности или ошибочности вопроса. Если мы сможем понять значение концентрации и увидеть ложное как ложное, тогда возникает освобождение от желания достичь, испытать, стать кем-то. После этого приходит внимание, которое полностью отличается от концентрации. Концентрация подразумевает двойной процесс, выбор, усилие, так ведь? Существует тот, кто прикладывает усилия, и цель, ради которой усилие сделано. Так что концентрация усиливает «я», эго как прилагательного усилия, завоевателя, добродетельного человека. Но при внимании эта двойная деятельность отсутствует, отсутствует и переживающий, тот, кто собирает, накапливает и повторяет. В этом состоянии внимания конфликт достижения и страх неудачи прекращается.

«Но, к сожалению, не все из нас одарены этой силой внимания».

Это не дар, это не награда, не вещь, которую можно купить за дисциплину, практику и тому подобное. Оно возникает с пониманием желания, что является самопознанием. Это состояние внимания является добром, отсутствием «я».

«Неужели все мои усилия и дисциплина многих лет потрачены совсем впустую и не имеют вообще никакой ценности? Даже когда я задаю этот вопрос, я начинаю видеть суть вопроса. Я теперь понимаю, что в течение более чем двадцати лет я шел путем, который неизбежно вел к созданной мной самим же тюрьме, в которой я жил, переживал и страдал. Рыдать над прошлым — это поблажка себе, и нужно снова начать с другим настроением. Но как насчет всех видений и переживаний? Они также ложны и ничего не стоящи?»

Разве ум, сэр, это не обширный склад всех опытов, видения и мыслей человека? Ум — это результат многих тысяч лет традиции и опыта. Он способен на фантастические изобретения, от самого простого до наиболее сложного. Он способен на необычайные заблуждения и к обширному восприятию. Опыт и надежды, неприятности, радости и накопленные знания, как

коллективные, так и индивидуальные, — все находятся там, хранящееся далеко в глубинных слоях сознания, и можно вновь переживать унаследованные или приобретенные опыт, видение и так далее. Нам говорят о каких-то наркотиках, которые могут дать ясность, видение глубин и высот, которые могут освободить ум от его суетности, дав ему великую энергию и понимание. Но должен ли ум путешествовать через все эти темные и скрытые проходы, чтобы прийти к свету? И, когда через любое из этих средств он действительно приходит к свету, является ли это светом вечности? Или же это свет известного, узанного, явление, рожденное поиском, борьбой, надеждой? Нужно ли пройти через этот утомительный процесс, чтобы найти то, что неизмеримо?

Так как вы имели эти способности, опыты, что вы на это скажите, сэр?

«Пока они продолжались, я, естественно думал, что они были важны и имели значение. Они давали мне удовлетворяющее ощущение власти, некое счастье в удовлетворении от достижения. Когда появляются различные способности, они придают огромную уверенность в себе, чувство самообладания, в котором присутствует переполняющая гордость. Теперь, после разговора обо всем этом, я несколько не уверен, что эти видения и тому подобное имеют для меня такое большое значение, какое они когда-то имели. Они, кажется, отступают в свете моего собственного понимания».

Нужно ли проходить через все эти переживания? Действительно ли они необходимы, чтобы открыть дверь в вечность? Нельзя ли их обойти? В конце концов, что является необходимым, так это самопознание, которое вызывает спокойствие ума. Спокойный ум — это не продукт воли, дисциплины, различных методик порабощения желания. Все эти методики и дисциплины только усиливают «я», а достоинство в таком случае — это еще один камень, на котором «я» может строить дом из важности и респектабельности. Ум должен быть опустошен от известного для того, чтобы было непостижимое. Без понимания путей «я» добродетель начинает одевать себя в одежду важности. Движение «я» с его волей и желанием, его поиском и накоплением должно полностью прекратиться. Тогда только может возникнуть бесконечное. Его нельзя заманить. Ум, который стремится заполучить реальное с помощью различных методик, дисциплин, с помощью молитв и жизненной позиции, может только получить его собственные удовлетворяющие проекции, но они не реальны.

«Я сейчас чувствую, что после этих многих лет аскетизма, дисциплины и самоумерщвления что мой ум удерживается в тюрьме его собственноручного создания и что стены этой тюрьмы должны быть разрушены. Как же к этому приступить?»

Самого осознания, что они должны исчезнуть, достаточно. Любая попытка сломать их приводит в движение желание достичь, извлечь пользу и таким образом порождает конфликт противоположностей, переживающего и переживаемого, ищущего и искомого. Видеть ложное как ложное — этого само по себе достаточно, поскольку само это восприятие освобождает ум от ложного.

Существует ли глубокое размышление?

Далеко за пальмами было море, беспокойное и жестокое. Оно никогда не было спокойным, а всегда неровным из-за волн и сильных течений. В тишине ночи его плеск можно было бы услышать на некоторое расстояние на суше, и в том мощном зове таилось предупреждение, угроза. Но среди пальм были глубокие тени и спокойствие. Было полнолуние, и было почти как днем, без жары и яркого света, и свет на тех развивающихся пальмах был мягок и прекрасен. Красота не была только из-за лунного света на пальмах, но также и из-за теней, из-за гладких стволов, из-за искрящихся вод и богатой земли. Земля, небо, человек, идущий мимо, квакающие лягушки и отдаленный свист поезда — все это было единым живым существом, неизмеримым для ума.

Ум — это удивительный инструмент, нет другого такого искусственного созданного механизма, столь же сложного, утонченного и с такими же бесконечными возможностями. Мы только осознаем поверхностные уровни ума, если вообще осознаем, и довольны, что живем и ведем наше существование на его внешней поверхности. Мы принимаем размышление как деятельность ума: размышление генерала, который планирует массовое убийство, хитрого политика, ученого профессора, плотника. А есть ли глубокое размышление? Не всякое ли размышление — это поверхностная деятельность ума? В мыслях является ли мнение глубоким? Может ли ум, который собран воедино, который является результатом времени, памяти, опыта, осознать что-то, что не принадлежит ему? Ум всегда ищет, стремится к чему-то за пределами его собственной замкнутой в себе деятельности, но центр, от которого он исходит, вечно остается неизменным.

Ум — это не просто поверхностная деятельность, но также и скрытые движения многих столетий. Эти движения изменяют или управляют внешней деятельностью, так что ум развивает его собственный конфликт дуальности. Нет целого, всеобъемлющего ума, он разбит на многие части, одна в оппозиции по отношению к другой. Ум, который стремится объединить, координировать себя, не может устроить мир среди его многочисленных разрушенных частей. Ум, который сделали целым с помощью мысли, знания, опыта, является все еще результатом времени и печали, даже собранный воедино он все еще является предметом, состоящим из деталей.

Мы неправильно подходим к этой проблеме интеграции. Часть никогда не сможет стать целым. Через часть целое не может быть осознано, но мы не понимаем этого. То, что мы действительно понимаем, — это какое-то увеличение части, чтобы содержать в себе многие части, но соединение многих частей не приводит к интеграции, не имеет большого значения и гармония между различными частями. То, что имеет значение, это не гармония или интеграция, поскольку это можно привить заботой и вниманием, правильным образованием. Но что действительно имеет наивысшую важность так это позволить возникнуть неизвестному. Известное никогда не сможет получить неизвестное. Ум непрерывно стремится жить счастливо в луже созданной им же самим интеграции, но это не вызовет творческий потенциал неизвестного. По существу, самосовершенствование — это всего лишь посредственность. Самосовершенствование через достоинство, через отождествление со способностями, через любую форму активной или пассивной безопасности, является процессом замыкания в себе, каким бы он ни был широким. Амбиция порождает посредственность, так как амбиции — это полное удовлетворение «я» через действие, через группу, через идею. «Я» — это центр всего, что известно, это прошлое,двигающееся через настоящее к будущему, и всякая деятельность в сфере известного приводит к мелочности ума. Ум никогда не может быть великим, поскольку

то, что является великим, неизмеримо. Известное можно сравнить, и все действия известного могут только приносить печаль.

Необъятность

Долина расстелилась далеко внизу и была полна той деятельности, как и большинство долин. Солнце только садилось за отдаленными горами, и тени были темными и длинными. Это был тихий вечер, с ветерком, дующим с моря. Апельсиновые деревья, ряд за рядом, казались почти черными, и на длинной прямой дороге, которая пробегала по долине, появлялись случайные вспышки, когда движущиеся автомобили ловили на себе свет садящегося солнца. Это был вечер, полный очарования и умиротворения.

Ум, казалось, охватывал обширное пространство и бесконечное расстояние, или даже, скорее, казалось, что ум расширялся, не имея окончания, а позади и за пределами ума было кое-что, что содержало в нем все вещи. Ум неопределенно боролся, чтобы узнать и припомнить то, что не принадлежало ему самому, так что он прекратил свою обычную деятельность. Он не мог уловить то, что не было свойственно его собственной природе, но в настоящий момент все вещи, включая ум, были окутаны той необъятностью. Вечер темнел, и отдаленный лай собак никоим образом не нарушал то, что вне всякого сознания. Об этом нельзя думать и поэтому переживать умом.

Но тогда что же это, что почувствовало и осознает кое-что совершенно отличное от проекций ума? Кто же это, кто переживает это? Очевидно это не ум каждодневных воспоминаний, ответов и побуждений. Есть ли другой ум или же есть часть ума, которая бездействует, чтобы быть пробужденной только тем, что выше и вне всякого ума? Если это так, то в пределах ума всегда есть то, что вне всякой мысли и времени. И все же этого не может быть, поскольку это всего лишь мысль размышления и поэтому еще одно из многих изобретений ума.

Раз эта необъятность не рождена процессом мышления, тогда что же это, что осознает ее? Ум ли как переживающий осознает ее или же та необъятность осознает себя, потому что вообще нет никакого переживающего? Не было никакого переживающего и когда это случалось при спуске с горы, все же осознание ума полностью отличалось по типу так же, как по степени, от того, что неизмеримо. Ум не функционировал, он был внимателен и пассивен, и хотя осознавал о ветре, играющем среди листьев, в его пределах не было никакого движения. Не было наблюдателя, который измерял наблюдаемое. Было только это, и это осознало себя без измерения. Для него не было никакого начала и никакого слова.

Ум осознает, что не может уловить с помощью опыта и слова то, что вечно неизменно, бесконечное и неизмеримое.